8(с)Р
Д 96

XIX
Д96

6535
11-K100

6536
11-K100

891
D-95

6535
11-K 100

8(С)Р
Д 96
Московская Губернская Центральная Библиотека
11 20 р.

Н. М. Карамзинъ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.

6097
49 л.
LXXIX
Д 96

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО.
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр., д. № 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІЯ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ 1766 г. Родители его были люди зажиточные—у отца его было помѣстье въ Симбирской губерніи, и въ родномъ домѣ молодой Карамзинъ получилъ свое первоначальное воспитаніе. Въ нашей литературѣ, какъ извѣстно, Карамзинъ является представителемъ такъ называемаго сентиментальнаго направленія. Несомнѣнно, что почва для увлеченія его сентиментализмомъ была подготовлена уже въ его дѣтствѣ. Главными факторами въ этомъ отношеніи нужно считать вліяніе его матери и вліяніе тѣхъ книгъ, которыя онъ читалъ въ дѣтствѣ. Болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о дѣтствѣ Карамзина мы почерпаемъ изъ его повѣсти «Рыцарь нашего времени», которая, очевидно, представляетъ собой своего рода автобіографію, описаніе его жизни въ первые годы.—Герой этой повѣсти Леонъ. Родился онъ на берегахъ Волги. Отецъ его, добродушный капитанъ лѣтъ 50-ти, женился на 20-лѣтней дѣвушкѣ. Эта дѣвушка, мать Леона, отличалась меланхоліей и необыкновенной способностью мечтать; она была въ состояніи просиживать по часамъ на одномъ мѣстѣ, углубившись въ свои мечты. Меланхолическое, мечтательное настроеніе унаслѣдовалъ отъ матери и Леонъ—Карамзинъ.—Съ другой стороны, въ этомъ же направленіи развились его умъ и фантазія. У отца Карамзина была довольно об-

ширная библіотека, и чтеніе нѣкоторыхъ книгъ изъ этой библіотеки, несомнѣнно, имѣло вліяніе на образованіе духовнаго склада Карамзина. Первой книгой, которую читалъ онъ, были басни Эзопа; затѣмъ онъ принялся за повѣсти вродѣ «Похожденія Мирамоида», «Хаира» и т. п. Въ этихъ повѣстяхъ, пользовавшихся большой популярностью среди русской публики того времени, описывались обыкновенно страданія влюбленныхъ, говорилось о борьбѣ ихъ съ разными препятствіями, которыя являлись на ихъ пути, и т. д. Въ нихъ выводилась обыкновенно та мораль, что добродѣтель должна восторжествовать, а порокъ наказываться. Понятно, что эти расказы соотвѣтствующимъ образомъ дѣйствовали на душу впечатлительнаго мальчика. Къ этому присоединяется еще сильно развитое религіозное чувство, особенно укрѣпившееся въ мальчикѣ послѣ слѣдующаго случая: разъ въ лѣсу онъ встрѣтился съ медвѣдемъ; звѣрь готовъ былъ уже наброситься на него, но въ этотъ моментъ упалъ, пораженный молніей.—Таковы были, по описанію самого Карамзина, наиболѣе интересные факты изъ его дѣтства.—Прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ жизни Карамзина. Приблизительно между 1776 и 1780 годами онъ былъ отданъ въ московскій пансіонъ Шадена. Годъ поступленія его въ пансіонъ въ точности не извѣстенъ, но, очевидно, это произошло между упомянутыми годами—во время войны Англіи съ Соединенными Штатами—такъ какъ впослѣдствіи Карамзинъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“ вспоминаетъ, что въ то время онъ любилъ читать свѣдѣнія объ этой войнѣ. Шаденъ былъ профессоръ заграничнаго университета, очень серьезный и опытный преподаватель и воспитатель. Главнымъ принципомъ его системы воспитанія было не насиловать способности своихъ воспитанниковъ, а только руководить ими. Подъ его руководствомъ Карамзинъ

получилъ нѣкоторое общее образованіе, между прочимъ, изучилъ нѣмецкій и англійскій языки. Особенное вліяніе оказывалъ Шаденъ на развитіе нравственныхъ воззрѣній своихъ воспитанниковъ, и вліяніе его, несомнѣнно, отразилось впослѣдствіи, когда окончательно сформировались мировозрѣніе и характеръ Карамзина.—Изъ книгъ, оказавшихъ наиболѣе сильное вліяніе на Карамзина въ этотъ періодъ жизни, нужно отмѣтить Геснера. Этотъ поэтъ былъ въ то время въ Германіи своего рода пророкомъ. Основной особенностью его поэзіи является дидактизмъ и чувствительность. Въ 1732 году Карамзинъ выходитъ изъ пансіона Шадена и переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣляется на военную службу, въ Преображенскій гвардейскій полкъ. Къ этому времени относится его сближеніе съ Дмитріевымъ, а также первое открытое выступленіе на литературномъ поприщѣ. Его первыми трудами были: «Разговоръ Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ» и „Деревянная нога“—переводъ идилліи нѣмецкаго поэта Гесснера.—Черезъ два года, въ 1734 г., Карамзинъ оставляетъ военную службу и уѣзжаетъ на родину—въ Симбирскъ. Черезъ нѣкоторое время онъ, по совѣту Тургенева, переѣзжаетъ въ Москву, и тутъ завязывается у него знакомство съ кружкомъ Новикова. Этотъ кружокъ, или «Дружеское общество», какъ его обыкновенно называли, состоялъ изъ болѣе серьезно и образованной части современной молодежи; цѣль его состояла въ распространеніи просвѣщенія среди русской публики путемъ печатанья и распространенія переводныхъ сочиненій иностранныхъ писателей. Вскорѣ Карамзинъ сдѣлался однимъ изъ дѣятелей кружка. Новиковскій кружокъ оказалъ на него громадное вліяніе; здѣсь онъ встрѣтился съ людьми, серьезно и съ любовью занимавшимися умственнымъ трудомъ. Глав-

нымъ образомъ оказали на него вліяніе его пріятели: Петровъ, поэтъ Ленцъ и профессоръ Шварцъ. Петрова Карамзинъ описываетъ въ двухъ своихъ стихотвореніяхъ—въ стихотвореніи „Чувствительный и холодный“, гдѣ холодный, разсудочный человѣкъ—Петровъ—противополагается чувствительному и пылкому—самому Карамзину, и въ повѣсти „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“, написанной послѣ смерти Петрова—въ 1793 г. Будучи, между прочимъ, знатокомъ англійской литературы, Петровъ старался возбуждать интересъ къ ней и въ Карамазинѣ. Въ этомъ же направленіи вліялъ на послѣдняго и поэтъ Ленцъ, познакомившій его съ произведеніями знаменитаго англійскаго драматурга—Вильяма Шекспира. Ленцъ былъ извѣстный даровитый поэтъ эпохи «Бури и натиска» (Sturm und Drangperiode). Извѣстна его печальная смерть недалеко отъ Москвы, явившаяся послѣдствіемъ надорвавшей его безпорядочной жизни. Плодомъ знакомства Карамзина съ Шекспиромъ явился предпринятый имъ въ 1737 г. переводъ шекспировскаго «Юлія Цезаря»—Наконецъ, третьимъ изъ лицъ, оказавшихъ вліяніе на Карамзина, былъ бывшій профессоръ нѣмецкаго языка и нравственной философіи въ Московскомъ университетѣ—Шварцъ.—Въ Новиковскомъ кружкѣ Карамзинъ научился серьезно работать, здѣсь онъ выработалъ въ себѣ извѣстный критическій взглядъ, способность критической оцѣнки.—Поэзія Карамзина носитъ тотъ особенный характеръ, который обыкновенно принято называть сентиментальнымъ. Посмотримъ, какъ возникло сентиментальное направленіе въ западной литературѣ и какъ появилось оно у насъ, наиболѣе ярко выразившись въ произведеніяхъ Карамзина. «Сентиментализмъ»—такъ было названо новое литературное направленіе, появившееся на западѣ въ XVII вѣкѣ. Этотъ терминъ характеризуетъ извѣстное произведеніе не столько со сторо-

ны содержанія, сколько со стороны общаго настроенія произведенія.—Возникъ сентиментализмъ при слѣдующихъ условіяхъ. Въ это время, когда выдвигавшееся на западѣ въ продолженіе XVII и XVIII вѣковъ среднее сословіе—„буржуазія“—окончательно заняло среди общества почтенное мѣсто, совершился соотвѣтствующій переворотъ и въ литературѣ: ложноклассицизмъ началъ отходить на задній планъ, а на его мѣсто появилась литература буржуазная—т. наз. мѣщанская драма и семейный романъ. Это были произведенія, рисующія тихую и добродѣтельную семейную жизнь. Родиной новаго направленія была Англія, а родоначальниками его—англійскіе писатели Ричардсонъ и Стэрнъ. Ричардсонъ написалъ романъ „Памела или награжденная добродѣтель“, „Кларисса“ и „Сэръ Чарльзъ Грандисонъ“. Имя Ловеласа, героя одного изъ этихъ романовъ—романа „Кларисса—сдѣлалось у насъ почти нарицательнымъ. Второй изъ родоначальниковъ сентиментализма—Стэрнъ—написалъ „чувствительное путешествіе“ Это произведеніе представляетъ собой не описаніе мѣстъ, которыя посѣщалъ авторъ, но лишь его чувствъ и впечатлѣній. Отличительной чертой произведеній Стэрна является юмористическій элементъ.—

На Карамзина кромѣ этихъ двухъ писателей оказали вліяніе еще произведенія Жанъ-Жака Руссо, Юнга, Томсона, мадамъ Жанлисъ и др. Карамзинъ является у насъ наиболѣе цѣльнымъ выразителемъ сентиментальнаго направленія, но не слѣдуетъ думать, что онъ первый внесъ въ нашу литературу это направленіе. У него были предшественники; слабые зачатки сентиментализма видимъ мы у насъ уже въ концѣ XVIII вѣка въ любовныхъ стихахъ, стихотвореніяхъ Сумарокова, масонствѣ и т. д.

Въ 1789 году Карамзинъ отправился путешествовать

по западной Европѣ. Это путешествіе продолжалось полтора года, и плодомъ его явились „Письма русскаго путешественника“.

Возвратившись въ Россію, Карамзинъ поселился въ Москвѣ и началъ издавать журналъ, скромно названный „Московскимъ Журналомъ“. Въ немъ сотрудничали: Державинъ, Херасковъ, Дмитріевъ и др., однако, главное, что привлекало публику—это были произведенія самаго Карамзина. Здѣсь, между прочимъ, были напечатаны и „Письма русскаго путешественника“. Но и помимо этого „Московскій Журналъ“ могъ считаться лучшимъ журналомъ XVIII вѣка. Въ немъ были хорошіе отдѣлы поэзіи, прозы, серьезный отдѣлъ критики, библіографіи и т. д. Общество встрѣтило журналъ очень сочувственно, но скоро—въ 1792 г.,—Карамзинъ прекратилъ его изданіе, задумавъ приняться за обширный трудъ историческаго характера — „Исторію Государства Россійскаго“. Въ 1792 г. онъ написалъ повѣсти „Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“. Съ 1792 г. до 1802 года онъ занимается подготовительными работами къ своей исторіи, издаетъ альманахъ „Аглая“, пишетъ біографіи русскихъ писателей для „Пантеона россійскихъ писателей“. Въ 1802 г. Карамзинъ однако снова принимается за изданіе журнала—онъ начинаетъ издавать „Вѣстникъ Европы“. Вопросы, которые затрагивались въ этомъ журналѣ, простирались очень широко. Тутъ были отдѣлы чисто-литературный и политическій. Въ этомъ журналѣ были помѣщены извѣстныя статьи Карамзина, напр., разсужденіе „о любви къ отечеству и народной гордости“. „Вѣстникъ Европы“, какъ и „Московскій Журналъ“, имѣлъ успѣхъ, но тѣмъ не менѣе Карамзинъ прекратилъ и его изданіе—въ 1803 г. Съ этихъ поръ онъ уже вполнѣ отдается занятіямъ исторіей и собиранію необходимаго матеріала. При

содѣйствіи товарища министра народнаго просвѣщенія, М. Н. Муравьева, онъ получаетъ возможность пользоваться богатымъ историческимъ матеріаломъ, разсѣяннымъ по разнымъ архивамъ; получаетъ затѣмъ званіе „исторіографа“ и матеріальное обезпеченіе въ 2,000 рублей ежегодной пенсіи.—Въ 1816 г. были уже готовы первые восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Они вышли въ 1818 г. и надѣлали среди общества много шума. Въ 1821 г. былъ изданъ IX томъ, а въ 1824—X; XI и XII тома вышли уже послѣ смерти Карамзина — въ 1829 г. Чтобы поправить пошатнувшееся здоровье Карамзина, было приступлено, по приказанію Государя, къ снаряженію особаго фрегата, который долженъ былъ отвезти на югъ Франціи больного исторіографа. Ему, однако, не пришлось дожить до этого времени. Онъ умеръ 22 мая 1826 г. и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

„Письма русскаго путешественника“.

Приступая къ разбору произведеній Карамзина, начнемъ съ „Писемъ русскаго путешественника“. Письма эти не были, вѣроятно, писаны къ семьѣ Плещеевыхъ, что можно вывести изъ посвященія, сдѣланнаго Карамзинымъ въ началѣ „Писемъ“. Этому противорѣчатъ уже нѣкоторыя особенности содержанія: сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ въ этомъ произведеніи выписки изъ разныхъ авторовъ, различныя справки литературнаго и историческаго характера и т. п. Заносить все это въ письма во время путешествія врядъ ли удобно. „Письма“ представляютъ, очевидно, обработку тѣхъ путевыхъ впечатлѣній автора, которыя онъ занесъ въ записную книжку во время своихъ странствій. Возвратясь въ Россію, онъ воспользовался матеріаломъ, ко-

торый давалъ ему этотъ дневникъ, обработалъ его, придавъ форму писемъ, и посвятилъ этотъ трудъ друзьямъ своей молодости—Алексѣю Александровичу и Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевымъ.

„Письма русскаго путешественника“, какъ мы уже указали, были напечатаны впервые въ „Московскомъ Журналѣ“ 1791 и 92 годовъ; затѣмъ онѣ были выпущены отдѣльнымъ изданіемъ въ 1801 г., а послѣ этого печатались въ собраніяхъ сочиненій Карамзина, выходившихъ начиная съ 1803 г. Они были полностью переведены на языки нѣмецкій, англійскій и голландскій и въ отрывкахъ—на польскій и французскій.

Карамзинъ отправился путешествовать, чтобы увидѣть мѣста, о которыхъ онъ столько зналъ по описаніямъ, увидѣть и послушать знаменитыхъ людей, съ произведеніями которыхъ онъ былъ знакомъ. Все это должно было закончить его образованіе. Онъ былъ, повидимому, вполнѣ достаточно подготовленъ къ такого рода путешествію: почти все, что онъ видитъ, онъ встрѣчаетъ, какъ нѣчто уже извѣстное, знакомое. Такъ, въ Англіи, разсматривая картины съ сюжетами изъ драмъ Шекспира, онъ не нуждается въ ихъ объясненіи—онъ знакомъ настолько съ Шекспиромъ. Въ Лозаннѣ онъ видитъ надпись изъ оды Аддисола и вспоминаетъ о томъ, какъ онъ нѣкогда просидѣлъ цѣлую ночь надъ переводомъ этой оды. Съ поэтами и философами запада онъ встрѣчается, какъ съ людьми, давно ему знакомыми по ихъ произведеніямъ.

Во время путешествія Карамзинъ главнымъ образомъ интересуется произведеніями искусства, музеями, библіотеками, театромъ. Почти въ каждомъ городѣ, который онъ посѣщаетъ, у него есть знакомый писатель, мыслитель или какой-нибудь другой извѣстный человѣкъ, съ которымъ онъ знакомится и бесѣдуетъ. Обо всемъ этомъ—о своихъ посѣщеніяхъ,

о разговорахъ, о томъ впечатлѣніи, которое оставило у него жизнь запада, Карамзинъ и разсказываетъ въ своихъ письмахъ. Тутъ же по самымъ различнымъ поводамъ вспоминаетъ онъ разныхъ великихъ людей, разныя событія, и излагаетъ свой взглядъ на нихъ.

Отмѣтимъ вкратцѣ наиболѣе интересныя мѣста изъ „Писемъ русскаго путешественника“—тѣ мѣста, которыя ближе знакомятъ насъ со взглядами и мнѣніями автора.—Начнемъ съ тѣхъ писемъ, въ которыхъ Карамзинъ касается искусства.

Въ одномъ письмѣ изъ Лондона онъ такъ говоритъ объ англійской драматической поэзіи и о Шекспирѣ: „Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты“. Затѣмъ онъ говоритъ о критикахъ Шекспира, не понимающихъ его, и о томъ, что онъ, какъ всякій геній, говоритъ не только для своего времени, но для вѣчности, и удивляется „величію, истинѣ характеровъ, великимъ мыслямъ, разсѣяннымъ въ драмѣ британскаго генія“.— Драмѣ Шекспира противополагаетъ онъ въ письмѣ изъ Парижа французскую драму и отмѣчаетъ разницу между ними слѣдующими словами: „Я и теперь не перемѣню мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспира и нѣкоторыхъ—правда, немногихъ—нѣмцевъ...—въ разсужденіи изобрѣтенія жара и глубокаго чувства натуры,—простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ—должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ“.— Мы видимъ, что, отдавая преимущество трагедіи Шекспира передъ натянутыми драмами французскихъ ложно-классиковъ, Карамзинъ отмѣчаетъ, какъ основ-

ное преимущество первой, глубокую правдивость характеровъ и жизненность вымысла. Говоря о произведеніяхъ живописи, характеризуя Рафаэля, Ромало, Рубенса и другихъ художниковъ, онъ отдаетъ предпочтеніе тѣмъ, которые стоятъ ближе къ природѣ. Такой взглядъ является прямымъ выводомъ изъ мыслей Руссо о первенствующемъ значеніи природы и правахъ ея надъ человѣкомъ. По мнѣнію Карамзина, произведенія исскуства вообще лишь дополняютъ для человѣка природу.

Далѣе, Карамзинъ живо интересуется общественной жизнью западныхъ народовъ. Въ Англіи его пріятно поражаетъ общее благосостояніе и порядокъ, который царитъ вездѣ. Онъ отмѣчаетъ сильно развитую промышленность, благоустройство. Съ особой похвалой отзывается онъ о нѣмцахъ за ихъ общительность, трудолюбіе, дѣловитость и отсутствіе роскоши. Также хвалитъ онъ общественную и семейную жизнь въ Швейцаріи. Французы, какъ люди, ему очень нра. ятся; его подкупаетъ ихъ обходительность и любезность. Однако, съ другой стороны, онъ отмѣчаетъ въ нихъ страсть къ безполезной роскоши.

Карамзинъ отмѣчаетъ всякое замѣченное имъ учрежденіе, полезное для общества; онъ интересуется въ Англіи судомъ присяжныхъ; въ письмѣ изъ Лейпцига отмѣчаетъ, что „во всякомъ нѣмецкомъ городѣ есть публичная биліотека, изъ которой можно брать для чтенія всякія книги“ и т. д.

По многимъ мѣстамъ въ „Письмахъ“ мы можемъ заключить, насколько Карамзинъ былъ проникнутъ чувствомъ національной гордости. Такъ напр. сравнивая Людовика XIV съ Петромъ I, онъ приходитъ къ выводу, что послѣдній стоитъ несравненно выше перваго. Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ англійскомъ языкѣ, онъ находитъ, что онъ „грубъ, богатъ краде-

Московская Губернская
Центральная Библиотека

нымъ“, и затѣмъ восклицаетъ: „Да будетъ честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ течетъ, какъ гордая, величественная рѣка“... Онъ вообще упоминаетъ о Россіи вездѣ, гдѣ можно: не преминаетъ упомянуть въ разговорѣ съ Виландомъ, что нѣкоторые изъ его сочиненій переведены на русскій языкъ; въ мелодіяхъ швейцарскихъ пѣсенъ старается найти сходство со „столько трогательными“ для него русскими народными напѣвами и т. д. Карамзинъ провелъ въ Парижѣ 3 мѣсяца въ самый разгаръ французской революціи и, между тѣмъ, этому событію въ его „Письмахъ“ удѣлено очень мало вниманія.

Въ этомъ отношеніи часто ставятъ выше писемъ Карамзина письма Фонвизина. Однако неосновательность этого сужденія становится очевидной, если принять во вниманіе слѣдующія соображенія: 1) цѣль путешествія у Фонвизина была совсѣмъ не та, что у Карамзина—онъ путешествовалъ, движимый интересомъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ; 2) оба писателя значительно разнятся по возрастамъ и характерамъ; Фонвизинъ—33 лѣтъ, скептикъ, прозаикъ; Карамзинъ—22 лѣтъ, оптимистъ, поэтъ, мягкосердечный, не могущій выносить ничего рѣзкаго, причиняющаго страданіе. Кромѣ того, письма свои Фонвизинъ писалъ дипломату, графу Панину, между тѣмъ какъ Карамзинъ писалъ ихъ для всей читающей публики. Всѣ эти причины обусловливаютъ это безразличное отношеніе Карамзина къ французской революціи.

Отличительной чертой „Писемъ“ является излишекъ чувствительности, сантиментальности. Авторъ часто является слишкомъ оптимистомъ. Такъ, при описаніи жизни швейцарцевъ, онъ изображаетъ ихъ страну какой-то блаженной Аркадіей. Черезчуръ сильная слезливость автора становится даже иногда приторной:

онъ часто плачетъ: и при выѣздѣ изъ Россіи, и въ Женевѣ, при богослуженіи, и при посѣщеніи Кармелитскаго монастыря и т. д. — (Отмѣтимъ тутъ, что эта чрезмѣрная слезливость еще рѣзче выступаетъ въ произведеніяхъ подражателей Карамзина — Измайлова и Шаликова. Первый изъ нихъ сочинилъ описаніе путешествія по Малороссіи, Крыму и Кавказу, отличающееся почти невоможно — чувствительными мѣстами. Второй написалъ путешествіе по Малороссіи, которую онъ считалъ страной чувствительности).

Письма Карамзина при всей оригинальности заключаютъ много и подражательнаго. Образцами для подражанія въ данномъ случаѣ служили произведенія Стэрна — при описаніяхъ чувствъ, Мюра — при описаніяхъ путешествія, а затѣмъ произведенія Мура, Мерсье (картины Парижа), Руссо и др.

Для русской читающей публики „Письма русскаго путешественника“ были пріятной неожиданностью послѣ тяжеловѣстныхъ произведеній ложно - классицизма. Они были для нея новы, какъ по своему содержанію, такъ и по способу изложенія и языку. Въ силу разнообразія своего содержанія, они явились для читателя чѣмъ-то вродѣ энциклопедіи. Тутъ были описанія достопримѣчательностей общественной и семейной жизни запада, описанія бесѣдъ съ великими людьми, приводились основныя мысли ихъ ученій; были разсужденія объ исскуствѣ, художественныя описанія природы и т. д. Все это было изложено стройно, новымъ для читателя языкомъ, изящнымъ и мягкимъ, и проникнуто, на нашъ взглядъ слишкомъ сентиментальнымъ, но все же человѣческимъ чувствомъ. — „Письма“ были встрѣчены публикой съ величайшимъ интересомъ.

„Письма русскаго путешественника“ имѣютъ большое значеніе въ русской литературѣ. Ими Карамзинъ

началъ новую эпоху. Онъ ввелъ въ литературу новую, свѣжую струю, новый кругъ идей, и положимъ начало новому художественному языку.

„Бѣдная Лиза."

Повѣсть „Бѣдная Лиза" является лучшимъ образцомъ нашей сантиментальной повѣсти. Содержаніе ея слѣдующее. Описывая окрестности Москвы, а главнымъ образомъ мѣста около Симонова монастыря, авторъ вспоминаетъ про судьбу бѣдной Лизы. Она—„прекрасная любезная Лиза"—жила лѣтъ тридцать тому назадъ со своей старушкой матерью въ хижинѣ, стоящей недалеко отъ стѣнъ монастыря. Отецъ ея былъ трудолюбивый поселянинъ. Послѣ его смерти мать Лизы стала предаваться тоскѣ по утерянномъ супругѣ; она становилась все болѣзненнѣе и слабѣе, и вся тяжесть работы падала на Лизу. Послѣдняя работала не покладая рукъ—ткала холстъ, вязала чулки, а весной собирала цвѣты и продавала ихъ въ Москвѣ. Однажды у нея купилъ цвѣты какой-то молодой человѣкъ „пріятнаго вида"; онъ изъявилъ желаніе, чтобы Лиза продавала только ему и спросилъ у нея, гдѣ она живетъ. Черезъ нѣсколько дней этотъ молодой человѣкъ появился подъ ихъ окошкомъ. Онъ заводитъ разговоръ, покупаетъ кринку молока, а затѣмъ заявляетъ, что намѣренъ покупать всѣ работы Лизы. Послѣ этого онъ удаляется, оставивъ Лизу въ мечтахъ.—На слѣдующій день они снова встрѣчаются и между ними происходитъ любовное объясненіе. Съ этого времени они часто видятся. Въ одно изъ свиданій Лиза отдается Эрасту.. Послѣ этого онъ становится холоднѣй къ ней и въ одинъ прекрасный день заявляетъ ей, что ему нужно ѣхать

на войну. Они разстаются. Лиза тоскуетъ по своемъ другѣ. Проходитъ около двухъ мѣсяцевъ. Отправившись однажды въ Москву, Лиза случайно встрѣчаетъ тамъ Эраста и замѣчаетъ его въ то время, когда онъ собирается войти въ какой-то богатый домъ. Лиза бросается обнимать его, но онъ уводитъ ее въ свой кабинетъ и объясняетъ ей, что они должны порвать свою связь, такъ какъ для поправленія своего матеріальнаго положенія онъ принужденъ жениться на богатой вдовѣ. Онъ даетъ затѣмъ Лизѣ сто рублей и безъ всякихъ стѣсненій выпроваживаетъ ее вонъ.—Очутившись на улицѣ Лиза лишилась чувствъ. Очнувшись, она побрела, занятая мыслями самаго печальнаго характера, и очнулась только за городомъ, у глубокаго пруда, тамъ, гдѣ происходили ихъ свиданія съ Эрастомъ. Здѣсь она встрѣчается съ дочерью своего сосѣда, передаетъ ей деньги, прося отдать ихъ матери и сказать ей, что ее обманулъ одинъ жестокій человѣкъ Э...., котораго она любила. Затѣмъ она бросается въ прудъ. Лизу хоронятъ близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ. Мать ея отъ горя также умираетъ, и ихъ хижина пустѣетъ.

Дѣйствующія лица повѣсти довольно правдоподобны, какъ типы обще-человѣческіе, но грѣшатъ, какъ типы національные. Въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ не выдерживаетъ критики Лиза. Авторъ влагаетъ въ ея уста рѣчи, какъ по содержанію, такъ и по способу выраженія совершенно не подходящія къ лицу дѣвушки—крестьянки. Это говоритъ скорѣй образованная сентиментальная барышня. Въ психологическомъ отношеніи всѣ ея поступки вполнѣ правдоподобны: молоденькая деревенская дѣвушка полюбила красавца-барина и въ отчаяніи утопилась, когда онъ бросилъ ее.

Также психологически вѣренъ *Эрастъ*—легкомыс-

ленный молодой человѣкъ, привыкшій, очевидно, къ любовнымъ похожденіямъ. Онъ способенъ сильно увлечься чувствомъ, но способенъ и выпроводить изъ дверей простодушный предметъ своей любви, лишь только начинаетъ чувствовать пресыщеніе, или матеріальныя выгоды заставляютъ его жениться на богатой вдовѣ. Типъ Эраста вполнѣ возможенъ и правдоподобенъ, какъ типъ современный; онъ могъ вполнѣ существовать среди современной молодежи.

Мать Лизы неправдоподобна, въ томъ же отношеніи, какъ и сама Лиза. Она страдаетъ неестественностью чувствъ, неестественностью языка.

Все произведеніе проникнуто сентиментальнымъ настроеніемъ автора. Въ этомъ отношеніи оно напоминаетъ намъ нѣкоторыя письма Кармзина изъ Швейцаріи. Особенно характеренъ конецъ повѣсти, представляющій блестящій образчикъ стиля Карамзина.

Недостаки, которые мы отмѣтили въ этой повѣсти, не помѣшали ей, однако, стать вскорѣ любимицей современной публики. Это нужно приписать главнымъ образомъ тѣмъ глубоко-гуманнымъ, человѣческимъ чувствамъ, которыми проникуто произведеніе, несложности и новизнѣ сюжета, взятаго изъ жизни низшаго сословія и обработаннаго такъ просто и задушевно.— Появленіе повѣсти положило начало цѣлому ряду подражаній ей, изъ которыхъ самымъ удачнымъ нужно считать „Марьину рощу“ Жуковскаго. Появились элегіи „Къ праху бѣдной Лизы“, окрестности Симонова монастыря сдѣлались любимымъ мѣстомъ для сентиментальныхъ прогулокъ и т. д.—однимъ словомъ „Бѣдная Лиза“ сильно выдвинула Карамзина и сдѣлала его любимымъ писателемъ.

„Наталья, боярская дочь“.

Другая сентиментальная повѣсть Карамзина—„Наталья, боярская дочь“.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича живетъ въ Москвѣ богатый и хлѣбосольный бояринъ Матвѣй. У него дочь Наталья, которая, какъ и всѣ боярышни ея времени, живетъ въ терему, въ обществѣ мамушекъ и дѣвушекъ. Наступаетъ „семнадцатая весна ея жизни“—пора любви. Однажды въ церкви, единственномъ мѣстѣ, гдѣ она видѣла людей, Наталья замѣчаетъ молодого человѣка. Онъ оказывается сыномъ опальнаго боярина Любославскаго. Будучи принужденъ скрываться, онъ живетъ въ своей избушкѣ, построенной въ глухомъ мѣстѣ, недалеко отъ Москвы, и только изрѣдка показывается въ столицѣ. Въ силу „симпатіи сердецъ“ они тотчасъ влюбляются другъ въ друга. Любославскій увозитъ Наталью, (отецъ ея не согласился бы на ихъ бракъ) и вѣнчается съ ней. Они поселяются въ его избушкѣ. Счастье ихъ лишь нѣсколько омрачается печальными мыслями Натальи объ отцѣ, который ничего не знаетъ о судьбѣ своей дочери.

Въ это время начинается война съ Литвой, Алексѣй вмѣстѣ съ женой, переодѣтой воиномъ, становятся въ ряды защитниковъ отечества и рѣшаютъ битву въ пользу русскихъ. За это царь, узнавши, кто онъ, изъявляетъ ему свою благодарность и объявляетъ, что отецъ его былъ подвергнутъ опалѣ по клеветѣ. Боярinъ Матвѣй, успѣвшій уже помириться съ дочерью, обнимаетъ своихъ дѣтей. Вотъ содержаніе повѣсти.

Она во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе „Бѣдной Лизы“ То немногое, что есть въ ней вѣрнаго въ историческомъ отношеніи, почти совершенно теряется среди неправдоподобностей вымысла и исторически-невѣрной обрисовки характеровъ.

Въ 1793 году появилась повѣсть „*Островъ Борнгольмъ*“. Въ ней описываются страданія таинственной молодой преступницы. Написана она въ самомъ сентиментальномъ тонѣ.

Въ 1796 году была написана повѣсть „*Юлія*“. Въ этомъ произведеніи Карамзинъ высказываетъ мысль о вредѣ свѣтской жизни.

Позднѣе, въ 1803 г., Карамзинъ напечаталъ въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Европы“ повѣсть „*Марѳа Посадница или покореніе Новгорода*“.—Здѣсь онъ изображаетъ моментъ паденія древняго Новгорода. Онъ, какъ сторонникъ политики Іоанна III-го, склоняется-то на его сторону, но замѣчаетъ, что и Новгородцы имѣли права на самостоятельность, дарованную имъ нѣкоторыми великими князьями.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ была напечатана и повѣсть „*Рыцарь нашего времени*“, о которой мы упоминали въ біографическомъ очеркѣ нашего писателя. Эта повѣсть имѣетъ главнымъ образомъ значеніе біографическое; изъ нея мы узнаемъ много подробностей о дѣтскихъ годахъ Карамзина, объ его родителяхъ и т. д.

Переходимъ къ *журнальнымъ статьямъ* Карамзина. Въ 1862—63 году онъ издаетъ литературно-политическій журналъ „Вѣстникъ Европы“. Этотъ періодъ дѣятельности Карамзина можно разсматривать, какъ вторую стадію его литературнаго роста. Въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзинъ первый послѣдовалъ образцу западно-европейскихъ журнальныхъ пріемовъ. Кромѣ сухихъ сообщеній о событіяхъ политическаго характера, онъ начинаетъ давать статьи, въ которыхъ обсуждается тотъ или иной политическій вопросъ; онъ строго слѣдитъ за рѣчами министровъ западно-европейскихъ государствъ, за засѣданіями парламента въ

Англіи и т. д. и старается истолковать значеніе всякаго событія. Особымъ интересомъ отличаются также передовыя статьи, въ которыхъ разъясняются по большей части разныя реформы и мѣропріятія русскаго правительства временъ Александра I. Въ это время Карамзинъ является уже представителемъ чисто-русскаго направленія, онъ уже не увлекается идеями космополитизма, но, напротивъ, предостерегаетъ отъ нихъ своихъ соотечественниковъ. — Въ 1802 году появилось его разсужденіе и „*О любви къ отечеству и о народной гордости*“, гдѣ онъ высказалъ свой взглядъ на значеніе народности и сохраненія самобытности народа. Въ этой статьѣ, обращаясь къ русскому обществу, онъ призываетъ его къ большему сознанію своей національности, къ большему чувству самоуваженія и патріотизма.

Она была вызвана слѣдующимъ явленіемъ, особенно усилившимся въ царствованіе Александра. Подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства съ западной Европой, ея жизнью, образованностью и идеями, многіе русскіе люди, особенно, изъ дворянскаго сословія, совершенно отдалялись отъ русской жизни, часто становились англоманами, галломанами (сильно подражавшими англичанамъ или французамъ) или же космополитами, отрицавшими значеніе національности, народности. Увлеченіе всѣмъ иноземнымъ доходило до незнанія, даже отрицанія родного языка и презрительнаго отношенія къ простому классу.

Разсужденіе „О любви къ отечеству и народной гордости“ начинается съ теоретическаго объясненія значенія понятія любви къ отечеству. Авторъ дѣлитъ ее на: 1) любовь физическую, т. е. любовь къ мѣсту своего рожденія, 2) любовь нравственную т. е. любовь къ близкимъ людямъ и вообще къ соотечественникамъ и наконецъ 3) любовь политическую, т. е. „любовь ко

благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ“. — Затѣмъ онъ говоритъ о томъ, что русскіе, кажется, „излишне смиренны въ мысляхъ о своемъ народномъ достоинствѣ“, и поэтому призываетъ ихъ стать смѣло на ряду съ другими народами. Способности русскаго народа ясно высказались на всемъ историческомъ пути, пройденномъ имъ. Онъ являлся и за данью подъ Константинополемъ, онъ прогналъ восточныхъ варваровъ и вынесъ тяжесть смутнаго времени.

Петръ Великій познакомилъ Россію съ западомъ, и она пошла быстрыми шагами впередъ по новому проложенному пути. „Намъ мѣшаетъ, говоритъ Карамзинъ, только пристрастіе къ иноземному“. Поэтому онъ призываетъ отказаться, по мѣрѣ возможности, отъ всякой подражательности, такъ какъ Россія стоитъ на той ступени, когда должно кончиться время подражанія и долженъ наступить періодъ самобытнаго развитія.

Далѣе заслуживаетъ вниманія статья помѣщенная въ 3-ей части „Вѣстника Европы“ за 1802 годъ, представляющая обзоръ сужденій о французской революціи подъ заглавіемъ: „*Пріятные виды и желанія нынѣшняго вѣка*“. Здѣсь Карамзинъ высказываетъ свой взглядъ на революцію. По его мнѣнію она нѣсколько очистила народъ отъ душной политической атмосферы и произвела значительный умственный подъемъ, отразившійся и на литературѣ. Затѣмъ онъ переходитъ къ значенію внутренней и внѣшней политики Россіи и, нарисовавъ блестящую картину благосостоянія Россіи, показываетъ ея темныя стороны — грубость помѣщиковъ, роскошь и т. д. Статья написана великолѣпнымъ языкомъ.

Интересны еще статьи: „О новомъ образованіи и просвѣщеніи въ Россіи“, въ которой Карамзинъ ука-

зываетъ начала истиннаго и правильнаго образованія, и статья „О японскомъ посольствѣ“, въ которой дальновидный Карамзинъ указываетъ на необходимость болѣе сильнаго флота на Дальнемъ Востокѣ.

Журнальная дѣятельность Карамзина, заключавшаяся въ издаваніи „Московскаго Журнала“ и „Вѣстника Европы“ — первыхъ русскихъ журналовъ, издаваемыхъ по образцу лучшихъ западно-европейскихъ журналовъ, — произвела цѣлую эпоху въ исторіи русской прессы. Она подняла въ публикѣ уваженіе и интересъ къ этому роду литературы.

Исторія Государства Россійскаго.

Обратимся наконецъ къ капитальному труду Карамзина—„Исторіи Государства Россійскаго“. Трудъ этотъ состоитъ изъ 12 томовъ, (12-ый томъ неоконченъ), изъ которыхъ каждый дѣлится на главы. Онъ обнимаетъ періодъ отъ начала Руси до 1611 года. Первыя главы 1-го тома являются какъ-бы введеніемъ къ исторіи Руси; онѣ представляютъ описаніе быта народовъ, жившихъ въ древности въ Россіи. Половину каждаго изъ 12-ти томовъ „Исторіи“ занимаютъ пространныя примѣчанія.—Въ началѣ своего труда авторъ помѣстилъ предисловіе, въ которомъ знакомитъ читателя со своими взглядами на исторію, съ требованіями, которыя онъ предъявляетъ историку, и сообщаетъ нѣкоторыя частности, касающіяся его „Исторіи“. Разсмотримъ это предисловіе и познакомимся ближе со взглядами Карамзина на исторію, такъ какъ этими взглядами обусловливаются нѣкоторыя особенности его труда.

Исторія, по мнѣнію Карамзина, есть художественное воспроизведеніе прошлаго. Художественность из-

ложенія—это долгъ историка. Однако, требованія исторической достовѣрности не позволяютъ современному историку отдаляться отъ того, что даютъ ему историческіе матеріалы, прибавлять или прикрашивать что-нибудь. Исторія должна удовлетворять требованіямъ практической и моральной пользы—она должна служить урокомъ и примѣромъ въ дѣлахъ правленія для людей государственныхъ, а съ другой стороны должна поддерживать чувство патріотизма и, вообще, всякое нравственное чувство; — т. е. исторія должна быть произведеніемъ строго-нравственнаго, даже дидактическаго характера. Вотъ къ чему сводится въ краткихъ чертахъ взглядъ Карамзина на исторію.—

Прежде, чѣмъ говорить подробнѣй объ исторіи Карамзина, вспомнимъ тѣ труды по русской исторіи, которые существовали до него. Прослѣдимъ въ краткихъ чертахъ развитіе русской историографіи со времени Петра Великаго.—

При немъ началась при Академіи Наукъ впервые болѣе строгая разработка русской исторіи. Знаменитые нѣмцы-академики—Байеръ, Миллеръ, Стриттеръ и, въ особенности, Шлёцеръ стали вносить методы изслѣдованія и болѣе строгую историческую критику. Въ это же время начинается работа по собиранію лѣтописей и вообще историческихъ матеріаловъ. Особенно плодотворную дѣятельность проявилъ на этомъ поприщѣ упомянутый Миллеръ. Академики издали рядъ историческихъ памятниковъ: въ 60-хъ годахъ при Академіи былъ изданъ Радзивилловскій списокъ лѣтописи Нестора, Шлёцеръ издалъ „Русскую Правду“; были въ то же время изданы прежніе труды — „Россійская Исторія“ Татищева и др. Знакомство съ лѣтописями увеличиваетъ горизонтъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній общества, заставляетъ его болѣе и болѣе интересоваться прошлымъ Россіи.

Въ концѣ XVIII вѣка изученіе старины значительно подвигается. — Исторіей занимается даже, сама Екатерина Великая. Въ противовѣсъ ей стараются критически выяснить многіе вопросы Новиковъ и Радищевъ. Въ концѣ XVIII вѣка начинается болѣе широкое собираніе памятниковъ—собираютъ между прочимъ лѣтописи изъ монастырскихъ библіотекъ, находятъ „Завѣщаніе Владиміра Мономаха“, „Слово о полку Игоревѣ“ и др. Вопросы исторіи уже связываютъ съ современностью; сравниваютъ старое и новое... появляются труды Болтина и князя Щербатова, въ которыхъ видятъ зародыши славянофильства.... Оглянувшись назадъ на это историческое изученіе и на результаты его, нѣсколько опредѣлившіеся къ концу вѣка, мы видимъ, что уже и въ этомъ несовершенномъ видѣ историческое знаніе того времени было такимъ фактомъ общественной мысли, о которомъ не имѣло понятія общество до-петровское (Пыпинъ). — Это движеніе нѣсколько улеглось въ царствованіе Павла; снова оно возникаетъ при Александрѣ. Тутъ появляется „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина.

Посмотримъ, при какихъ условіяхъ приходилось работать Карамзину. Онъ имѣлъ громадное преимущество передъ своими предшественниками въ томъ отношеніи, что могъ безпрепятственно пользоваться всѣми необходимыми матеріалами—лѣтописями, актами, статейными списками и т. д., а также трудами предыдущихъ историковъ, количество которыхъ къ этому времени значительно увеличилось. О размѣрахъ, въ которыхъ онъ могъ пользоваться разными матеріалами, можно судить по такимъ его просьбамъ къ А. Ѳ. Малиновскому, члену румянцевскаго кружка и директору Архива: „Достаньте немедленно, пишетъ послѣднему Карамзинъ, статейные списки и столбцы царствованія Годунова и Лжедимитрія“.... или „доставьте мнѣ

всѣ матеріалы для описанія Ѳеодорова царствованія“....—Изъ предыдущихъ историковъ—Карамзинъ главнымъ образомъ заимствовалъ изъ Шлёцера и Щербатова. Вліяніе Шлёцера особенно замѣтно въ первомъ томѣ исторіи Карамзина. Тутъ онъ разсматриваетъ тотъ-же кругъ вопросовъ, что и Шлёцеръ, приводитъ тѣ-же аргументы и ссылки. Онъ удаляется отъ него только тамъ, гдѣ плохое знакомство Шлёцера съ русскимъ языкомъ не давало ему возможности правильно разобраться въ текстѣ лѣтописи, или гдѣ кромѣ мнѣнія Шлёцера существовало мнѣніе, имѣющее больше шансовъ быть вѣрнымъ.—

Еще сильнѣе вліяніе Щербатова. Послѣ перваго тома количество обработанныхъ матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи Карамзина, становилось все менѣе и менѣе. Изъ ученыхъ трудовъ оставалась одна исторія Щербатова. Зависимость труда Карамзина отъ нея простирается вплоть до порядка изложенія. Она выражается главнымъ образомъ въ заимствованіи толкованій, предположеній, способовъ пользованія лѣтописнымъ матеріаломъ. У Милюкова въ его трудѣ „Главныя теченія русской исторической мысли“ (стр. 125 изд. 1897 г.) имѣются любопытные примѣры сопоставленій отрывковъ изъ Карамзина и Щербатова, свидѣтельствующіе о размѣрахъ этихъ заимствованій. „Видно, что томъ Щербатовской исторіи всегда лежалъ на письменномъ столѣ историографа и давалъ ему постоянно готовую нить для разсказа и тему для разсужденія“ замѣчаетъ Милюковъ,—„и часто Карамзину оставалось только передѣлать ссылку и сдѣлать соотвѣтственную выписку изъ источника. Въ результатѣ пересказа и передѣлки тяжеловѣсныя, неуклюжія фразы Щербатова превращались въ блестящіе, закругленные и отточенные періоды Карамзина“.—

Шлёцеру слѣдуетъ Карамзинъ также во многихъ

случаяхъ во взглядахъ на ходъ русской исторіи. Князья, призванные на Русь были норманны; они не явились, какъ завоеватели; образъ правленія древней Руси былъ феодальный.—Далѣе Карамзинъ переходитъ на схему Ломоносова, основная мысль которой состоитъ въ томъ, что Россія достигла своего могущества благодаря введенному манархическому образу правленія. По этой схемѣ Русь представляется во все время своего существованія единымъ государствомъ; Москва, какъ столица, является законнымъ продолженіемъ Кіева; она крѣпнетъ благодаря стараніямъ князей, изъ которыхъ самымъ выдающимся является Иванъ III.

Въ описаніи событій до XVI вѣка Карамзину, у котораго имѣлись только голые факты, приходилось часто „вывертываться“ Тутъ на помощь ему приходилъ языкъ. Мы видимъ у него множество постоянныхъ эпитетовъ, которые онъ прилагаетъ къ разнымъ лицамъ, не сообщая этимъ, однако, никакихъ индивидуальныхъ, отличительныхъ чертъ—„Знаменитый, несчастный, печальный, храбрый, хитрый, благородный“...—постоянное приложеніе этихъ эпитетовъ скорѣй скрадываетъ характерныя и индивидуальныя черты у извѣстнаго лица, чѣмъ ихъ ему сообщаетъ. Такого же рода эпитеты прибавляетъ онъ и при описаніи фактовъ, что иногда вредитъ содержанію. За неимѣніемъ какой-либо внутренней связи между голыми фактами, онъ придумываетъ связь стилистическую. То же самое можно сказать и о психологической, по большей части сентиментальной, мотивировкѣ. Хотя Карамзинъ во вступленіи къ своей исторіи заявляетъ, что нельзя влагать вымышленныя рѣчи въ уста историческихъ дѣятелей, т. к. „самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ исторію“, однако, самъ онъ не всегда слѣдуетъ этому правилу. Иногда мы ви-

димъ, что онъ заимствуетъ краски и слова, хотя и изъ историческихъ источниковъ, но изъ самыхъ недостовѣрныхъ, вродѣ „Степенной Книги“. Такъ, напр., слова Александра Невскаго передъ смертью, и описаніе этой картины—все это, чего мы не находимъ въ болѣе древнемъ и достовѣрномъ источникѣ — житіи Александра Невскаго, взято изъ упомянутой Степенной Книги, приводящей даже длинную рѣчь святой Ольги.

Въ то время, какъ Карамзинъ писалъ свою исторію, отдѣльно отъ него, въ кружкахъ Румянцевскаго, митрополита Евгенія и московскаго историческаго общества, шла работа по собиранію и изслѣдованію историческихъ матеріаловъ. Этимъ было обусловлено то, что къ тому времени, когда трудъ Карамзина былъ оконченъ, наша историческая мысль замѣтно успѣла развиться и сдѣлала крупные шаги впередъ. Отъ ученой работы своихъ современниковъ и отъ нихъ самихъ Карамзинъ держался отдѣльно; онъ входилъ съ ними въ сношенія лишь тогда, когда являлась необходимость въ какихъ-либо матеріалахъ.—Первые восемь томовъ исторіи Карамзина были встрѣчены въ этихъ кружкахъ довольно холодно. Во-первыхъ, мысль писать исторію, когда шла еще разработка и систематизація историческихъ матеріаловъ, казалась для многихъ несвоевременной, во-вторыхъ, неудовольствіе было вызвано тѣмъ духомъ величія самодержавія, которымъ было пропитано сочиненіе Карамзина и, въ-третьихъ, тѣми пріемами художника-стилиста, вредящими истинѣ, о которыхъ мы уже говорили.— Однимъ изъ первыхъ критиковъ, сдѣлавшихъ разборъ исторіи Карамзина, былъ польскій историкъ Лелевель. Затѣмъ русскій ученый Арцыбашевъ сдѣлалъ строгій разборъ, указавъ отступленія Карамзина отъ источниковъ ради украшенія рѣчи, отмѣтивъ упомянутыя

нами стилистическія сочетанія и т. д. Затѣмъ свое сужденіе произнесъ въ „Московскомъ вѣстникѣ“ Погодинъ; онъ отмѣчаетъ заслуги Карамзина, какъ художника и публициста, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ его значеніе, какъ критика-историка.—Итогъ всѣмъ сужденіямъ подвелъ Полевой. Исторія Карамзина, по его мнѣнію, это произведеніе, принадлежащее уже не его поколѣнію, поколѣнію новому. За то время, пока писалъ свою исторію Карамзинъ, взглядъ на исторію успѣлъ уже сильно подвинуться впередъ. Вмѣсто Шлёцеровской идеи критической исторіи, которая отдѣляла Карамзина отъ его ученыхъ современниковъ, появилась идея „философской исторіи“, которой Карамзинъ совершенно сторонился. Поэтому когда появилась „Исторія Государства Россійскаго“, она оказалась уже скорѣй произведеніемъ, относящимся къ исторіи литературы, чѣмъ произведеніемъ соотвѣтствующимъ взглядамъ настоящаго времени.

Несмотря на указанныя нами слабыя стороны исторіи Карамзина, она имѣла важное значеніе. Она подняла среди публики интересъ къ родной исторіи, къ родной старинѣ, такъ какъ все же она явилась первой, болѣе стройно изложенной исторіей Россіи, переданной при томъ живымъ языкомъ. Такимъ образомъ, она имѣетъ значеніе болѣе, какъ произведеніе литературнаго, чѣмъ историческаго характера. Огромное значеніе имѣютъ также примѣчанія къ исторіи Карамзина, въ которыхъ встрѣчается множество свѣдѣній изъ такихъ историческихъ памятниковъ, оригиналы которыхъ погибли въ Москвѣ въ 1812 году. Сама „Исторія Государства Россійскаго“ въ настоящее время можетъ имѣть только историческое.

Значеніе исторіи Карамзина хорошо разобрано въ

упомянутомъ трудѣ Милюкова „Главныя теченія русской исторической мысли“, котораго и мы придерживались при настоящемъ разборѣ.

Значеніе Карамзина въ русской литературѣ.

Въ нашей литературѣ Карамзинъ является своего рода преобразователемъ. Онъ вноситъ во все новую, свѣжую струю. Итоги его дѣятельности сводятся въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему: 1) введеніе сентиментальнаго направленія въ нашу литературу; 2) журнальная дѣятельность; 3) преобразованіе русскаго языка и 4) дѣятельность его, какъ автора „Исторіи Гос. Росс.“

Періодъ господства въ нашей литературѣ сентиментальнаго направленія, хотя и односторонняго, но все же отличающагося мягкостью, человѣчностью, и болѣе близкаго къ жизни, чѣмъ ложно-классицизмъ предыдущей эпохи, былъ поворотомъ нашей литературы на путь дальнѣйшаго развитія, слѣдующей фазой котораго явился романтизмъ въ лицѣ Жуковскаго. Элементъ сентиментальности, введенный Карамзинымъ, былъ „ничѣмъ инымъ, какъ пробужденіемъ ощущенія, (sensation), первымъ моментомъ пробуждающейся духовной жизни... — (ощущеніе есть только приготовленіе къ духовной жизни, только возможность романтизма). Назначеніе сентиментализма, введеннаго Карамзинымъ, было—расшевелить общество и приготовить его къ жизни сердца и чувства.

Поэтому явленіе Жуковскаго вскорѣ послѣ Карамзина очень понятно и вполнѣ согласно съ законами постепеннаго развитія литературы, а черезъ нее общества“ (Бѣлинскій).

Журнальная дѣятельность Карамзина была самой

разносторонней. Во-первыхъ, въ журналахъ его появились его собственныя сентиментальныя произведенія, о значеніи которыхъ было сказано. Далѣе, тутъ были впервые напечатаны „Письма русскаго путешественника“, въ которыхъ онъ знакомитъ русскую публику съ западомъ, его жизнью, общественнымъ строемъ, образованностью, съ его знаменитостями и ихъ мыслями. Съ другой стороны, борется противъ чрезмѣрной подражательности и пристрастія ко всему иноземному и призываетъ соотечественниковъ проникнуться глубже чувствомъ національнаго самосознанія. Карамзинъ первый начинаетъ давать публикѣ толкованія политическихъ событій, вводя читателей въ глубину политической сферы и заставляя интересоваться всѣмъ, что происходитъ въ мірѣ. Вообще, въ своихъ журналахъ онъ „первый даетъ публикѣ истинно-журнальное чтеніе, гдѣ все соотвѣтствовало одно другому: выборъ пьесъ — ихъ слогу, оригинальныя пьесы—переводнымъ и т. д., гдѣ были не только образцы легкаго свѣтскаго чтенія, но и образцы литературной критики и образцы умѣнія слѣдить за современными политическими событіями и передавать ихъ легко и увлекательно.

Вездѣ и во всемъ этомъ Карамзинъ является не только преобразователемъ, но и творцомъ. Онъ создалъ русскую публику, которой до него не было... До Карамзина нечего было читать по-русски потому, что все немногое, написанное до его, несмотря на свои хорошія стороны, было ужасно тяжело и торжественно и годилось для однихъ „ученыхъ“, а не для общества. Карамзинъ умѣлъ заохотить русскую публику къ чтенію русскихъ книгъ“ (Бѣлинскій). Всѣмъ этимъ онъ сильно способствовалъ воспитанію въ современной публикѣ эстетическаго вкуса и способности болѣе сознательно относиться къ тому или иному произве-

Содержаніе.

стр.

Біографія 7

Разборъ произведеній:

„Письма русскаго путешественника“. 13

„Бѣдная Лиза“. 19

„Наталья, боярская дочь“. 22

„Островъ Борнгольмъ“. 23

„Юлія“. . . . . —

„Марѳа Посадница“. . . . . —

„Рыцарь нашего времени“. . . . . —

Журнальныя статьи: . . . . . —

„О любви къ отечеству и народной гордости“ и другъ. 24

„Исторія государства россійскаго“. 26

Значеніе Карамзина въ русской литературѣ. 33

М. Ю. Лермонтовъ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО.
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр., д. № 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что ѐсть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІЯ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ Москвѣ 2-го октября 1814 года. Лермонтовы происходили изъ стариннаго шотландскаго рода Lermont. Одинъ изъ предковъ поэта выселился въ началѣ XVII вѣка въ Польшу, а оттуда былъ призванъ въ Россію царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Отъ этого Lermont'a начался родъ Лермонтовыхъ, сначала богатый и знатный, но со временемъ все болѣе и болѣе мельчавшій.—(О своемъ шотландскомъ происхожденіи нашъ поэтъ вспоминаетъ, между прочимъ, въ извѣстномъ стихотвореніи „Зачѣмъ я не птица“).

Отецъ поэта, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, по своей безпечной натурѣ не заботился о воспитаніи сына; вообще, судя и по другимъ свѣдѣніямъ, онъ былъ дурной человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, крайне нелестно отзывалась о немъ его теща — Лизавета Алексѣевна Арсеньева: эта непріязнь, впрочемъ, объясняется отчасти тѣмъ, что дочь ея, Марья Михайловна, вышла замужъ за Лермонтова-отца противъ воли матери.

Въ 1817 году умерла мать Лермонтова, и Лизавета Алексѣевна увезла внука въ свое пензенское имѣніе. Тарханы. Здѣсь она сама принялась за его воспитаніе. Благодаря тому, что молодой Лермонтовъ былъ любимцемъ своей бабушки, послѣдняя старалась

поставить дѣло его первоначальнаго воспитанія и образованія какъ можно лучше; подъ руководствомъ опытныхъ гувернеровъ и учителей онъ сдѣлалъ очень ощутительные успѣхи — изучилъ языки нѣмецкій, англійскій и французскій, а изъ древнихъ—греческій; благодаря хорошему учителю русскаго языка, онъ основательно познакомился съ произведеніями русской словесности; кромѣ того, онъ учился еще музыкѣ и рисованію.—Здѣсь же, въ Тарханахъ, начали складываться основныя черты его характера и появилась въ немъ любовь къ поэзіи. Будучи обставленъ, съ одной стороны, всѣми удобствами—бабушка ничего не жалѣла для него—онъ, съ другой стороны, часто долженъ былъ выслушивать чуть ли не брань, отпускаемую бабушкой по адресу его отца; отсюда возникала двойственность и ненормальность его положенія: мальчикъ сознавалъ, что во всемъ онъ обязанъ бабушкѣ, но, съ другой стороны, былъ принужденъ слушать ея выходки противъ отца, котораго онъ очень любилъ. Это положеніе способствовало развитію въ немъ скрытности, заставляло его рано задумываться и положило въ немъ начало образованію того безнадежнаго взгляда на окружающую дѣйствительность, которымъ онъ и отличался впослѣдствіи.— Свои мысли по поводу этой семейной драмы онъ высказалъ потомъ въ стихотвореніи „Ужасная судьба отца и сына“...

Благодаря основательному знакомству съ русской и иностранной литературой, а также деревенской обстановкѣ, обильной картинами природы, въ молодомъ Лермонтовѣ начинаетъ пробуждаться влеченіе къ поэзіи; онъ принимается писать стихи на французскомъ и русскомъ языкахъ.

Во время своего пребыванія у бабушки онъ со-

вершилъ, между прочимъ, поѣздку на Кавказъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе; этимъ впечатлѣніемъ, сохранившимся въ его памяти съ дѣтства, отчасти объясняется то, что мѣстомъ дѣйствія многихъ изъ его послѣдующихъ произведеній является именно Кавказъ.

Въ 1826 г. Лермонтовъ вмѣстѣ съ бабушкой покинулъ Тарханы и переѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ опредѣленъ въ „Благородный университетскій пансіонъ“; чтобы не разлучаться съ нимъ вполнѣ, бабушка отдала его полупансіонеромъ.

Здѣсь занятія молодого человѣка пошли очень хорошо; между прочимъ, онъ получилъ на публичномъ экзаменѣ первую награду за русское сочиненіе.— Вскорѣ затѣмъ Лермонтовъ поступаетъ въ Московскій университетъ.

Въ это время онъ уже начинаетъ сознавать свое поэтическое призваніе и въ первоначальномъ видѣ набрасываетъ многія изъ своихъ произведеній, ставшихъ очень извѣстными впослѣдствіи. Къ этому же времени относится его увлеченіе Байрономъ, оказавшимъ такое сильное вліяніе на весь характеръ Лермонтовской поэзіи.

Въ университетѣ Лермонтовъ оставался не долго— въ 1832 году у него вышла непріятность съ однимъ изъ профессоровъ, и онъ принужденъ былъ оставить университетъ. Онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ.

Послѣ того, какъ попытка его попасть въ число студентовъ Петербургскаго Университета окончилась неудачей, Лермонтовъ поступилъ въ „школу кавалерійскихъ юнкеровъ и гвардейскихъ подпрапорщиковъ“ съ тѣмъ, чтобы стать гвардейскимъ офицеромъ.

Въ это время окончательно складывается его характеръ, отличительными чертами котораго являются

раздражительная заносчивость и постоянно-угрюмое настроеніе. Какъ во время пребыванія въ училищѣ, такъ и будучи офицеромъ, онъ принимаетъ участіе въ пустой свѣтской жизни, въ попойкахъ и кутежахъ; съ другой стороны, его желчныя выходки противъ общества, въ которомъ онъ вращается, заносчивое, презрительное отношеніе къ его представителямъ вполнѣ ясно показываютъ, насколько мало онъ цѣнилъ это общество, насколько расходились его поэтическіе идеалы съ окружающей дѣйствительностью. Его гордость, самолюбіе и, можетъ быть, остатки привитыхъ въ дѣтствѣ аристократическихъ взглядовъ не позволяли ему вполнѣ отказаться отъ этого общества, но въ то же время онъ чувствовалъ, насколько онъ здѣсь не на мѣстѣ. Этотъ внутреній разладъ нашелъ отраженіе во многихъ изъ его произведеній, о немъ говоритъ поэтъ и въ своихъ письмахъ къ друзьямъ (напр. въ письмахъ къ Хвостовой отъ 1835 г.). Въ юнкерской школѣ написанъ: „Измаилъ бей“—въ 1832 г. и „Хаджи Абрекъ“—въ 1833 г.

Въ 1834 г. Лермонтовъ кончилъ школу и сдѣлался корнетомъ лейбъ-гвардейскаго гусарскаго полка.

Въ періодъ отъ 1834 до 1837 г. онъ остается въ Петербургѣ, ведетъ тотъ же образъ жизни и пишетъ: „Маскарадъ“—въ 1835 г.. „Бояринъ Орша“—въ 1835 г.

Въ 1837 г. былъ убитъ Пушкинъ; по поводу этого событія, Лермонтовъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе „На смерть Пушкина“, въ которомъ онъ страстно нападаетъ на аристократическое общество и высшихъ сановниковъ. За нѣсколько рѣзкихъ строкъ въ этомъ стихотвореніи онъ былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ; зато стихотвореніе „На смерть Пушкина“ разошлось по рукамъ во множествѣ списковъ, и имя Лермонтова стало

сразу извѣстнымъ. Кстати, вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ начали появляться такія произведенія поэта, какъ: „Пѣсня про купца Калашникова“, „Когда волнуется желтѣющая нива“—1837 г., „Три пальмы“, „Мцыри“—1836 г., „Казачья колыбельная пѣсня“, „Воздушный корабль“—1840 г., „Споръ“, „Пророкъ“—1841 г. „Герой нашего времени“—1739—1841 г. и т. д.

Всѣ эти произведенія закрѣпили за Лермонтовымъ широкую извѣстность и славу высоко-талантливаго поэта.

Съ Кавказа Лермонтовъ явился черезъ годъ — въ 1838 году, благодаря хлопотамъ бабушки, онъ снова былъ переведенъ въ лейбъ-гусарскій полкъ. Однако, черезъ два года онъ долженъ былъ опять удалиться изъ столицы. На одномъ балу поэтъ сказалъ какую-то колкость Баранту, сыну французскаго посланника; послѣдствіемъ этого явилась дуэль, на которой Лермонтовъ отдѣлался легкой царапиной. Но за это онъ, въ 1840 г., снова былъ переведенъ въ пѣхотный тѣнгинскій полкъ, стоявшій въ Закавказьѣ.—Вскорѣ послѣ прибытія туда, онъ принялъ участіе въ экспедиціи противъ чеченцевъ; сраженіе при рѣкѣ Валерикъ, которымъ окончилась эта экспедиція, описано поэтомъ въ стихотвореніи, названномъ тѣмъ же именемъ.—Въ концѣ 1840 года Лермонтову удалось получить разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, для свиданія съ бабушкой. Весну 1841 г. онъ прожилъ въ Москвѣ, а затѣмъ отправился обратно на Кавказъ. —

Пріѣхавъ сюда, онъ взялъ отпускъ и поселился въ Пятигорскѣ.—Тутъ онъ вскорѣ поссорился съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, маіоромъ Мартыновымъ; ссора кончилась дуэлью, на которой *Лермонтовъ былъ убитъ— 15-го іюня 1841 г.*

Прахъ поэта былъ въ 1842 году перевезенъ въ Тарханы и похороненъ тамъ въ построенной его бабушкой часовнѣ.—

Разборъ произведеній Лермонтова.

Лирика.

Большинство стихотвореній Лермонтова носитъ характеръ чистой лирики, да и тѣ изъ нихъ, которыя по своему содержанію ближе всего подходили бы къ произведеніямъ эпическимъ, настолько проникнуты его собственнымъ настроеніемъ, столько въ нихъ личнаго чувства, субъективнаго элемента автора, что ихъ приходится причислять къ лирическимъ произведеніямъ. —

Наиболѣе важныя стихотворенія Лермонтова можно разбить на нѣсколько группъ: 1) стихотворенія, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на поэта, 2) стихотворенія, являющіяся выраженіемъ настроенія поэта и его взглядовъ на окружающееся общество, 3) тѣ немногія произведенія, въ которыхъ мы видимъ свѣтлые проблески въ его всегда мрачномъ настроеніи, 4) стихотворенія, навѣянныя разными событіями.

Къ 1831 году относится стихотвореніе „*Ангелъ*“. Въ немъ говорится, какъ ангелъ несетъ на землю человѣческую душу, какъ душа затѣмъ живетъ на землѣ, сохраняя смутное воспоминаніе о слышанныхъ когда-то „звукахъ небесъ“, которыхъ не могутъ замѣнить ей „скучныя пѣсни земли“. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ высказываетъ ту мысль, что стремленіе ко всему высокому, идеальному, является прирожденной чертой человѣка. Такимъ образомъ, и стремленіе поэта ко всему идеальному, къ поэзіи, красотѣ и т. д. является слѣдствіемъ его прирожденныхъ способностей, его поэтическаго таланта. —

Взглядъ Лермонтова на поэта, какъ и взглядъ

Пушкина, очень возвышенный; они нѣсколько расходятся, однако, во взглядѣ на поэта, какъ на общественнаго дѣятеля. Пушкинъ цѣнитъ поэта главнымъ образомъ, какъ жреца чистаго искусства; онъ спокоенъ даже думать, что

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ“,

рождены поэты, а

...для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“...

Лермонтовъ думаетъ, между тѣмъ, противоположное. Въ стихотвореніи *„Поэтъ“*, вспоминая прошедшее безкорыстное служеніе поэта и сравнивая его съ настоящей дѣятельностью, когда поэтъ

Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнялъ ту власть, которой свѣтъ,
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи“,

онъ говоритъ:

„Бывало, мѣдный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы,
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій Духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ“!

Основная мысль этого стихотворенія развита въ аллегорическомъ описаніи судьбы кинжала, раньше вѣрно служившаго горному наѣзднику, а теперь оправленнаго въ дорогія ножны и попавшаго въ качествѣ ненужной игрушки на стѣну.—

Изъ этого стихотворенія мы можемъ заключить, что Лермонтовъ смотрѣлъ на дѣятельность поэта, какъ на борьбу за правду, свободу и т. п., а на поэта, какъ на общественнаго бойца.

Конецъ этого стихотворенія проникнутъ негодованіемъ противъ лицемѣрія современнаго общества.

Какова судьба поэта среди общества, на это Лермонтовъ даетъ отвѣтъ въ стихотвореніи *„Пророкъ“*—1841 г. За то, что пророкъ учитъ людей добру, правдѣ и любви, они бросаютъ въ него каменьями и, вдобавокъ, укоряютъ его за его правду и предостерегаютъ своихъ дѣтей отъ его зловредныхъ ученій.

Къ стихотвореніямъ, которыя являются выраженіемъ мрачнаго настроенія поэта или въ которыхъ онъ высказываетъ свои мысли объ окружающемъ его обществѣ и даетъ оцѣнку этого общества, принадлежатъ: „Парусъ“, „И грустно, и скучно“, „Дубовый листокъ“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Дума“, „Первое января“.

Въ стихотвореніи *„Парусъ“*—1832 г. поэтъ въ аллегорической формѣ говоритъ о своемъ душевномъ состояніи, о своей „мятежной кручинѣ“, не дающей ему покоя, заставляющей его вѣчно искать бурь и битвъ. Это вѣчно тревожное, неудовлетворенное состояніе его души положило опечатокъ на большинство его произведеній. Но порой это тревожное настроеніе, въ которомъ чувствуется жажда движенія, борьбы, переходитъ въ мрачное равнодушіе и желаніе найти покой, отдохновеніе, какъ напримѣръ, въ стихотвореніи *„Выхожу одинъ я на дорогу“*—1841 г., или даже въ полное отчаяніе, холодную насмѣшку надъ жизнью, которая слышится въ заключительныхъ строкахъ стихотворенія *„И грустно и скучно“*—1840 г.:

„А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка“.

Чувство тоски, одиночества, которое поэтъ испытывалъ среди окружающаго его общества, слышится въ элегіи *„Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“*—1841 г. Это чувство становится понятнымъ, если мы припомнимъ отношенія поэта къ свѣтскому обществу, среди котораго онъ вращался. Свой безнадежный взглядъ на современную молодежь поэтъ выразилъ въ стихотвореніи *„Дума“*—1838 г. Въ немъ онъ говоритъ объ умственной пустотѣ и нравственномъ одряхлѣніи современнаго молодого поколѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого произведенія поэтъ впадаетъ, однако, въ преувеличенія,—напримѣръ, говоря о „бремени познанья“ и о „надеждахъ лучшихъ“. Мы имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что молодежь того времени очень „изсушала умъ наукою бесплодной“; да и, вообще, эта „обремененность наукой“ и „благородный голосъ, невѣріемъ осмѣянныхъ страстей“ какъ-то не совмѣщаются съ только что описаннымъ бездѣльемъ и умственной неподвижностью.

Непріязненное чувство къ великосвѣтскому обществу выражено и въ стихотвореніи *„Первое января“*—1840 г.

„Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей,
Приличьемъ стянутыя маски“...

Поэту хочется уйти отъ этой обстановки, унестись мечтой къ счастливой порѣ дѣтства; но тутъ окружаю-

щій шумъ спугиваетъ его мечту, и онъ возвращается къ дѣйствительности; тогда ему хочется „смутить веселье ихъ“

„И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью“.

Наибольшей силы достигаетъ, однако, негодованіе Лермонтова противъ общества, или, вѣрнѣе, части его, въ знаменитомъ стихотвореніи *„На смерть Пушкина“*. Это стихотвореніе, написанное въ 1837 г., какъ мы знаемъ, положило начало славѣ Лермонтова.

Поэтъ глубоко почувствовалъ, что потеряло общество въ лицѣ Пушкина, и въ этомъ стихотвореніи вылилъ свое негодованіе противъ того свѣта, жертвой интригъ котораго палъ Пушкинъ. Этимъ стихотвореніемъ Лермонтовъ практически выразилъ свой взглядъ на поэта, котораго, какъ мы видимъ изъ произведеній позднѣйшаго времени, онъ считаетъ общественнымъ бойцомъ.

Стихотвореніе „На смерть Пушкина“ замѣчательно, повторяемъ, по силѣ и глубинѣ чувства возмущенія, негодованія.

Наряду съ мрачнымъ настроеніемъ, среди тревогъ и волненій выдавались для поэта свѣтлыя минуты, когда къ нему возвращалась вѣра въ людей, въ силу добра и любви. Въ такія минуты написаны его чудныя лирическія произведенія „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Памяти Одоевскаго“, „Молитва“, „Въ минуту жизни трудную“, „Сосѣдъ“ и др.

Въ стихотвореніи *„Когда волнуется желтѣющая нива“*—1837 г. говорится о томъ, какъ, подъ вліяніемъ красотъ природы, въ полную горечи и сомнѣній душу поэта возвращается миръ и вѣра въ Бога.

„Тогда смиряется душѣ моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
А въ небесахъ я вижу Бога“...

Въ томъ же 1837 г. написано стихотвореніе *„Сосѣдъ“*. Поэтъ, находясь въ заключеніи, слушаетъ черезъ тюремную стѣну полные тоски напѣвы своего сосѣда по камерѣ.

„И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь
Въ груди моей все оживаетъ вновь;
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются“...

Религіозное чувство поэта выразилось въ стихотвореніяхъ: *„Молитва“ (Въ минуту жизни трудную)*—1839 г. и *„Молитва“ (Я, Матерь Божія...)*—1837 г.; тѣмъ же чувствомъ проникнуто и стихотвореніе *„Вѣтка Палестины“*—1836 г.

Замѣчательно теплымъ чувствомъ проникнута элегія, написанная въ память одного изъ немногочисленныхъ друзей поэта, Александра Ивановича Одоевскаго—*„Памяти Одоевскаго“*—1839 г. Съ грустнымъ чувствомъ вспоминаетъ поэтъ о томъ, какъ онъ съ нимъ странствовалъ въ горахъ Востока, какъ дѣлили дружно они тоску изгнанія.

„Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!“—

восклицаетъ поэтъ и оканчиваетъ стихотвореніе описаніемъ берега Чернаго моря, гдѣ находится мо-

гила его друга, очень любившаго при жизни это море.

Отмѣтимъ, кромѣ упомянутыхъ, еще нѣсколько лирическихъ стихотвореній Лермонтова.

Въ стихотвореніи „*Три пальмы*“—1839 г., проникнутомъ глубокимъ лирическимъ чувствомъ, говорится о людскомъ эгоизмѣ и грубости. Поэтъ описываетъ намъ, какъ растутъ въ голой пустынѣ три пальмы, какъ они даютъ отрадную тѣнь усталому каравану и какъ люди, въ благодарность за это, срубаютъ и сжигаютъ ихъ.

Въ 1841 г. написано „*Послѣднее новоселье*“; въ этомъ стихотвореніи поэтъ выражаетъ свое негодованіе противъ французовъ, которые нѣкогда не сумѣли оцѣнить генія Наполеона, а теперь съ торжествомъ переносятъ въ свою страну его прахъ. Поэтъ въ этомъ произведеніи слишкомъ сильно увлекается личностью Наполеона. Такъ же увлекся онъ въ совершенно противоположную сторону въ стих. „*Два великана*“—1836 г.

Здѣсь говорится о томъ, какъ французскій „трехнедѣльный удалецъ“ идетъ на стараго русскаго великана, какъ послѣднему стоитъ только тряхнуть головой, чтобы побѣдить своего дерзкаго противника. Въ этомъ произведеніи видно крайнее увлеченіе поэта могуществомъ Россіи, а, съ другой стороны, насмѣшливое, высокомѣрное отношеніе къ Наполеону. Борьба съ послѣднимъ была для Россіи куда тяжелѣй, чѣмъ можно думать, судя по этому стихотворенію: она потребовала крайняго напряженія народныхъ силъ.

Та же мысль о могуществѣ Россіи проведена въ стихотвореніи „*Споръ*“—1841 г., которое приближается къ эпическому произведенію. Здѣсь, въ формѣ разговора между горами Казбекомъ и Шатъ-горой (Эль-

борусъ), поэтъ даетъ картину Востока, безлюднаго, лѣниваго, дремлющаго въ нѣгѣ и бездѣйствіи, а, съ другой стороны, картину завоевывающаго, неудержимаго движенія съ сѣвера—движенія Россіи; изъ этого сопоставленія онъ дѣлаетъ выводъ, что Россія должна неминуемо покорить своей власти Кавказъ.

Кромѣ упомянутыхъ, можно было бы указать еще множество превосходныхъ лирическихъ произведеній Лермонтова. Но уже по приведеннымъ можно вывести нѣкоторое заключеніе о его лирикѣ. Отличительными чертами ея являются страстность и глубина чувства. Эта глубина лирическаго чувства, въ совокупности съ превосходнымъ стихомъ, часто придаетъ произведеніямъ Лермонтова характеръ чарующей музыки, гармоніи. Приведемъ для примѣра хотя бы слѣдующее извѣстное стихотвореніе:

„Тучки небесныя, вѣчные странники,
Степью лазурною цѣпью жемчужною
Мчитеся вы, точно я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Что же васъ гонитъ—судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная, злоба открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе,
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ—вамъ наскучили нивы безплодныя,
Чужды вамъ страсти и чужды страданія,
Вѣчно холодныя, вѣчно безплодныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.—

Въ лирикѣ Лермонтова вылился весь поэтъ съ его гордой, постоянно волнующейся душой, идеалами, противорѣчіями и исканіями; вылились его думы, его взглядъ на современное общество и т. д.

Она является выраженіемъ не только внутренней жизни самого поэта, но также выраженіемъ настроенія всего общества. „Поэзія Лермонтова, замѣчаетъ Сергѣевичъ, ярко отражала тревожное время предыдущихъ лѣтъ, переходный моментъ въ развитіи русской мысли. Недовольство старымъ, сознаніе грѣховъ современныхъ, искреннее, но туманное стремленіе къ лучшему будущему, растерянность предъ массой противорѣчивыхъ взглядовъ, необыкновенная увѣренность въ необходимости найти исходъ изъ этихъ противорѣчій, сознаніе своей слабости предъ этой высокой задачей, часто повторяющійся упадокъ духа,— вотъ чѣмъ жило поколѣніе Лермонтова“.

Эпосъ.

Обратимся теперь къ произведеніямъ эпическаго характера; разсмотримъ сначала поэмы „Демонъ“ и „Мцыри“.

„*Демона*“ Лермонтовъ задумалъ и началъ писать, когда ему было только 16 лѣтъ; такимъ образомъ, эта поэма была написана въ періодъ между 1829—1834 годами. Обыкновенно ошибочно думаютъ, что въ основу этого произведенія съ самаго начала легло грузинское преданіе: на самомъ же дѣлѣ вначалѣ дѣйствіе должно было происходить въ Испаніи, и лишь впослѣдствіи поэтъ перенесъ мѣсто дѣйствія на Кавказъ.— Содержаніе поэмы вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ:

Отверженный Богомъ Демонъ влюбляется въ грузинскую княжну Тамару и рѣшаетъ во что бы ни стало овладѣть ею. Женихъ Тамары, молодой князь Синодала, смертельно раненъ въ схваткѣ съ горцами, напавшими на его караванъ, съ которымъ онъ идетъ къ невѣстѣ. Послѣдняя, подъ вліяніемъ тоски, а от-

части смущенія, овладѣвшаго ею послѣ таинственнаго голоса Демона, отпрашивается у отца въ уединенный монастырь. Демонъ и здѣсь не оставляетъ ее въ покоѣ; онъ является къ ней ночью, не обращая вниманія на вмѣшательство Ангела, охраняющаго Тамару, и, дѣйствуя какъ самый записной Донъ-Жуанъ, добивается того, что ему удается поцѣловать ее; съ этимъ поцѣлуемъ душа Тамары покидаетъ ея тѣло, и Ангелъ уноситъ ее на небо, гдѣ ее ждетъ награда за то, что она „любила и страдала“. Демонъ остается, какъ и раньше, „безъ утѣшенья и любви“.

Посмотримъ, какъ создалась фигура героя этого произведенія — *Демона*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ его лицѣ воплотилось много чертъ самаго автора: его недовольство, мятежная кручина и т. д.; объ этомъ онъ самъ вполнѣ ясно говоритъ въ „Посвященіи къ Демону“; по его словамъ, это — „выраженіе тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ... больной души тяжелый бредъ“. Въ этой поэмѣ воплотились его юношескія мечты, получившія затѣмъ развитіе въ извѣстномъ направленіи подъ вліяніемъ увлеченія поэзіей Байрона. Вліяніе послѣдняго сказалось въ этой поэмѣ въ сходствѣ Демона съ Люциферомъ, безплотнымъ существомъ, которое является въ мистеріи Байрона „Каинъ“. Люциферъ Байрона вышелъ, однако, куда демоничнѣе и цѣльнѣе Лермонтовскаго Демона; онъ остается постояненъ и вѣренъ своей гордости и презрѣнію ко всему земному, между тѣмъ, какъ Демонъ влюбляется въ смертную и, подъ вліяніемъ любви, во многихъ случаяхъ дѣйствуетъ какъ слабый смертный.—Эту невыдержанность характера Демона чувствовалъ и самъ поэтъ; онъ всегда былъ недоволенъ этой фигурой, считая ее неудачной; въ „Сказкѣ для дѣтей“—въ 1841 г.—онъ говоритъ:

„Я прежде пѣлъ про демона инова,
То былъ безумный, страстный дѣтскій бредъ...“

„Демонъ“ замѣчателенъ описаніями грандіозной природы Кавказа, удачными изображеніями фигуръ Гудала, Тамары, Синодала и своимъ превосходнымъ, звучнымъ стихомъ. Нѣкоторыя мѣста поэмы, напр. клятва Демона, при всемъ впечатлѣніи красоты и чарующей музыки, которое они производятъ на первый взглядъ, довольно бѣдны содержаніемъ и риторичны. Это, впрочемъ, окупается замѣчательнымъ стихомъ. Въ качествѣ образчика мастерскаго стиха Лермонтова въ этомъ произведеніи, приведемъ извѣстное начало эпилога къ „Демону“.

„На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ страшныхъ для дѣтей
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звеня, издалека.
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и катится рѣка.
И жизнью вѣчно молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится, шутя,
Какъ беззаботное дитя“.

Поэма „*Мцыри*“ представляетъ собой исторію мальчика-горца; большую часть ея составляетъ разсказъ самого Мцыри.

Взятый въ плѣнъ 6-ти лѣтнимъ ребенкомъ, Мцыри попадаетъ въ монастырь; здѣсь онъ живетъ уже довольно долго, но, наконецъ, не будучи въ состояніи переносить дольше неволю монастырскихъ стѣнъ, убѣгаетъ. Бѣглеца послѣ долгихъ поисковъ находятъ въ безчувственномъ состояніи въ степи и приносятъ обратно въ монастырь. Здѣсь онъ тихо угасаетъ; передъ смертью разсказываетъ онъ про свои скитанія чернецу, пришедшему исповѣдывать его. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ тяжело было ему жить въ монастырѣ, какъ его тянуло что-то оттуда, какъ въ его памяти воскресали воспоминанія дѣтства:

„... отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ“...

и онъ бѣжалъ; сначала ему

„... было весело вдохнуть
Въ свою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ“.

Онъ чувствуетъ себя хорошо среди природы, чувствуетъ приливъ энергіи и рѣшается добраться до родныхъ мѣстъ. Скоро, однако, онъ замѣчаетъ, что сбился съ пути. Это приводитъ его въ бѣшенство; онъ рыдаетъ съ досады, но не желаетъ, чтобы люди помогли ему. Въ лѣсу онъ встрѣчается съ дикимъ барсомъ и выдерживаетъ съ нимъ отчаянную борьбу. Израненный, близкій къ смерти, бродитъ онъ еще нѣкоторое время, а затѣмъ падаетъ обезсиленный.—Закончивъ разсказъ о своихъ приключеніяхъ, Мцыри проситъ перенести его передъ смертью въ садъ — оттуда будутъ видны дорогія ему горы.

Какъ въ большинствѣ героевъ Лермонтова, такъ и во Мцыри мы видимъ только одну изъ варіацій

основного Лермонтовскаго героя. Въ маленькомъ горцѣ мы видимъ ту же не преклонность воли, твердость духа, гордость и т. д. Поэма замѣчательна съ художественной стороны: въ ней спокойныя и величавыя описанія Кавказа чередуются съ описаніемъ чувствъ, душевной бури, ожесточенія, отчаянія маленькаго героя. Все это изложено гибкимъ, звучнымъ Лермонтовскимъ стихомъ.

„Бородино“ и „Пѣсня про купца Калашникова“.

Въ заключеніе разбора главныхъ стихотворныхъ произведеній Лермонтова разсмотримъ два произведенія историческаго характера: „Бородино“ и „Пѣсня про купца Калашникова“. Въ первомъ изъ нихъ—„*Бородино*“—1837 г.—поэтъ выводитъ ветерана, участника Бородинской битвы, и заставляетъ его разсказать подробности этого дѣла. Разсказъ его, простой и безхитростный, даетъ намъ вѣрное представленіе о защитникахъ Москвы въ годину нашествія Наполеона и о Бородинскомъ боѣ, вообще, правдивую картину того времени.

„*Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова*“ является однимъ изъ лучшихъ твореній Лермонтова. Содержаніе этой пѣсни нельзя назвать строго-историческимъ, въ смыслѣ достовѣрности фактовъ, составляющихъ ея сюжетъ.

Идетъ пиръ у грознаго царя Ивана Васильевича; съ нимъ сидятъ князья и бояре и вся опричина. Пируетъ царь и пьютъ всѣ, славятъ царя; лишь одинъ изъ опричниковъ, удалой боецъ Кирибѣевичъ, не мочитъ усовъ въ золотомъ ковшѣ: опустивъ голову на грудь, думаетъ онъ думу крѣпкую. Замѣтилъ это

царь и остановилъ на немъ свой взглядъ, да не поднялъ глазъ Кирибѣевичъ; стукнулъ царь объ полъ жезломъ, но не замѣтилъ и этого опричникъ. Тогда царь окликаетъ его по имени и спрашиваетъ отчего онъ не веселъ, не думаетъ ли онъ думу нечестивую? — На это Кирибѣевичъ отвѣчаетъ, что его думу черную не запить виномъ, а на вопросъ царя о причинѣ его грусти, признается ему, что полюбилъ дочь купеческую Алену Дмитріевну; онъ жалуется, что ему скучно одному бродитъ по свѣту, и проситъ царя отпустить его въ степи приволжскія, чтобы онъ могъ тамъ сложить свою буйную голову.

Царь Иванъ Васильевичъ вызывается помочь ему; даритъ онъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье и совѣтуетъ послать сваху къ Аленѣ Дмитріевнѣ. Тогда Кирибѣевичъ сознается, что не сказалъ еще всей правды, утаилъ то, что Алена Дмитріевна уже повѣнчана съ молодымъ купцомъ.

Въ лавкѣ своей сидитъ молодой купецъ Степанъ Парамоновичъ, шелковые товары раскладываетъ, ласковой рѣчью гостей заманиваетъ. Наступаетъ вечеръ; купецъ запираетъ свою лавку и идетъ домой. Къ своему удивленію, онъ не находитъ еще дома молодой жены, которая пошла къ вечернѣ. Смутился купецъ и сталъ ждать. Когда стемнѣло, возвращается домой Алена Дмитріевна, блѣдная, растрепанная; на вопросъ мужа о томъ, гдѣ она „шаталася“, она разсказываетъ, какъ по дорогѣ подошелъ къ ней Кирибѣевичъ, какъ онъ просилъ полюбить его, какъ онъ ее ласкалъ-миловалъ и какъ смотрѣли на это, пересмѣиваясь, сосѣдушки. Она проситъ мужа не давать въ обиду ее, сиротинушку. Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими младшими братьями; онъ разсказываетъ имъ про бѣду, которая стряслась надъ его семьей, сообщаетъ имъ, что намѣ-

ренъ завтра биться съ опричникомъ въ кулачномъ бою на Москвѣ-рѣкѣ и, наконецъ, проситъ братьевъ не выдавать его жену и дѣтей въ случаѣ его смерти.

„Надъ Москвой златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучи сѣрыя разгоняючи,
Заря алая поднимается“...

На Москвѣ-рѣкѣ собираются бойцы московскіе. Пріѣзжаетъ и царь съ опричниками. Растягиваютъ цѣпь серебряную и оцѣпляютъ мѣсто для предстоящаго боя. Затѣмъ по приказу царя вызываютъ желающихъ биться, и выходитъ удалой Кирибѣевичъ. Ожидаетъ онъ себѣ противника, но никто не рѣшается выходить съ нимъ на бой. Вдругъ выходитъ молодой купецъ Степанъ Парамоновичъ. Кирибѣевичъ проситъ его назвать себя по имени, чтобы знать, по комъ ему панихиду служить; отвѣчаетъ на это Степанъ Парамоновичъ:

„А зовутъ меня Степанъ Парамоновичъ,
А родился я отъ честнаго отца,
И жилъ я по закону Господнему,
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный,
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,—
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой.
И услышавъ то, Кирибѣевичъ

Побѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся
Богатырскій бой начинается...

Кирибѣевичъ наноситъ ударъ Степану Парамоновичу въ грудь. Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ, но устоялъ и, собравшись съ силами, ударилъ своего ненавистника въ лѣвый високъ.

„И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво.“

Прогнѣвался, увидѣвъ это, царь и приказалъ привести купца „предъ лицо свое“. Онъ спрашиваетъ Калашникова, вольной волею или нехотя убилъ онъ его слугу Кирибѣевича. Тотъ отвѣчаетъ, что убилъ онъ Кирибѣевича намѣренно, говоритъ, чтобы царь казнилъ его, если хочетъ, но не оставилъ бы его молодую жену и братьевъ. Иванъ Васильевичъ обѣщаетъ пожаловать его жену, даетъ его братьямъ право безпошлинно торговать по всей Руси, а ему самому говоритъ:

„А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.“
Я топоръ велю наточить, навострить,
Палача велю одѣть, нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью“...

На площади собирается народъ. Заунывно гудитъ-воетъ колоколъ; по лобному мѣсту похаживаетъ палачъ, ожидая свою жертву. Калашниковъ прощается

съ братьями и наказываетъ имъ кланяться женѣ и помолится за его душу грѣшную.—И казнили Степана Калашникова смертью лютою, позорною. Похоронили его за Москвой-рѣкой.

„И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменною могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку".

Вотъ содержаніе „Пѣсни".

Ее можно назвать исторической въ смыслѣ правдивости и жизненности какъ фигуръ отдѣльныхъ ея героевъ, такъ и всего колорита.

Іоаннъ является такимъ, какимъ мы его привыкли видѣть: онъ вспыльчивъ, подозрителенъ—ему все кажется, не затаилъ ли кто думы нечестивой; онъ не даетъ въ обиду своихъ опричниковъ, посмѣивается надъ своей жертвой и т. д..

Такъ же характерны Кирибѣевичъ и удалой купецъ Калашниковъ. Дѣйствіе, развивающееся постепенно въ глубокую драму, достигающей кульминаціоннаго пункта въ томъ мѣстѣ, гдѣ Калашниковъ чувствуетъ, что его семейное счатье разбито, завершается затѣмъ трагической развязкой. Вся „Пѣсня" написана мастерскимъ языкомъ, настолько проникнутымъ духомъ народной поэзіи и близкимъ къ народному, что „кажется, читаешь произведеніе народнаго творчества, и если только ближе присмотрѣться къ языку, то можно замѣтить, насколько художественно обработалъ этотъ языкъ".

Благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ, „Пѣсня" Лермонтова остается однимъ изъ лучшихъ произведеній этого рода во всей русской литературѣ.

„Герой нашего времени".

Обратился теперь къ самому крупному произведенію Лермонтова, роману „*Герой нашего времени*". Онъ состоитъ изъ пяти написанныхъ прозой разсказовъ, связанныхъ тѣмъ, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ нихъ является одинъ и тотъ человѣкъ—Печоринъ. Каждый изъ этихъ разсказовъ носитъ свое названіе, такъ: I „Бэла", II „Максимъ Максимовичъ", III „Тамань", IV „Княжна Мэри", V. „Фаталистъ".

Вотъ краткое содержаніе романа:

Въ разсказѣ „Бэла" авторъ говоритъ о томъ, какъ онъ познакомился со старымъ кавказцемъ. штабъ-капитаномъ Максимомъ Максимовичемъ. Они располагаются на ночлегъ въ какой-то саклѣ, и Максмакс. М. разсказываетъ исторію о томъ, какъ однажды въ ихъ крѣпость былъ присланъ новый офицеръ—Григорій Александровичъ Печоринъ—и что затѣмъ произошло съ нимъ. Этотъ Печоринъ былъ славный, но нѣсколько странный малый. Однажды оба они—Печоринъ и Макс-Макс.—были приглашены на свадьбу сосѣднимъ мирнымъ княземъ, выдававшимъ замужъ свою старшую дочь. На этой свадьбѣ Печорину понравилась младшая дочь князя, Бэла, и онъ затѣмъ, при помощи Азамата, брата Бэлы, увезъ ее. Она жила нѣкоторое время у Печорина, но была убита необузданнымъ смѣльчакомъ Казбичемъ; этимъ послѣдній хотѣлъ отомстить Азамату, которому Печоринъ въ награду за похищеніе сестры далъ возможность увести любимую лошадь Казбича.

Послѣ этого авторъ разстается съ Максимомъ Максимычемъ, но они вскорѣ снова встрѣчаются. Въ гостинницѣ, гдѣ они остановились, они узнаютъ, что

здѣсь остановился и упомянутый Печоринъ. Происходитъ встрѣча Максима Максимыча съ нимъ; первый радъ увидѣть стараго товарища, между тѣмъ какъ Печоринъ встрѣчаетъ его довольно равнодушно; это обижаетъ Максима Максимыча. Печоринъ уѣзжаетъ, а раздосадованный Максимъ Максимычъ сухо разстается съ авторомъ. На прощаньи онъ отдаетъ ему записки Печорина.— Слѣдующіе разсказы представляютъ собой уже дневникъ Печорина.—

Въ разсказѣ „Тамань“ Печоринъ описываетъ свое приключеніе въ Тамани. Онъ знакомится тутъ съ бойкой дѣвушкой-контрабандисткой, начинаетъ ухаживать за ней и случайно узнаетъ тайну ихъ шайки. Контрабандистка, боясь, что онъ выдастъ ихъ тайну, чуть не топитъ его въ морѣ.

„Княжна Мэри“. Печоринъ въ Пятигорскѣ, на водахъ. Тутъ онъ встрѣчается со своимъ знакомымъ, юнкеромъ Грушницкимъ. Затѣмъ знакомится онъ съ докторомъ Вернеромъ и княжной Мэри. Онъ начинаетъ ухаживать за послѣдней, чтобы подразнить Грушницкаго, также ухаживающаго за ней. Сначала онъ не имѣетъ успѣха, затѣмъ Мэри соглашается быть его женой; но тутъ отказывается уже самъ Печоринъ, и они расходятся.—

У Печорина происходитъ ссора съ Грушницкимъ; она оканчивается дуэлью, на которой онъ убиваетъ послѣдняго.—Изъ этого разсказа мы узнаемъ ближе внутренній міръ Печорина.—

Наконецъ, въ пятомъ разсказѣ говорится о предопредѣленіи. Въ кружкѣ офицеровъ идетъ споръ объ

этомъ предметѣ; нѣкто Вуличъ предлагаетъ сдѣлать опытъ: онъ стрѣляетъ себѣ въ високъ изъ пистолета; пистолетъ даетъ осѣчку; затѣмъ, вторымъ выстрѣломъ онъ пробиваетъ на стѣнѣ фуражку. Того же Вулича зарѣзываетъ ночью пьяный казакъ. Послѣдній запирается въ темной комнатѣ и не хочетъ сдаваться. Тогда Печоринъ, подобно Вуличу, рѣшаетъ испытать свою судьбу: онъ врывается къ казаку, принявъ, впрочемъ, нѣкоторыя мѣры предосторожности, и при помощи другихъ связываетъ его.

Разберемъ, какъ создался типъ главнаго героя романа—Печорина. Онъ является представителемъ современнаго направленія свѣтской молодежи. Вотъ, что пишетъ авторъ въ предисловіи къ „Герою нашего времени“: „Герой нашего времени, милостивые государи, портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи“...

У Лермонтова образъ Печорина создался, отчасти, какъ портретъ типичнаго представителя современной молодежи, отчасти же выразились въ немъ мысли и настроеніе самаго автора. Печоринъ—человѣкъ, богато одаренный природой, съ сильнымъ умомъ, крѣпкой волей; онъ чувствуетъ въ себѣ „силы необъятныя“, но не знаетъ, куда ихъ приложить. Онъ разочаровался въ жизни и людяхъ и презираетъ ихъ. Свои дурныя стороны онъ объясняетъ вліяніемъ на него окружающей среды—люди искалѣчили его; вотъ что говоритъ онъ про свое дѣтство: „Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было: онѣ явились. Я былъ скроменъ, меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли—и я сталъ злопамятенъ... И тогда въ груди моей ро-

дилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой.—Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой".—За это онъ какъ-бы мститъ людямъ—ему доставляетъ удовольствіе разрушать чужія иллюзіи, чужое счастье. Это онъ, впрочемъ, сваливаетъ на судьбу: „сколько разъ, говоритъ онъ, я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ оружіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія".— Вообще же, не смотря на его апатичность, разочарованность, кажущееся равнодушіе, онъ постоянно ищетъ движенія, борьбы; за то, что равнодушіе не является природной чертой его характера, а скорѣй чувствомъ напускнымъ, говоритъ еще слѣдующее: онъ постоянно разбираетъ свои собственные поступки, анализируетъ свои мысли, свое прошедшее.—

Несомнѣнно, что въ лицѣ Печорина Лермонтовъ много воплотилъ своего, субъективнаго; полагать, что онъ описалъ самого себя, было бы невѣроятно; нѣтъ.— онъ воспользовался этой фигурой, чтобы выразить мучившія его ощущенія, мысли и т. д., какъ дѣлалъ это, напр., и Гете. На это указываетъ и сходство Печорина съ прочими героями поэта—Демономъ, Арбенинымъ, Измаилъ-Беемъ и т. д.—все это люди сильные, недовольные, ищущіе бурь.—

Какъ типъ литературный, Печоринъ родной братъ Евгенію Онѣгину. Оба они, несмотря на различіе характеровъ, относятся къ одному и тому же общественно-психологическому типу.—Основной чертой Печорина является желаніе властвовать, покорять, „держать и владѣть"; онъ, вообще, отличается страстнымъ темпераментомъ, энергіей. Между тѣмъ, въ Онѣгинѣ замѣтна нѣкоторая вялость, недостатокъ воли. Печо-

ринъ стремится къ славѣ; Онѣгинъ хочетъ просто работать, сдѣлать то, что онъ въ силахъ сдѣлать и т. д. Несмотря на различіе характеровъ, повторяемъ, оба они—Онѣгинъ и Печоринъ принадлежатъ къ одному и тому же общественно-психологическому типу—типу такъ называемыхъ „лишнихъ людей“. „Лишніе люди“, съ цѣлымъ рядомъ которыхъ мы встрѣтимся въ литературѣ послѣдующаго времени,—это люди, чувствующіе свое одиночество, свою неспособность къ живому дѣлу. Эти люди не могутъ ужиться въ томъ обществѣ, въ которомъ они вращаются, они недовольны имъ, но въ то же время они не находятъ для себя другого общества, не находятъ подходящаго дѣла, даже чувствуютъ себя непригодными къ какому-нибудь дѣлу, чувствуютъ, что они ненужные, лишніе.—

Несмотря на тотъ интересъ, который возбуждаетъ въ насъ Печоринъ, онъ все же остается нѣсколько неопредѣленнымъ, въ немъ чувствуется отсутствіе полной законченности. Законченности и опредѣленности фигуры Печорина, по мнѣнію Бѣлинскаго, мѣшаетъ присутствіе въ этомъ характерѣ субъективнаго элемента автора. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: „Причина этого не въ недостаточности таланта автора,а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его... Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него, какъ на нѣчто законченное. Но этого не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какимъ и является намъ въ началѣ романа“.—

Максимъ Максимовичъ—это типъ стараго служаки-кавказца. Онъ прожилъ свой вѣкъ на Кавказѣ, зака-

ленъ въ опасностяхъ, привыкъ къ жизни въ горахъ; эта жизнь наложила на него свой отпечатокъ, окончательно сформировала его убѣжденія и взгляды на нѣкоторыя вещи. Для него служба—это дѣло первой важности; онъ строго исполняетъ все, что касается ея; горцы—это его враги; онъ составилъ себѣ о нихъ извѣстное мнѣніе и не измѣняетъ его.

Какъ человѣкъ, онъ замѣчательно добръ, искрененъ и простъ. Этотъ довольно грубый на первый взглядъ штабсъ-капитанъ, стоитъ только по-внимательнѣй прислушаться къ его рѣчамъ и разобраться въ его поступкахъ, поражаетъ насъ громаднымъ запасомъ душевной теплоты. Какъ трогателенъ его разсказъ о Бэлѣ, которую онъ любитъ, какъ родную дочь, и какъ жалко становится бѣднаго Максима Максимовича, когда онъ послѣ холодной встрѣчи съ Печериным̀ъ старается казаться равнодушнымъ и холодно прощается съ авторомъ.

Такой же симпатичный характеръ—*Бэла*. Максимъ Максимовичъ въ своемъ простомъ, безыскуственномъ, но, тѣмъ не менѣе, выразительномъ разсказѣ даетъ намъ ея граціозный образъ. Она—полудикое дитя горъ, но въ ней чувствуется такъ много женственности, искренности. Она способна глубоко чувствовать и сильно любить.—Насъ поражаетъ въ ней, главнымъ образомъ, та женственная грація, гармонія, которая чувствуется во всемъ ея существѣ.

Нѣсколько иной типъ представляетъ *дѣвушка-контрабандистка* изъ „Тамани“. Какъ красота, такъ и характеръ ея совершенно иные; „сверкающая“ своей обольстительной красотой, она походитъ скорѣй на какую-то заманчивую и въ тоже время страшную русалку. Отличительными чертами ея характера являются бойкость, смѣлость и энергія въ достиженіи разъ намѣченной цѣли.

Ближе къ ней по характеру подходятъ Азаматъ и Казбичъ. *Азаматъ*, почти мальчикъ,—типичный черкесъ - разбойникъ; онъ падокъ на деньги, готовъ и проворенъ на все; онъ хватается за кинжалъ при каждомъ обидномъ для него словѣ. Чтобы получить лошадь Казбича, онъ не останавливается даже передъ тѣмъ, чтобы выкрасть свою сестру для Печорина.

Казбичъ—это выросшій и видавшій уже виды Азаматъ. Онъ и мирный, и не мирный—смотря по обстоятельствамъ. „Про него говорили, разсказываетъ Максимъ Максимовичъ, что онъ любилъ таскаться за Кубань съ абреками и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій“... Казбичъ весь оборванъ, зато оружіе въ серебрѣ, а лошадь его славится въ цѣлой Кабардѣ. Онъ не согласенъ отдать ее даже за Бэлу, хотя и любитъ послѣднюю. Оба, Азаматъ и Казбичъ, являются представителями дикаго, удалаго и смѣлаго населенія Кавказа. Обратимся теперь къ дѣйствующимъ лицамъ разсказа „Княжна Мэри“. Это — Грушницкій, Мэри, Вѣра, Вернеръ и драгунскій капитанъ.

Типъ *Грушницкаго* принадлежитъ къ наиболѣе обработаннымъ въ художественномъ отношеніи типамъ „Героя Нашего Времени“. Это человѣкъ занятый исключительно своей персоной; онъ говоритъ витіеватыми и звонкими фразами, драпируется въ необыкновенныя чувства. Онъ юнкеръ, у него георгіевскій крестъ, онъ носитъ толстую солдатскую шинель, желая казаться разжалованнымъ офицеромъ; онъ ходитъ, опираясь на костыль, потому что былъ раненъ (такъ онъ самъ говоритъ), а, можетъ быть, просто находя это эффектнымъ. Однимъ словомъ, у него во всемъ эффектъ и фальшь. Въ немъ есть, несомнѣнно, хорошіе задатки, но они заглушаются его мелочнымъ самолюбіемъ. Во время его

исторіи съ Печоринымъ, имѣвшей такой трагическій для него исходъ, эти лучшія чувства, быть можетъ, пробуждались въ немъ, но тотчасъ же заглушало ихъ ложное самолюбіе, съ которымъ онъ не въ силахъ былъ справиться по своей слабохарактерности.

Княжна Мэри дѣвушка отъ природы не глупая; она получила, очевидно, свѣтское, поверхностное воспитаніе и образованіе, которое не дало ей ничего опредѣленнаго, не направило ея умъ на что-нибудь серьезное. Оно привило ей только свѣтскія манеры и заглушило въ ней всякое свободное проявленіе своихъ чувствъ.—Ей не чужды хорошія движенія души, она способна увлекаться; такъ, жалость, которую она почувствовала къ Печорину послѣ его разсказа о себѣ, послужила началомъ ея любви къ нему. Въ ней достаточно чувства собственнаго достоинства; это чувство женщины, понявшей, что ея любовью сыграли, выразилось въ ея восклицаніи „Я васъ ненавижу“, во время ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ.

Послѣдняго нельзя сказать о *Вѣрѣ*; она рабски подчиняется Печорину, сноситъ его тиранство, исполняетъ всѣ его желанія. Фигура Вѣры, вообще, слабо обрисована; въ ея характерѣ видны черты какъ-то не согласующіяся между собой: напр., она и любитъ Печерина, но въ то же время выходитъ вторично замужъ и обманываетъ своего второго мужа, какъ обманывала и перваго.

Характеръ доктора *Вернера*, иронизирующаго насмѣшника, только намѣченъ; гораздо опредѣленнѣе и цѣльнѣе получается впечатлѣніе отъ фигуры *драгунскаго капитана,* также нарисованнаго нѣсколькими удачными штрихами: это типъ пустого гуляки, любителя кутежей и неопасныхъ исторій.

Изъ всѣхъ характеровъ, выведенныхъ въ романѣ, самыми удачными, въ смыслѣ цѣльности впечатлѣнія и жизненности, нужно считать Грушницкаго, Максима Максимовича, Бэлу, Азамата и Казбича. Романъ написанъ увлекательнымъ языкомъ; слогъ то сжатый, простой, но въ тоже время выразительный, какъ въ разсказѣ Максима Максимовича, то чарующе-музыкальный, какъ въ „Тамани". Хороши описанія мѣстностей Кавказа—Гутгоры, Кисловодска и т. д. Въ художественномъ отношеніи самой слабой частью романа является, пожалуй, „Княжна Мэри".

Не будемъ останавливаться на другихъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ Лермонтова — „Измаилъ-Бей", „Хаджи-Абрекъ", „Бояринъ-Орша", „Вадимъ Горбачъ" „Маскарадъ" и т. д. Они не имѣютъ такого значенія; герои ихъ, въ большинствѣ случаевъ, являются только видоизмѣненіями основного типичнаго Лермонтовскаго героя—сильнаго, гордаго и недовольнаго человѣка.

Особенности творчества Лермонтова и его значеніе.

Лермонтовъ является прямымъ продолженіемъ Пушкина, въ томъ смыслѣ, что безъ Пушкина не появилось бы и Лермонтова.

Необходимо отмѣтить, однако, различіе въ ихъ поэзіи, какъ по отношенію къ формѣ, такъ и содержанію.

Поэтическія формы Лермонтова не особенно разнятся отъ Пушкинскихъ. Въ отношеніи стиха, какъ способа выраженія, онъ является непосредственнымъ послѣдователемъ Пушкина; отъ него онъ выучился чувству мѣры, простотѣ выраженія; это внѣшнее сходство замѣтно особенно въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова (напр. „Вѣтка Палестины»). Но Лермонтовъ не остановился на этомъ; со временемъ онъ сообщилъ своему стиху оригинальныя черты—энергію, выразительность, которыя, въ совокупности съ различіемъ содержанія, сообщаютъ поэзіи Лермонтова характеръ, уже совершенно отличный отъ творчества Пушкина.—Главное различіе—различіе поэтическихъ мотивовъ и характера поэзіи Лермонтова и Пушкина—зависитъ, главнымъ образомъ, отъ различія обстановки, среди которыхъ развивались оба поэта. Сообразно обстановкѣ, развивались и ихъ личные характеры, особенностями которыхъ обусловливается многое въ ихъ произведеніяхъ. Въ Пушкинѣ не было того непримиримаго отношенія къ людямъ, которое мы видимъ въ Лермонтовѣ; онъ, преимуще-

ственно, художникъ-эстетикъ, „поэтъ эстетической стороны дѣйствительности“, какъ его принято называть.

Между тѣмъ, уже съ дѣтства Лермонтовъ сталъ особнякомъ среди окружающихъ его людей; со временемъ, какъ мы знаемъ, въ немъ развилась та вражда и ненависть къ великосвѣтскому обществу, которая сообщаетъ его поэзіи особый характеръ—негодующій. Онъ негодуетъ противъ лжи, пустоты и пошлости окружающихъ, наглости власть имущихъ и т. д. Это негодованіе проходитъ красной нитью въ его поэзіи, начиная со смерти Пушкина, до его собственной смерти. Это сплошной протестъ недовольной, несчастной, но гордой личности противъ тѣхъ несообразностей, которыя видѣлъ вокругъ себя поэтъ, протестъ, возвышающій его до общественнаго дѣятеля.

Лермонтовъ является первымъ русскимъ писателемъ, поэзія котораго носитъ этотъ характеръ негодованія, протеста, который сталъ затѣмъ болѣе или менѣе общимъ для всей русской литературы. Ни у Пушкина, ни у Гоголя протестъ этотъ не выражался съ такой силой.—Е. Соловьевъ, признающій основной идеей нашей литературы идею освобожденія личности, протестъ противъ ея порабощенія (главнымъ образомъ въ формѣ крѣпостной зависимости), говоритъ такъ: „... Въ этомъ-то Лермонтовскомъ негодованіи русскій человѣкъ и созналъ себя впервые воистину человѣкомъ, и оно отъ Лермонтова передалось Герцену, съ такой же гражданской опредѣленностью выразилось у Бѣлинскаго, потомъ у Добролюбова и Щедрина, что придало совсѣмъ особенный тонъ нашей литературѣ—тонъ протестующій, что такъ не нравится весьма искреннимъ и неискреннимъ сторонникамъ нашего славянофильства, считающимъ коренными русскими

добродѣтелями—незлобіе, смиреніе, кротость и полноту вѣры".

Остановимся подробнѣе на вопросѣ о томъ, что придало поэзіи Лермонтова этотъ негодующій, протестующій характеръ.

Нѣсомнѣнно, что тутъ играли громадную роль, во первыхъ, какъ обстановка дѣтства, такъ и всѣ тѣ условія развитія и жизни поэта, о которыхъ мы только что говорили, проводя параллель между нимъ и Пушкинымъ. Не менѣе важное значеніе имѣло, во вторыхъ, вліяніе англійскаго поэта лорда Байрона.

Поэзію Байрона можно охарактеризовать, какъ острое недовольство окружающимъ, пессимизмъ. Байронъ является однимъ изъ выразителей настроенія западнаго общества, настроенія, которое наступило послѣ окончившейся неудачей французской революціи. Вотъ что говоритъ о немъ В. Д. Спасовичъ: „Всѣ согласны, что по своему міросозерцанію Байронъ принадлежитъ цѣликомъ къ XVIII вѣку. Онъ гуманистъ; онъ считаетъ, что человѣкъ безобразно изуродованъ нелѣпыми предразсудками и общественными формами; онъ вѣруетъ въ силу разума, въ необходимость возвращенія къ природѣ, въ свободу столь безусловную, что она теряетъ всякую границу, въ возможность устроить всеобщее счастье, законодательствуя и управляя людьми раціонально. Опытъ былъ произведенъ и кончился полнѣйшей неудачей, кровавой траги-комедіей великой французской революціи. Старое разбито на-повалъ и растоптано, но освобожденные люди бродили дикими звѣрями по колѣно въ грязи, въ лужахъ крови, среди развалинъ. Многіе извѣрились въ самую революцію, затѣянную во имя разума. Главное теченіе вѣка измѣнилось и пошло обратными путями, возстановляя упраздненные алтари и престолы. Что представляло

теперь дѣлать людямъ, не соглашавшимся подставлять шею подъ старое ярмо? Конечно, отстаивать по возможности свои прежнія убѣжденія при измѣнившихся обстоятельствахъ. Сторонникамъ гуманизма, державшимся задачъ революціи, приходилось, вникая въ причины провала, признать, что сами революціонеры шли ненадлежащими путями и даже что цѣли движенія поставлены были фальшиво, что за волненія разума выдаваемы были невѣрные расчеты, запечатлѣнные явнымъ непониманіемъ природы человѣка и общества; иными словами, имъ приходилось стать почти на ту самую точку зрѣнія, на которой стоитъ нынѣ историческая наука по отношенію къ міровому событію конца прошлаго столѣтія. — Впрочемъ, былъ еще и другой выходъ изъ затрудненія, который и былъ совершенъ Байрономъ. Аполлонъ Григорьевъ (соч. 1,155 „о правдѣ и искренности въ искусствѣ“) утверждаетъ, что поэзія Байрона характеризуется отсутствіемъ всякаго нравственнаго начала; что она—протестъ противъ неправды, но безъ сознанія правды; что, такъ какъ эта поэзія открытаго эгоизма безъ маски не могла быть принята спокойно поэтическою натурой Байрона, то она и выразилась тоской и сатанинскимъ смѣхомъ, окружившими поэтическимъ ореоломъ это обоготвореніе эгоизма. Такое опредѣленіе поэзіи Байрона считаю я неправильнымъ отъ начала до конца и діаметрально противоположнымъ истинѣ. Вѣрный сынъ XVIII в., Байронъ не пожертвовалъ ни однимъ изъ идеаловъ этого вѣка, несмотря на измѣнившіяся обстоятельства; но, такъ какъ они еще до него были втоптоны въ грязь и опошлены, то Байронъ вымещаетъ свое негодованіе за это осквернение идеаловъ на всемъ родѣ человѣческомъ, изъемля, конечно, себя и нѣсколько высшихъ натуръ, близкихъ ему по

сердцу людей, которыхъ онъ умѣлъ любить глубоко и нѣжно“.

Байронизмъ на западѣ — это явленіе, вытекающее изъ историческаго положенія вещей. Байронизмъ русскій нужно считать явленіемъ случайнымъ, наноснымъ.

Какъ мы уже сказали, вліяніе Байрона сильно отразилось на Лермонтовѣ, на характерѣ его поэзіи; тѣмъ не менѣе, нельзя говорить о подражаніи Лермонтова Байрону;

„Нѣтъ я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый, избранникъ;
Какъ онъ, гонимый въ мірѣ странникъ,
Но только съ русскою душой“...

говоритъ про себя поэтъ. Эти слова крайне справедливы. Поэзія Лермонтова имѣетъ много общаго съ творчествомъ Байрона — можно говорить о сходствѣ ихъ характеровъ, основныхъ мотивовъ ихъ поэзіи и т. п., но не о подражаніи. — Какъ и великій англичанинъ, Лермонтовъ поэтъ мрачный, недовольный жизнью, „гонимый въ мірѣ странникъ“—но „съ русской душой“.

Далѣе обратимся къ вопросу о томъ, насколько должны мы считать Лермонтова поэтомъ русскимъ, имѣющимъ тѣсную связь съ русской дѣйствительностью, съ развитіемъ русской литературы.

„Не перечисляя всѣхъ варіацій въ сужденіяхъ о Лермонтовѣ, замѣчаетъ по этому поводу Пыпинъ, можно отмѣтить два главныхъ мотива, на какихъ строится объясненіе Лермонтова въ настоящее время. Одинъ взглядъ вводитъ Лермонтова въ общій ходъ литературнаго развитія, ставя его въ связь съ развитіемъ предыдущимъ и содержаніемъ той общественной эпохи; другой взглядъ даетъ Лермонтову исключительную

роль, ставитъ его особнякомъ, не находитъ въ немъ элементовъ общественности, къ которой Лермонтовъ относился будто бы лишь отрицательно, разсматриваетъ его только въ ряду первостепенныхъ поэтовъ всемірной литературы. Если въ поэзіи Лермонтова не легко установить процессъ, который не былъ доведенъ до конца—не по волѣ поэта, —и если иногда приходится прибѣгать къ гадательнымъ толкованіямъ, гдѣ у поэта недостаетъ ясно высказанной мысли и опредѣленнаго поэтическаго образа,—то, съ другой стороны, когда говорятъ, что „исключительная особенность Лермонтова состояла съ томъ, что въ немъ соединялось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхъ-чувственному міру“, что „нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своей родиной и землю своимъ изгнаніемъ“, что „сожительство въ Лермонтовѣ безсмертнаго и смертнаго человѣка составляло всю горечь его существованія обусловливало весь драматизмъ, всю привлекательность, глубину и ѣдкость его поэзіи“; когда говорятъ это, даже признавая въ произведеніяхъ Лермонтова „чрезвычайную близость ихъ интересамъ дѣйствительности“, у насъ ускользаетъ историческая почва, и дѣятельность поэта остается внѣ пространства и времени. Но Лермонтовъ былъ несомнѣнно русскій поэтъ извѣстной эпохи; его историческая связь съ этой эпохой даетъ ключъ и къ его поэзіи. Если, какъ мы сказали, онъ представляется загадочнымъ для своихъ историковъ, главной причиной этого, кромѣ крайней личной замкнутости поэта, было въ особенности то, что его дѣятельность прервана была на половинѣ пути и осталось невысказаннымъ то, къ чему должно было привести жизненное и поэтическое развитіе“.

Лермонтовъ былъ безусловно близокъ русской дѣй-

ствительности; это ярко выразилось уже въ его знаменитомъ стихотвореніи „На смерть Пушкина“. Общественныхъ мотивовъ касается онъ, кромѣ того, въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній. Онъ даетъ рядъ типовъ, имѣющихъ глубоко - общественное значеніе; онъ является, такъ сказать, продолженіемъ Пушкина, однимъ изъ звеньевъ въ развитіи русской литературы.—Поэтому нельзя считать Лермонтова поэтомъ исключительнымъ, не имѣющимъ органической связи съ современной дѣйствительностью.

Правда, въ его произведеніяхъ главную роль играютъ субъективныя, личныя переживанія, но это является только результатомъ духовнаго склада поэта и его положенія среди общества. Среди окружающихъ Лермонтовъ былъ почти одинокъ; всѣ свои думы и ощущенія выливалъ онъ въ поэзіи. Отмѣтимъ, кстати, что онъ никогда не заходитъ за предѣлы дѣйствительности не удаляется въ область фантастическаго. Всѣ его произведенія отличаются строгой художественной правдивостью, какъ описанія природы или произведенія историческаго характера, такъ и описанія его личныхъ переживаній и, вообще, произведенія, отличающіяся обиліемъ субъективнаго элемента.

Мы постарались, насколько возможно, освѣтить поэзію и личность Лермонтова. Многое остается въ нихъ загадачнымъ, непонятнымъ. Одно только ясно,—что передъ нами личность необыкновенная, самобытная; она поражаетъ насъ порой глубиной своей нату-

ры, своими неожиданными порывами и противорѣчіями.

Въ лицѣ Лермонтова мы потеряли одного изъ своихъ лучшихъ поэтовъ. Онъ ушелъ неразгаданный въ то время, когда геній его, по всѣмъ признакамъ, еще развивался, развертывался, чтобы подняться на неизмѣримую высоту.

Содержаніе.

стр.

Біографія. 7

Разборъ произведеній:

1. Лирика:
   „Ангелъ“ 12
   „Поэтъ“ 13
   „Парусъ“ 14
   „Выхожу одинъ я на дорогу“ . . . . . —
   „И грустно и скучно“ . . . . . —
   „Дубовый листокъ“ 15
   „Дума“ . . . . . —
   „Первое января“ . . . . . —
   „Когда волнуется желтѣющая нива...“ 16
   „Сосѣдъ“ 17
   „Молитва“ . . . . . —
   „Вѣтка Палестины“ . . . . . —
   „Памяти Одоевскаго“ . . . . . —
   „Три пальмы“ 18
   „Послѣднее новоселье“ . . . . . —
   „Два великана“ . . . . . —
   „Споръ“ . . . . . —

2. Эпосъ:
   I. Поэмы:—„Демонъ“ 20
   „Мцыри 22
   II. „Бородино“ 24
   „Пѣсня про купца Калашникова“ . . . —
   III. Романъ „Герой нашего времени“ 29

Особенности творчества Лермонтова и его значеніе въ русской литературѣ 38

Д. В. Григоровичъ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.

ИЗДАНІЕ

Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр., д. № 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе, среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ, и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІЯ.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ родился 19-го марта 1822 года въ Симбирской губерніи. Дѣтство свое онъ провелъ въ имѣніи родителей, въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Отецъ Григоровича, родомъ изъ Малороссіи, бывшій военный, умеръ черезъ пять лѣтъ послѣ рожденія сына, и послѣдній остался на рукахъ матери и бабушки. Онѣ и занялись его первоначальнымъ воспитаніемъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Григоровичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „Воспитаніемъ моимъ почти исключительно занималась бабушка (со стороны матери), 60-лѣтняя старуха, умная, начитанная, вольтерьянка въ душѣ, насквозь пропитанная понятіями, господствовавшими во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія... Матушка благоговѣла передъ ней, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялась ея“...

Какъ воспитаніе, такъ и вся обстановка, въ которой протекли первые годы жизни Григоровича, ни въ коемъ случаѣ не могли способствовать образованію изъ него въ будущемъ русскаго писателя. Воспитаніе его носило чисто-французскій характеръ и отличалось педантичностью: въ ребенкѣ старались заглушать всѣ проявленія собственной воли, обращались съ нимъ строго, наказывали и т. д.—Пяти лѣтъ онъ былъ посаженъ бабушкой за французскую граматику, и занятія

его по французскому языку пошли довольно успѣшно. Зато до восьми лѣтъ у него не было въ рукахъ ни одной русской книги. Русскому языку и грамотѣ мальчикъ научился отъ дворовыхъ, главнымъ образомъ, отъ камердинера своего покойнаго отца, Николая, о которомъ онъ съ такимъ теплымъ чувствомъ говоритъ въ „Воспоминаніяхъ“. „Онъ любилъ меня, вспоминаетъ Григоровичъ, какъ будто я десять разъ былъ его роднымъ сыномъ, какъ будто отецъ мой, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, завѣщалъ ему утѣшать меня, любить и ласкать. О немъ можно сказать то же, что Филаретъ говорилъ о русскомъ народѣ: въ немъ свѣту мало, но теплоты много; за весь холодъ и одиночество моей дѣтской жизни я отогрѣвался только, когда былъ съ Николаемъ“.

Знакомству молодого Григоровича съ народомъ нѣсколько способствовало еще слѣдующее обстоятельство: мать его слыла искусной лѣкаркой въ уѣздѣ и къ ней постоянно стекались больные крестьяне; среди нихъ мальчикъ имѣлъ возможность видѣть характерныя лица изъ народа, знакомиться ближе съ его языкомъ.

Въ 1830 году Григоровичъ былъ привезенъ въ Москву и отданъ въ гимназію, но здѣсь пробылъ онъ всего два мѣсяца. Очутившись въ непривычномъ для него обществѣ мальчиковъ, Григоровичъ не зналъ, что дѣлать, терялся; къ этому присоединились еще его плохое знакомство съ русскимъ языкомъ и иностранный акцентъ, изъ-за котораго ему приходилось выслушивать насмѣшки со стороны товарищей. Дѣло кончилось чуть-ли не нервной горячкой, и Григоровичъ былъ взятъ изъ гимназіи. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ отданъ во французскій пансіонъ госпожи Монигетти. По его собственному мѣткому выраженію, „послѣ

гимназіи, куда попалъ, какъ рыба, вынутая изъ воды", онъ здѣсь „почувствовалъ себя, какъ рыба, снова опущенная въ воду". Здѣсь появилась у него впервые любовь къ театру, выразившаяся, впрочемъ, пока только въ страсти строить картонные театры; здѣсь же, на урокахъ рисованія, происходившихъ въ Строгановскомъ училищѣ, обратилъ онъ на себя вниманіе своими способностями къ рисованію.

Въ пансіонѣ Монигетти Григоровичъ пробылъ три года, и за это время, по его собственному признанію, его умственныя способности „не подвинулись ни на одинъ градусъ". Въ русскомъ языкѣ и грамотѣ онъ оставался слабъ по прежнему: онъ не былъ въ состояніи сочинить и написать на русскомъ языкѣ самаго простого письма. Въ 1835 году Григоровичъ переѣхалъ въ Петербургъ и былъ отданъ къ капитану Костомарову, который долженъ былъ подготовить его къ поступленію въ Инженерное училище. Въ виду слабости Григоровича, Костомаровъ обратилъ особенное вниманіе на его занятія, и черезъ 2 года Григоровичъ выдержалъ, хотя и съ трудомъ, экзаменъ въ Инженерное Училище.—

Жизнь въ Инженерномъ Училищѣ, особенно вначалѣ, была для него очень тяжела. Ему пришлось перенести всѣ истязанія, которымъ подвергали въ большинствѣ военныхъ училищъ старшіе воспитанники новичковъ, или „рябцовъ", какъ ихъ называли.

Большинство предметовъ, преподававшихся въ Училищѣ, носило характеръ точныхъ, математическихъ наукъ, къ которымъ Григоровичъ уже съ дѣтства не чувствовалъ ни малѣйшей склонности.—

Пребываніе въ училищѣ все же принесло ему пользу; умственной кругозоръ его значительно разширился; благодаря знакомству съ Достоевскимъ, воспиты-

вавшимся въ томъ же Инженерномъ Училищѣ. Подъ вліяніемъ Достоевскаго Григоровичъ началь читать на русскомъ языкѣ. Въ это время, между прочимъ, онъ познакомился съ „Разбойниками“ Шиллера и послѣ этого принялся за сочиненіе пьесы изъ итальянской жизни. Это благое начинаніе кончилось неудачей вслѣдствіи отсутствія навыка и умѣнья выражать свои мысли на русскомъ языкѣ. Къ тому же времени относится и знакомство Григоровича съ Некрасовымъ, тогда еще начинающимъ поэтомъ, издавшимъ свою книжку стиховъ [„Мечты и Звуки“ 1840 г.].

Въ Инженерномъ Училищѣ любовь къ искусству, проявившаяся въ Григоровичѣ уже раньше, съ новой силой овладѣла имъ, и онъ началъ брать уроки у художника Тамаринскаго. Эти побочныя занятія, понятно, отражались на ходѣ школьныхъ занятій: послѣднія, вообще, шли плохо — Григоровичъ чувствовалъ себя тутъ не на своемъ мѣстѣ; ему были не по душѣ науки, которыя преподавались въ Училищѣ.

Съ трудомъ перейдя во 2-ой классъ, онъ пришелъ къ той мысли, что дальше идти не въ состояніи. Ему помогъ случай, именно, встрѣча съ Великимъ Княземъ на Невскомъ съ извѣстными трагикомическими подробностями. Мать Григоровича, находившаяся въ это время въ Петербургѣ, согласилась на его просьбы, и онъ, оставивъ Училище, поступилъ въ Академію Художествъ.

Мать уѣхала, снабдивъ Григоровича всѣмъ необходимымъ, и онъ принялся за занятія въ Академіи. Однако, и тутъ онъ пробылъ недолго. Жизнь въ Академіи описана имъ въ повѣсти „неудавшаяся жизнь“.—Онъ сходится въ это время съ академикомъ-архитекторомъ Шуданомъ. Благодаря чтенію „Донъ-Кихота“ и комедій Мольера, которыя онъ получалъ отъ Шудана, въ немъ

пробуждается страсть къ литературѣ и театру. Черезъ посредство Тамаринскаго онъ получаетъ возможность часто бывать въ Большомъ театрѣ и здѣсь вскорѣ начинаетъ учится декоративной живописи у завѣдывающаго этимъ дѣломъ художника Роллера. Онъ знакомится ближе съ закулиснымъ театральнымъ міромъ и влюбляется въ одну изъ воспитанницъ театральнаго училища. Въ связи съ этой любовью стоитъ его неудачное выступленіе на сценѣ въ роли Шаль въ пьесѣ „Дуэль при кардиналѣ Ришелье“. Вскорѣ затѣмъ изъ за любви къ упомянутой дѣвушкѣ у Григоровича происходитъ размолвка съ матерью, и онъ остается безъ средствъ.

Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ знакомаго помѣщика Бахметьева, онъ уѣзжаетъ погостить въ имѣніе послѣдняго. Здѣсь со словъ крестьянъ узнаетъ онъ много интереснаго изъ жизни и нравовъ стараго барства.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Бахметьевымъ обратно въ Петербургъ. Въ Москвѣ онъ знакомится съ директоромъ Императорскихъ театровъ Гедеоновскимъ и этотъ даетъ ему мѣсто въ своей канцеляріи.—

Новая служба Григоровича оказывается довольно легкой. Свободное время онъ обыкновенно вмѣстѣ со своими сослуживцами проводитъ въ театрѣ или посвящаетъ занятіямъ литературой. Онъ принимается работать для сцены: переводитъ драму Сулье „Eulalie Pontois“; эта пьеса идетъ на сценѣ подъ названіемъ „Наслѣдство“. Затѣмъ онъ начинаетъ переводить водевиль „Шампанское и опіумъ“, но тутъ затрудненіемъ являются для него куплеты. Изъ бѣды выручаетъ его Зотовъ, и Григоровичъ ближе знакомится какъ съ нимъ, такъ и съ его семьей.

Это знакомство чрезвычайно благотворно дѣйствуетъ на Григоровича, благодаря литературной атмосферѣ, господствовавшей въ семьѣ Зотовыхъ—людей интеллигентныхъ, занимавшихся осмысленнымъ трудомъ.

На репетиціяхъ своихъ пьесъ Григоровичъ сближается съ выдающимися артистами своего времени—Каратыгинымъ, Максимовымъ, Мартыновымъ, Самойловымъ и др.

Вскорѣ черезъ опернаго артиста Леонова Григоровичъ знакомится съ Плюшаромъ, издателемъ „Энциклопедическаго словаря“, который въ это время задумалъ изданіе книжки „Сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ“. Послѣдній приглашаетъ Григоровича переводить съ французскаго языка для этихъ книжекъ. Григоровичъ соглашается, съ жаромъ принимается за дѣло и переводитъ повѣсти и анекдоты. У Плюшара онъ встрѣчается съ А. Н. Гречемъ, сыномъ Н. И. Греча, и тотъ поручаетъ ему переводъ французской повѣсти, изданной имъ затѣмъ подъ заглавіемъ „Эрленсбургскій священникъ“.

Всѣ эти литературныя занятія охладили Григоровича къ театральной канцеляріи, и черезъ нѣкоторое время онъ совершенно перестаетъ ее посѣщать.

Въ 1842 или 1843 году онъ случайно встрѣчается съ Некрасовымъ и на этотъ разъ замѣтно сближается съ нимъ. Примѣръ Некрасова, своимъ литературнымъ трудомъ зарабатывающаго себѣ средства къ существованію, пробивающаго себѣ дорогу, по собственному признанію Григоровича, заразительно подѣйствовалъ на него—у него является страстное желаніе написать что-нибудь оригинальное, что-нибудь свое.—Плодомъ этого стремленія явились первые разсказы „Театральная карета“ и „Собачка“, напечатанные, благодаря Гречу, въ приложеніяхъ къ „Русскому Инвалиду“.

Несмотря на то, что эти опыты были неудачны, охота Григоровича къ занятіямъ литературой не проходитъ. На этотъ разъ даетъ ему работу Некрасовъ. Онъ поручаетъ Григоровичу на основаніи французскихъ брошюръ о „полькѣ“ и „редовѣ“, модныхъ въ то время въ Петербургѣ, написать русскую брошюру подъ названіемъ „Полька въ Петербургѣ“.

Послѣ этого Григоровичъ пишетъ предисловіе къ задуманному Некрасовымъ юмористическому сборнику „Зубоскалъ“ и затѣмъ, когда „Зубоскалъ“ былъ запрещенъ и Некрасовъ выпускаетъ новую книжку „Первое апрѣля“, Григоровичъ снова пишетъ предисловіе и, кромѣ того, помѣщаетъ въ этой книжкѣ свой разсказъ „Штука полотна“.—

Черезъ нѣкоторое время Некрасовъ задумываетъ изданіе въ нѣсколькихъ книжкахъ, подъ названіемъ „Физіологія Петербурга“. Сюда должны были входить бытовыя сцены, описанія типовъ, очерки изъ петербургской уличной жизни. Въ данномъ случаѣ, прототипомъ для Некрасова (какъ раньше и для Булгарина) служили иностранныя книжки подъ заглавіемъ „Физіологія“, заключавшія описанія разныхъ типовъ, главнымъ образомъ, изъ парижской жизни.

Григоровичъ согласился на просьбу Некрасова написать что-нибудь для этого изданія. Онъ избралъ сюжетомъ бытъ петербургскихъ шарманщиковъ и ревностно принялся за собираніе необходимаго матеріала. Для этого онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ по тремъ Подъяческимъ улицамъ, населеннымъ по преимуществу шарманщиками, изучая ихъ бытъ и нравы.

„Петербургскіе шарманщики“ понравились Некрасову; Бѣлинскій отозвался о нихъ съ похвалой. Эта вещь была помѣщена въ первой книжкѣ „Физіологіи“. Для второй книги Григоровичъ написалъ „Лотерейный балъ“.

Послѣ смерти Крылова онъ, опять по порученію Некрасова, написалъ его біографію „Дѣдушка Крыловъ“.—

Въ это время онъ встрѣчается съ Достоевскимъ, читаетъ ему своихъ „Шарманщиковъ“ и начинаетъ видѣться съ нимъ все чаще и чаще. Наконецъ они поселяются въ одной квартирѣ—на углу Владимірской и Графскаго переулка. Тутъ Достоевскій кончилъ свое первое болѣе крупное произведеніе — повѣсть „Бѣдные люди“—и прочиталъ ее Григо́ровичу. Послѣдній почти силой взялъ у него рукопись и отнесъ ее Некрасову. Извѣстенъ разсказъ и томъ, какъ Григоровичъ съ Некрасовымъ явились ночью къ Достоевскому, чтобы высказать ему свое восхищеніе, какъ затѣмъ попала рукопись къ Бѣлинскому, давшему о ней самый восторженный отзывъ.— Затѣмъ происходитъ разрывъ между Достоевскимъ и кружкомъ Бѣлинскаго. Черезъ нѣкоторое время Достоевскій и Григоровичъ также расходятся, и рѣшаютъ жить врозь. Впрочемъ, до полнаго разрыва между ними не дошло: они часто встрѣчались въ домѣ Бекетовыхъ, гдѣ собирался литературный кружокъ, и встрѣчались, какъ пріятели.

Кружку Бекетовыхъ Григоровичъ, какъ онъ самъ сознается, былъ очень обязанъ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ; участіе въ бесѣдахъ и спорахъ кружка развивало въ немъ способность строго и послѣдовательно мыслить, а также значительно расширило его умственный кругозоръ. Но тутъ его самолюбіе начинаетъ страдать за свою отсталость, сравнительно со многими бывшими товарищами. Онъ чувствуетъ. что такъ продолжаться не можетъ, что для большаго успѣха ему необходимы иныя условія, и рѣшается покинуть Петербургъ. Въ 1846 г., написавъ предварительно ма-

тери о своемъ намѣреніи, онъ уѣзжаетъ въ деревню.

Деревенская обстановка произвела на него благотворное впечатлѣніе. Вскорѣ онъ находитъ тутъ сюжетъ для новой повѣсти: къ матери его пришла за совѣтомъ молодая баба; она разсказала исторію своей жизни, которая и послужила Григоровичу основой для повѣсти „Деревня“. Онъ принялся за работу, но съ самаго начала почувствовалъ, что недостаточно знакомъ съ русскимъ языкомъ, особенно народнымъ. Чтобы помочь этому горю, онъ старается чаще вращаться среди народа, нарочно сидитъ на мельницѣ и разговариваетъ съ помольцами, стараясь запомнить выраженія и обороты, казавшіеся ему особенно удачными.

Съ каждой главой работа подвигается скорѣй. Григоровичъ чувствуетъ, что начинаетъ все лучше и лучше владѣть языкомъ. Послѣ 4-хъ мѣсячнаго усидчиваго труда повѣсть написана, и авторъ везетъ ее въ Петербургъ.

Тутъ онъ отдаетъ ее Некрасову; послѣдній откладываетъ чтеніе со дня на день, а затѣмъ даетъ не особенно орошій отзывъ о повѣсти. Вскорѣ затѣмъ Григоровичъ самъ читаетъ ее у Бекетовыхъ и встрѣчаетъ самыя горячія похвалы.

Повѣсть „Деревня“ была напечатана въ декабрьской книжкѣ „Отечественныхъ записокъ“ 1846 г. и имѣла среди публики большой успѣхъ.

На слѣдующій годъ Григоровичъ—опять въ деревнѣ—написалъ повѣсть „Антонъ Горемыка“. Она очень понравилась читавшимъ ее Некрасову и Панаеву, но чуть не была не допущена цензурой къ печатанію. Дѣло приняло, однако, благодаря стараніямъ А. В. Никитина, благопріятный оборотъ, и повѣсть, была пропущена съ небольшими измѣненіями. Благодаря

этой повѣсти, Григоровичъ ближе сошелся съ кружкомъ литераторовъ, стоявшихъ при „Современникѣ“, особенно съ Боткинымъ и Дружининымъ.

Въ 1847 г. Григоровичъ написалъ для „Современника“ разсказъ „Бобыль“, а въ 1848 г. появляется „Капельмейстеръ Сусликовъ“.

Въ это время писатель начинаетъ все болѣе и болѣе склоняться къ жизни въ деревнѣ; здѣсь онъ въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ пишетъ большинство своихъ разсказовъ, повѣстей и болѣе крупныхъ произведеній: „Похожденія Налетова“ — 1848 г., „Четыре времени года“—1849 г., „Неудавшаяся жизнь“—1850 г. „Свѣтлое Христово Воскресеніе“—1851 г. „Проселочныя дороги“—1852—53 г., „Смедовская долина“—1852 г. „Зимній вечеръ“—1852 г., „Рыбаки“—1853 г., „Прохожій“ — 1854 г., „Столичные родственники“ — 1851 г., „Пахарь“—1856 г. „Школа гостепріимства“—1857 г., „Переселенцы“—1855—56 г., „Въ ожиданіи парома“—1857 г. и др.

Этотъ рядъ произведеній окончательно закрѣпилъ за Григоровичемъ славу извѣстнаго писателя главнымъ образомъ изъ народной жизни.

Въ 1858 г. морское министерство предложило Григоровичу, по примѣру Гончарова, совершить кругосвѣтное плаваніе, съ тѣмъ, чтобы описаніе этого путешествія было напечатано въ „Морскомъ Сборникѣ“, Григоровичъ согласился.

Вскорѣ, однако, маршрутъ путешествія былъ измѣненъ: вмѣсто кругосвѣтнаго плаванія, „Ретвизанъ“, на которомъ предстояло ѣхать Григоровичу, долженъ былъ присоединиться къ Средиземной эскадры, чтобы сопровождать Великаго Князя Константина Николаевича.

Въ августѣ 1858 г. Григоровичъ отправился въ

путешестіе, которое продолжалось до 1859 г.—Путевыя замѣтки, подъ названіемъ „Корабль Ретвизанъ“, печатались сперва въ „Морскомъ Сборникѣ“, а затѣмъ были собраны въ отдѣльный томъ.

Вернувшись въ Россію, Григоровичъ поѣхалъ въ деревню. Здѣсь онъ задумываетъ большой романъ, въ которомъ хочетъ изобразить два поколѣнія помѣщиковъ: поколѣніе старое и молодое. Первая часть этого романа была напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ „Два генерала“ — окончить романъ помѣшали хозяйственныя хлопоты по управленію имѣніемъ, которое передала ему мать.—Григоровичъ сдалъ часть земли въ аренду, но, когда ему, наконецъ, удалось освободиться отъ арендатора, оказавшагося извѣстнымъ плутомъ, земля давала значительно меньше доходовъ, чѣмъ раньше. Необходимо было предпринять что-нибудь для своего матеріальнаго обезпеченія. На литературный заработокъ не приходилось особенно надѣяться, т. к. и плата была очень умѣренна, да и писалъ Григоровичъ медленно, кропотливо. Онъ обратился къ С. А. Гедеоновскому, директору Императорскаго Эрмитажа, и ему было предложено мѣсто секретаря Эрмитажа, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ написалъ предварительно описаніе Эрмитажа, которое могло бы служить руководствомъ для публики. Когда Григоровичъ окончилъ это описаніе, напечатанное подъ заглавіемъ „Прогулка по Эрмитажу“, мѣсто, обѣщанное ему, было уже занято. — Ему предложили занять должность секретаря „Общества поощренія художествъ“, и онъ охотно согласился.

Сначала онъ думалъ, что новая служба дастъ ему возможность удѣлять часть своего времени занятіямъ литературой, но, какъ оказалось, онъ ошибся: дѣло, за которое онъ взялся, было ему по душѣ, онъ втяги-

вался въ него, а планы различныхъ повѣстей и романовъ такъ и оставались лежать подъ спудомъ.

Григоровичъ за двѣнадцать лѣтъ службы въ Обществѣ Поощренія сдѣлалъ много по организаціи музея общества, по устройству школы. На литературное поприще онъ выступаетъ снова лишь съ 1882 г. Появляются его „Литературныя воспоминанія“, „Гутаперчевый мальчикъ“, „Акробаты благотворительности“, комедія „Замшевые люди“, „Сонъ Корелина“ — 1887 г., „Не по хорошему милъ“ — 1889 г., „Золото“ — 1891 г., „Порфирій Петровичъ Кукушкинъ“—1894 г., - 1896 г., „Отставка и назначеніе“—1898 г.

Въ 1895 г. Григоровичъ праздновалъ 50 лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Онъ умеръ 22 декабря 1899 года.

Григоровичъ до конца остался вѣренъ тѣмъ гуманнымъ и свѣтлымъ идеямъ, которыя онъ проводитъ въ большинствѣ своихъ произведеній; это мы должны поставить ему въ большую заслугу.

Разборъ произведеній.

Значеніе Григоровича въ русской литературѣ основано, какъ извѣстно, на томъ, что онъ первый „ввелъ мужика въ литературу“, началъ открыто говорить о немъ, о его угнетенномъ положеніи, приниженности, безправіи.

Остановимся поэтому на его наиболѣе яркихъ въ этомъ отношеніи произведеніяхъ.

Начнемъ съ первыхъ двухъ разсказовъ изъ народной жизни, а именно: „Деревни“ и „Антона Горемыки“.

Содержаніемъ „Деревни“ служитъ простой разсказъ о жизни и судьбѣ бѣдной крестьянской дѣвушки-сироты Акулины. Дочь скотницы, умершей отъ родовъ, она осталась на чужихъ рукахъ. Выросла она въ семьѣ новой скотницы, гдѣ, кромѣ брани, пинковъ и побоевъ, ничего не видѣла, т. к. сварливая скотница вымещала на ней свою случайную злобу. Когда Акулька нѣсколько подросла, ее опредѣлили пасти гусей. Это занятіе приносило ей тѣ же побои; ее наказывали изъ-за каждаго пропавшаго гусенка.—Все это имѣло результатомъ то, что дѣвочка замкнулась въ самой себѣ, стала чуждаться людей, и лишь тогда чувствовала себя лучше и спокойнѣе, когда уходила въ поле со своими гусями;—„Бывало даже, на Акулю находилъ въ эти минуты вдругъ какой-то припадокъ веселости, рѣзвости“...

Черезъ нѣкоторое время у скотницы поселяется ея мужъ, работающій на миткалевой фабрикѣ, возвра-

щавшійся раньше домой только по праздникамъ. Житье Акулины становится еще хуже, такъ какъ и онъ бьетъ ее. Чѣмъ старше становится Акулина, тѣмъ сильнѣй чуждается она людей.

Въ деревню, между тѣмъ, пріѣзжаетъ баринъ. Онъ случайно обращаетъ вниманіе на Акулину, заводитъ съ ней разговоръ, спрашиваетъ, не хочетъ ли она замужъ, а затѣмъ со своей женой рѣшаетъ сдѣлать доброе дѣло—„пристроить сироту“. Черезъ нѣсколько дней къ барину является кузнецъ и проситъ женить его сына; онъ указываетъ на дѣвушку изъ сосѣдняго села, жалуясь, что въ имѣніи нѣтъ подходящей невѣсты. Баринъ вспоминаетъ про Акулину, и заставляетъ кузнеца противъ воли сосватать ее со своимъ сыномъ.

Свадьбу сыграли въ слѣдующее воскресенье, а въ понедѣльникъ Григорій, мужъ Акулины, напившись въ кабакѣ, таскалъ ее уже за волосы, Акулина попала „изъ огня, да въ полымя“. Каковъ былъ первый день ея замужней жизни, такова была и вся жизнь. Григорій былъ человѣкъ жестокій, испорченный съ малолѣтства. Фабричная жизнь развила въ немъ разныя дурныя наклонности и поселила въ немъ, кромѣ того, страсть къ водкѣ.

Единственнымъ утѣшеніемъ, выпавшимъ на долю бѣдной женщины, было рожденіе дочери. Акулина всей душой отдается своей маленькой Дунькѣ, становясь равнодушной даже къ побоямъ мужа, который отъ такого невниманія еще болѣе свирѣпѣетъ. Она еще глубже уходитъ въ себя; она перестаетъ даже разговаривать съ окружающей ее родней мужа.

Прошло четыре года ея замужней жизни, и въ ней нельзя было уже узнать прежнюю Акулину; она была изнурена тяжкой работой, побоями и болѣзнью; по-

стоянно хваталась она за грудь и кашляла тяжелымъ, жестокимъ, долго не прерывающимся кашлемъ. Вскорѣ она слегла, благодаря стараніямъ тетокъ, которыя отправляли ее на рѣку въ сырую погоду, сваливали на нее самую тяжелую работу и, повидимому, всѣми силами старались свести ее въ могилу. Отъ смерти спасаетъ ее вмѣшательство жены управляющаго, до которой случайно доходитъ слухъ объ положеніи Акулины. Она ухаживаетъ за Акулиной и, благодаря ея стараніямъ, больная черезъ два мѣсяца можетъ уже съ трудомъ встать съ постели. Но тутъ представляется удобный случай для ея родни: въ одинъ холодный осенній день къ Григорію приходитъ староста и заявляетъ, что по очереди кому-либо изъ его домашнихъ слѣдуетъ идти на барскую работу. На работу посылаютъ еле стоящую на ногахъ Акулину. Тутъ ее, продрогшую отъ холода, находитъ жена управляющаго и отправляетъ домой.—Акулина снова слегла въ постель, но на этотъ разъ уже не вставала.

На другой день послѣ ея смерти Григорій, не обращая вниманія на уговоры тетокъ, взвалилъ на розвальни наскоро сколоченный гробъ и, предварительно подвыпивъ, отправился на погостъ. На дворѣ выла вьюга... „дорогу заметало... Григорій, ошеломленный виномъ, ни на что не обращалъ вниманія, и, злой, только хлесталъ и стегалъ несчастную свою клячу, которая то и дѣло вязла въ оврагахъ... Вдругъ посреди завыванія вѣтра и шума мятелицы ему послышался крикъ; онъ оглянулся: въ мутныхъ волнахъ, между сугробами, бѣжала сломя голову Дунька. Григорій приподнялся на облучкѣ и погрозилъ ей. „Пошла, пострѣлъ, домой... пошла домой... замерзнешь! пошла домой!“ кричалъ онъ, принимаясь съ большимъ еще остервенѣніемъ колотитъ свою клячу. Хмѣль, благо

морозно было, успѣлъ уже обуять его; удары сыпались за ударами, лошадь несла его во всю мочь; изрѣдка оборачивался Григорій назадъ... „Пошла домой, пострѣлъ, пошла домой!“ горланилъ онъ; но ребенокъ не переставалъ бѣжать за нимъ съ тѣмъ же крикомъ и воплемъ. „Пошла домой! вотъ я тебя... окаянную!“ продолжалъ отецъ. А Дунька все бѣжала, да бѣжала... А вьюга, между тѣмъ, становилась все сильнѣй да сильнѣй; снѣжные вихри и ледяной вѣтеръ преслѣдовали младенца, забивались ему подъ худенькую его рубашенку, обдавали его посинѣвшія ножки и повергали его въ сугробы... но онъ все бѣжалъ и бѣжалъ... вьюга все усиливалась, да усиливалась, вой вѣтра становился слышнѣй и сильнѣе; то взрывалъ онъ снѣжные хребты и яростно кружилъ необозримую кучу снѣга и, казалось, силился затопить въ немъ поля, лѣса и все Кузьминское со всѣми его жителями, амбарами, угодьями и господскими хоромами...“

Въ этой повѣсти авторъ рисуетъ намъ яркую картину невѣжества, жестокости, которыя встрѣчаются въ крестьянской средѣ. Тяжелое впечатлѣніе производятъ нѣкоторые моменты, напр., сцена дѣлежа ветоши, оставшейся послѣ матери Акулины, сцена, въ которой описывается, какъ молодой мужъ на утро послѣ свадьбы истязуетъ жену, а старый крестьянинъ, почтенный, сѣдой, какъ лунь, старикъ, одобрительно приговариваетъ: „пѣстуй, пѣстуй ее, пускай-де знаетъ мужа: оно добро“... Дѣйствующія лица настолько обрисованы въ самой повѣсти, что о нихъ не приходится особенно распространяться. Акулина, сперва забитая дѣвочка, боязливая, чуждающаяся окружающихъ ее людей, отъ которыхъ она не слыхала добраго слова, а затѣмъ насильно выданная замужъ за грубаго пьяницу, сносящая отъ него побои и вся ушед-

шая въ любовь къ дочери—она, наконецъ, не выдерживаетъ этой жизни и умираетъ. Вспоминая всю ея жизнь, невольно приходишь къ заключенію, что смерть явилась для нея единственнымъ и, притомъ, лучшимъ выходомъ.

Григорій не видалъ съ дѣтства ничего хорошаго, что могло бы послужить ему примѣромъ; его окончательно испортила фабричная жизнь.

Прочіе лица очерчены нѣсколькими штрихами, но достаточно рельефны; такова—тетка Акулина, Домна, баринъ и пр.

Всѣ лица повѣсти довольно жизнены, въ нихъ не чувствуется особенно сильной искусственности и утрировки.

Языкъ повѣсти простой, мѣстами народный. Встрѣчаются бытовыя сцены, напр. описаніе деревенской свадьбы, посидѣлокъ въ осенніе вечера и т. д. Нѣкоторыя мѣста производятъ сильныя впечатлѣнія, какъ напр. упомянутая сцена послѣ свадьбы, описаніе болѣзни и смерти Акулины, приведенное выше окончаніе повѣсти, гдѣ описывается, какъ подвыпившій Григорій, несмотря на вьюгу, спѣшитъ отвезти на погостъ гробъ жены, а за нимъ съ крикомъ, сломя голову и спотыкаясь о сугробы, бѣжитъ маленькая Дунька.

Въ повѣсти *„Антонъ Горемыка“* Григоровичъ разсказываетъ о томъ, какъ погибаетъ изъ-за злобы помѣщичьяго управляющаго работящій бѣднякъ. Здѣсь онъ уже глубже касается причинъ матеріальнаго и духовнаго убожества крестьянской массы.

Антонъ, обѣднѣвшій мужикъ, живетъ на краю села въ старой, полуразвалившейся избѣ. Съ нимъ, кромѣ жены, живутъ еще мальчикъ и дѣвочка, дѣти его брата, отданнаго по желанію управляющаго въ

солдаты. Этотъ управляющій и довелъ до такой бѣдности Антона, бывшаго раньше зажиточнымъ мужикомъ.—Въ тотъ день, когда начинается дѣйствіе повѣсти, управляющій посылаетъ за Антономъ и требуетъ отъ него уплаты подушныхъ; когда же Антонъ заявляетъ, что платить ему нечѣмъ и проситъ повременить, онъ приказываетъ ему отправиться на ярмарку въ сосѣдній городъ и продать тамъ лошадь, послѣднюю скотину Антона.—На слѣдующій день Антонъ отправляется на ярмарку. Тутъ попадаетъ онъ въ руки конокрадовъ, которые уводятъ съ постоялаго двора его „пѣгашку“. Въ отчаяніи отправляется бѣднякъ искать по окрестностямъ пропавшую лошадь. Между тѣмъ, на постояломъ дворѣ мужики разговариваютъ объ его несчастіи; къ нимъ случайно заходитъ землякъ Антона и разсказываетъ исторію его обѣдненія.

Помѣщикъ, къ вотчинѣ котораго принадлежитъ Антонъ, живетъ постоянно въ деревнѣ. Всѣ дѣла по управленію имѣніемъ онъ передалъ управляющему, человѣку жестокому и хитрому. Послѣдній выжимаетъ всѣ соки изъ мужиковъ, обманываетъ барина и копитъ деньгу.

Его притѣсненія становятся, наконецъ, нестерпимыми для мужиковъ, и они рѣшаютъ написать обо всемъ барину. Собирается сходъ, и Антону, какъ единственному грамотному, поручается составленіе письма. Письмо, однако, не доходитъ до барина: его перехватываетъ и отсылаетъ управляющему его братъ, служащій камердинеромъ у барина. Управляющій собираетъ сходъ, и застращенные мужики головой выдаютъ Антона, указывая на него, какъ на главнаго виновника всего дѣла. Съ тѣхъ поръ начинается систематическое преслѣдованіе Антона: управляющій отнимаетъ у него

сперва его землю и замѣняетъ ее негодной, затѣмъ онъ совсѣмъ отнимаетъ ее у него; Антона самого онъ держитъ постоянно на барщинѣ, брата его отдаетъ не въ очередь въ рекруты,—однимъ словомъ, постоянными преслѣдованіями доводитъ Антона до его настоящаго положенія.

Между тѣмъ, Антонъ, отправившись на поиски за пропавшей „пѣгашкой“, безуспѣшно блуждаетъ по окрестностямъ и подъ конецъ попадаетъ въ компанію бродягъ, ограбившихъ передъ тѣмъ проѣзжаго купца. Въ качествѣ ихъ сообщника, его задерживаютъ въ сосѣдней корчмѣ и въ колодкахъ отправляютъ изъ родного села въ острогъ.

Вотъ все содержаніе повѣсти. Первоначально она должна была, впрочемъ, кончиться иначе, а именно: крестьяне, доведенные до крайности поступками управляющаго, поджигаютъ его домъ и бросаютъ его самаго въ огонь. Цензура, какъ разсказываетъ самъ Григоровичъ, не соглашалась допускать къ печатанію повѣсти въ такомъ видѣ, и ему пришлось передѣлать ея конецъ.

Антонъ—добрый работящій мужикъ, готовый помочь ближнему, любящій своихъ пріемышей, какъ своихъ собственныхъ дѣтей.

„Больно жаль мнѣ его“, говоритъ про него его землякъ, „пуще брата... мужикъ то такой добрый, славный, смирный... Бывало, какъ жилъ-то хорошо, всякаго готовъ уважить, простыня—мужикъ... Черезъ простоту свою и доброту и пострадалъ болѣе“...

При всей его добротѣ, онъ до того измученъ притѣсненіями управляющаго, что на него какъ бы находитъ какое-то отупѣніе: онъ не способенъ разобрать, что попадается въ руки плутамъ и т. д.

Приказчикъ Никита Ѳеодоровичъ—это одинъ изъ

типовъ крѣпостныхъ тирановъ. Онъ имѣетъ много сходства съ типами, выведенными Тургеневымъ въ нѣкоторыхъ изъ его разсказовъ („Контора", „Бурмистръ"). Никита Ѳеодоровичъ попалъ въ управляющіе только потому, что старый баринъ женилъ его на своей любовницѣ. Получивъ такимъ образомъ въ руки власть, онъ пользуется ею во всю. Онъ знаетъ только свой карманъ и обманываетъ какъ мужиковъ, такъ и барина. Объ его отношеніи къ крестьянамъ не приходится говорить—онъ совершенно не видитъ въ нихъ людей.

Также несимпатична и *его жена*, посылающая подсматривать за мужемъ маленькаго сына—„будущаго N—скаго бурмистра", обѣщающаго сдѣлаться вторымъ экземпляромъ отца.

Единственная симпатичная фигура изъ всей ихъ семьи- это дѣвочка *Фатимка*, побочная дочь стараго барина, которая бомбардируетъ вмѣстѣ съ крестьянскими мальчиками окна своего отчима, желая этимъ отомстить ему за побои, нанесенныя женѣ Антона.

Въ повѣсти „Антонъ Горемыка" ярко обрисована угнетенность, безправіе народа. Авторъ указываетъ—на несправедливость и произволъ власть имущихъ, въ данномъ случаѣ, управляющаго, какъ на главный источникъ страданія и бѣдность народной массы. Безправіе, незащищенность отъ притѣсненія помѣщика, являются причинами какъ тяжкаго матеріальнаго положенія народа, такъ и его духовной темноты, неразвитости. Тѣ темныя стороны народа, которыя выступаютъ въ повѣсти—способность въ бѣдѣ свалить вину на другого, холодная скупость, пьянство, мошенничество и т. д.—всѣ эти отрицательныя стороны развились на почвѣ крѣпостного строя, какъ послѣдствія этого строя.

Повѣсть „Антонъ Горемыка" не можетъ быть приз-

нана образцовымъ произведеніемъ съ художественной точки зрѣнія; это было замѣчено уже при ея появленіи. Но тѣмъ не менѣе, она произвела на современное общество громадное впечатлѣніе. Это объясняется важностью и живымъ интересомъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касается въ ней авторъ. Для современниковъ повѣсть, по выраженію Щедрина, была „свѣжимъ глоткомъ воздуха“, „живымъ лучомъ“. На Бѣлинскаго она произвела гнетущее впечатлѣніе. „Ни одна русская повѣсть—пишетъ онъ—не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго впечатлѣнія; читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдье его благородныхъ предковъ“...

Третье произведеніе, подходящее подъ одно направленіе съ упомянутыми, это „*Бобыль*“.

Здѣсь разсказывается о томъ, какъ на дворъ къ старухѣ помѣщицѣ является обезсилѣвшій старикъ. Сердобольная помѣщица собирается оставить его на время у себя, распрашиваетъ его про его болѣзнь и т. д. Въ то время, какъ она хлопочетъ, приготовляя для старика лекарство, ей сообщаютъ, что старикъ, кажется собирается скоро отходить. Благодаря настойчивымъ совѣтамъ гостящихъ у помѣщицы кумушекъ, она рѣшаетъ, во избѣжаніи непріятностей въ случаѣ смерти старика, отправить его со старостой „куда ему нужно“; для очистки совѣсти она снабжаетъ его на дорогу съѣстными припасами и лекарствами. Старика отправляютъ въ дождливую холодную ночь, а на утро помѣщица узнаетъ, что она во время отдѣлалась отъ него его нашли мертвымъ гдѣ-то въ полѣ.

Въ этомъ разсказѣ ярко выступаетъ основная мысль, руководящая помѣщицей и ея приспѣшницами: своя

рубаха ближе къ тѣлу,—неужели изъ-за чужого человѣка, хотя бы онъ и умиралъ, навлекать на свою шею хлопоты?! При этомъ нужно вспомнить, что думаетъ эта помѣщица о крестьянинѣ.

Эти три произведенія: „Деревня“, „Антонъ Горемыка“ и „Бобыль“ принадлежитъ къ наиболѣе яркимъ образцамъ того „филантропическаго“ направленія, которое характерно для многихъ произведеній Григоровича. Въ нихъ „онъ первый заговорилъ о жалости и состраданіи къ мужику, первый въ яркихъ краскахъ обрисовалъ его несчастное положеніе и такимъ образомъ положилъ основаніе нашему народничеству. Его „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“ (обѣ въ 1847 г.) сыграли серьезную историческую роль потому, конечно, что ими была дана конкретная форма идеализму 40-хъ годовъ, который съ той поры и сталъ постепенно спускаться съ туманныхъ высотъ на землю“. (Андреевичъ).

Однимъ изъ крупныхъ произведеній Григоровича является романъ „*Рыбаки*“. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ авторъ хотѣлъ изобразитъ положительные типы изъ народной среды. Это ему отчасти не удалось, т. к лица эти вышли нѣсколько искусственны.—

На берегу Оки живетъ съ женой и тремя сыновьями старый рыбакъ Глѣбъ Савиновъ. Глѣбъ—старикъ суровый, работящій и не любящій, чтобы кто-нибудь изъ его семьи сидѣлъ сложа руки.— Онъ принимаетъ къ себѣ въ домъ Гришу, видя въ этомъ прибыльный расчетъ: и работникомъ больше, а если нужно будетъ выдать рекрута, можно будетъ вмѣсто родного сына отдать его. —

На другомъ берегу Оки живетъ такой-же рыбакъ, какъ и Глѣбъ—старикъ Кондратій съ дочкой Дуней.

Пріемышъ Глѣба, равно какъ и его младшій сынъ Ваня, влюбляются въ Дуню; она, въ свою очередь, влюбляется въ Гришу. Ваня нечаянно подслушиваетъ ихъ разговоръ и рѣшается быть имъ помѣхой въ ихъ любви.—

Между тѣмъ старики рѣшаютъ, что недурно бы поженить Ваню съ Дуней. Въ одинъ прекрасный день Глѣбъ отправляется къ Кондратію, захвативъ съ собой Ваню, чтобы сосватать его. Старики скоро улаживаютъ дѣло между собой; они дивятся только, отчего невеселы Ваня съ Дуней.—Глѣбъ сообщаетъ, между прочимъ, Кондратію, что скоро настаетъ наборъ и что онъ намѣренъ отдать въ рекруты вмѣсто Вани Гришу. Дуня при этихъ словахъ блѣднѣетъ и едва можетъ совладать съ собой. Ее успокаиваетъ Ваня, обѣщаясь освободить Гришу.

Вскорѣ Глѣбъ съ сыномъ возвращаются домой. Тутъ они находятъ сотскаго, который пришелъ объявить, что имъ необходимо выставить рекрута.

На слѣдующее утро старшіе сыновья Глѣба отправляются на заработки въ рыбацкія слободы; на это Глѣбъ, давно уже недовольный старшими сыновьями, которые начали „пошаливать и попивать“, разражается страшнымъ гнѣвомъ; онъ грозитъ лишить ослушниковъ своего благословенія и въ гнѣвѣ выходитъ изъ избы. На дворѣ къ нему подходитъ Ваня и заявляетъ, что онъ рѣшилъ идти въ рекруты вмѣсто Гриши. Глѣбъ осыпаетъ сына упреками, затѣмъ старается отговорить его отъ его намѣренія; къ нему присоединяется и его жена, но Ваня остается твердъ въ своемъ рѣшеніи. Видя, что сына не переспорить, Глѣбъ покоряется судьбѣ. На слѣдующій день происходятъ трогательные проводы Вани. Проводивъ сына, Глѣбъ цѣлый день не показывается въ избѣ, и только вечеромъ жена находитъ его, укутаннаго полушубкомъ съ

головой, лежащимъ въ темномъ углу двора. Глѣбъ встаетъ только на третій день; онъ снова твердъ, какъ и раньше, только значительно посѣдѣвшіе волосы его свидѣтельствуютъ о томъ, что перечувствовалъ онъ въ это время.—

Вскорѣ послѣ этого пріемышъ Гриша женится на Дунѣ. Затѣмъ умираетъ Глѣбъ, и Гриша дѣлается хозяиномъ въ домѣ. Подъ вліяніемъ батрака Захара, бывшаго фабричнаго, онъ спивается и начинаетъ дурно обращаться съ женой. Онъ постепенно проматываетъ все добро, доставшееся ему отъ Глѣба, а затѣмъ принимается за воровство. Однажды, укравши у гуртовщиковъ быка, онъ попадается и, уходя отъ преслѣдователей, тонетъ въ Окѣ.—У Дуни остается на рукахъ его ребенокъ. — Черезъ пятнадцать лѣтъ возвращается на родину безсрочно-отпускной солдатъ Ваня и отыскиваетъ Дуню.—

Основною мыслью романа является разладъ между молодымъ и старымъ поколѣніями въ крестьянской средѣ. Симпатіи автора склоняются на сторону послѣдняго, представителями котораго являются Глѣбъ Савиновъ и дѣдушка Кондратій. Въ противоположность молодому поколенію, т. е. сыновьямъ Глѣба, Гришѣ и Захару, оба они обрисованы положительными штрихами.—

Глѣбъ—это умный работящій старикъ съ вѣчно суровой, дѣловой физіономіей. Эту величавую суровость сохраняетъ онъ всегда и своему обычному спокойствію измѣняетъ лишь одинъ разъ—во время отдачи въ рекруты любимаго сына Вани. Глѣбъ—типъ идеальный, хотя многія изъ чертъ, которыми обрисовалъ его авторъ, не совсѣмъ идеальны. Такъ, напр. у него на первомъ планѣ разсчетъ: онъ принимаетъ въ домъ Гришу потому, что видитъ въ этомъ себѣ

прямую выгоду; такъ же разсуждаетъ онъ о своей снохѣ. Эта черта становится, однако, понятной, если принять во вниманіе то, что самъ Глѣбъ привыкъ трудомъ зарабатывать копѣйку и имѣлъ, слѣдовательно, нѣкоторое право требовать отъ своихъ домашнихъ также работы. Впрочемъ не всегда и не на все смотритъ онъ съ точки зрѣнія матеріальной выгоды—вѣдь не могъ же онъ, напр., руководиться соображеніями матеріальнаго характера, когда предлагалъ своему другу дѣдушкѣ Кондратію поселиться у него. — Въ своей семьѣ Глѣбъ пользуется неограниченной властью: взрослые сыновья ничего не смѣютъ предпринять безъ его разрѣшенія.

Другой представитель стараго поколѣнія, *дѣдушка Кондратій*, такой же идеальный типъ. Онъ стоитъ, однако, несравненно выше Глѣба въ нравственномъ отношеніи. Онъ также трудолюбивъ, какъ и Глѣбъ, но смотритъ на трудъ иначе: онъ видитъ въ немъ, какъ и въ молитвѣ, возможность отблагодарить Бога. Умственный кругозоръ его шире, чѣмъ у Глѣба: между тѣмъ, какъ послѣдній считаетъ книгу и грамоту „пустымъ дѣломъ“, Кондратій понимаетъ значеніе грамоты и усердно обучаетъ Ваню съ Гришей. Вообще, онъ мягче и человѣчнѣй, чѣмъ суровый Глѣбъ.

Какъ и тотъ, онъ вѣчно уравновѣшенъ—онъ всегда добродушенъ и кротокъ, всегда говоритъ ласковыя успокаивающія рѣчи. Эти вѣчно-одинаковыя, ничѣмъ не возмутимыя физіономіи обоихъ стариковъ дѣлаютъ ихъ похожими скорѣй на какія-то идеальныя фигуры, чѣмъ на живыхъ людей, вредятъ ихъ правдивости и жизненности.

Фигуры представителей молодого поколѣнія очерчены авторомъ слабѣе. Изъ *сыновей Глѣба* средній—Василій—находится подъ нравственнымъ вліяніемъ стар-

шаго—Петра; это вліяніе мы видимъ на всемъ протяженіи романа. Младшій—Ваня обрисованъ авторомъ какъ, очевидно, самый симпатичный ему, хотя фигура его довольно блѣдна и невыразительна.

Однимъ изъ представителей молодого поколѣнія, является и фабричный—Захаръ. Онъ изображенъ гулякой, фатомъ, волокитой и чѣмъ хотите. Его вліяніе пагубно дѣйствуетъ на Гришу и доводитъ послѣдняго до гибели. Фигуру Захара авторъ далъ въ качествѣ олицетворенія фабричной жизни, которую онъ сравниваетъ съ простою, безхитростной жизнью земледѣльца. Сравненіе это онъ рѣшаетъ въ пользу деревни гдѣ „семейная жизнь служитъ залогомъ истиннаго счастья".

Языкъ романа мѣстами правдиво-народный, мѣстами оказывается искусственностью; послѣднее замѣтно особенно тамъ, гдѣ дѣйствующіе лица начинаютъ разсуждать; тутъ чувствуется, что, несмотря на наружное сходство съ языкомъ простонародья, это языкъ придуманный, сочиненный.—

Этотъ недостатокъ романа настолько искупается большимъ количествомъ прекрасныхъ мѣстъ, что становится почти незамѣтнымъ. Въ мастерскихъ очеркахъ рисуетъ намъ авторъ фигуры своихъ героевъ. Эти очерки, подобные эскизамъ художника, интересны своими характерными подробностями, изъ которыхъ многіе относятся скорѣй къ живописи,—авторъ останавливается на эффектахъ освѣщенія, на подробностяхъ фигуръ и положеній дѣйствующихъ лицъ, на ихъ позахъ и т. п.

Этимъ отличаются и описанія весны, бури и т. д, Изъ сценъ наиболѣе удачными можно считать объясненіе Глѣба съ Ваней, ихъ прощаніе, проводы Вани и горе старика.

Не вдаваясь въ подробности другого крупнаго произведенія изъ народной жизни—романа „Переселенцы“, обратимся къ роману *„Проселочныя дороги“*.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ помѣщичьей средой. Аристархъ Ѳеодоровичъ Балахновъ—центральная фигура романа—довольно богатый помѣщикъ. Его мечта—первенствовать въ уѣздѣ, быть выбраннымъ въ предводители—не исполняется; вмѣсто него выбираютъ нѣкоего Солонеева. Аристархъ Ѳеодоровичъ не сдается: онъ собираетъ около себя бѣдныхъ дворянъ уѣзда, скупаетъ земли, прилежащія къ его имѣнію, и всячески старается заручиться большимъ вѣсомъ.—Романъ начинается съ празднества по случаю именинъ Аристарха Ѳеодоровича, празднества, на которомъ мы знакомимся съ рядомъ друзей и знакомыхъ Балахнова. Съ однимъ изъ самыхъ значительныхъ среди нихъ—Окатовымъ—Балахновъ условливается, между прочимъ, относительно покупки земли, принадлежащей первому. Однако, это дѣло кончается для Балахнова неудачей: подъ вліяніемъ своей жены, Окатовъ отказывается продать землю. Вскорѣ затѣмъ постигаетъ Балахнова другой ударъ—его другъ Кошкинъ измѣняетъ ему и переходитъ къ его врагамъ.—Балахновъ ѣдетъ въ Москву. Тутъ онъ опять собирается купить землю, на этотъ разъ отъ сосѣда-милліонщика Бобохова, и опять его постигаетъ неудача.—Онъ ворочается черезъ нѣкоторое время въ свое имѣніе, но не падаетъ духомъ: ѣздитъ по сосѣднимъ мелкимъ помѣщикамъ, стараясь отвоевать себѣ возможно большее число голосовъ.—Настаетъ, наконецъ, день выборовъ; Балахновъ забаллотированъ. Этотъ ударъ сильно отражается на немъ—онъ заболѣваетъ. Медленно выздоравливаетъ Балахновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ происходитъ замѣтная перемѣна—онъ отка-

зывается отъ своихъ прежнихъ стремленій, становится болѣе простымъ смертнымъ. Такова канва главнаго, центральнаго дѣйствія романа. Рядомъ съ нимъ идетъ рядъ эпизодовъ съ другими лицами романа, эпизодовъ, характеризующихъ ихъ, дающихъ подробности изъ ихъ жизни.—

Остановимся на фигурѣ героя романа—Аристарха Ѳеодоровича Балахнова. Онъ, какъ и большинство дѣйствующихъ лицъ этого произведенія, очерченъ отрицательными штрихами. Авторъ говоритъ о немъ съ постоянной иронією, описываетъ его только юмористически. Балахновъ—блестящій, представительный помѣщикъ. Съ перваго взгляда онъ производитъ на собесѣдника очень хорошее впечатлѣніе: онъ умѣетъ зачаровать, заговорить человѣка—этотъ талантъ признаютъ за нимъ даже его враги. И Балахновъ пользуется во всю своей способностью красно говорить, казаться человѣкомъ высоко-нравственнымъ и благороднымъ. Онъ любитъ эффекты, фразы, высокія чувства; сообразно этому и держитъ онъ себя гордо, съ чувствомъ своего достоинства. Однако всѣ эти высокія фразы, чувства и т. п.—все это одно лицемѣріе, ложь. Единственное побужденіе, подъ вліяніемъ котораго дѣйствуетъ Балахновъ, это—честолюбіе, желаніе блистать среди сосѣдей, быть выбраннымъ въ предводители. Чтобы достичь этой цѣли, онъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства, имѣющіяся у него подъ рукой; онъ соритъ деньгами, перезакладываетъ имѣніе, не думая о своемъ семействѣ, о томъ, что ожидаетъ впереди его дѣтей. Но, несмотря на всѣ старанія Балахнова, его дѣло не выгораетъ. Большинство успѣло „раскусить“ его и отшатнулось; на него смотрятъ уже не съ уваженіемъ, но даже съ насмѣшкою.—Балахновъ заболѣваетъ. Потомъ, въ концѣ романа, мы видимъ въ

немъ уже сильную перемѣну—онъ не говоритъ больше громкихъ фразъ, онъ потерялъ значительную часть своего величія. Мы не знаемъ, понялъ ли онъ, насколько мелки были его прежнія стремленія, не знаемъ, насколько измѣнились его взгляды, но мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что Аристархъ Ѳеодоровичъ сталъ болѣе походить на обыденнаго человѣка, сталъ мягче и искреннѣе и сблизился со своей семьей.—

Не будемъ распространяться о большинствѣ сосѣдей и знакомыхъ Аристарха Ѳеодоровича. Остановимся только еще на двухъ фигурахъ романа, пользующихся особой симпатіей автора—Карачаевѣ и Лизаветѣ Семеновнѣ.—

Говоря о *Карачаевѣ*, авторъ уже не иронизируетъ, иногда только проглянетъ какая-нибудь юмористическая черточка, лишенная, впрочемъ, какой-либо злобы или непріязни.—

Карачаевъ—бѣдный помѣщикъ, продавшій свое имѣніе Аристарху Ѳеодоровичу. Онъ никогда не живетъ долго на одномъ мѣстѣ, разъѣзжаетъ по гостямъ, проводитъ время въ охотѣ съ борзыми и т. д. Это одна изъ „широкихъ натуръ“, человѣкъ увлекающійся, неуравновѣшенный, ведущій довольно безпорядочный образъ жизни. Онъ очень вспыльчивъ, способенъ въ одно мгновенье придти въ раздраженное состояніе духа, но съ другой стороны способенъ также мгновенно остыть и смѣнить сильный гнѣвъ на самое благодушное настроеніе.—Онъ откровененъ и прямодушенъ до грубости; несимпатичному для него человѣку онъ готовъ заявить въ лицо: „Не нравится мнѣ эта рожа!“—Карачаевъ отличный пріятель, честный даже какой-то преувеличенной честностью, готовый помочь въ бѣдѣ. Вообще, несмотря на свою внѣшнюю грубость, онъ обладаетъ громаднымъ запасомъ душев-

ной доброты и чуткости, деликатности, что понимаютъ, впрочемъ, очень немногіе изъ окружающихъ его людей.

Понимаетъ это вполнѣ только *Лизавета Семеновна,* жена Аристарха Ѳеодоровича. Послѣдняя пользуется, повидимому наибольшей любовью и сочувствіемъ автора. Въ ея описаніи нѣтъ уже никакихъ юмористическихъ чертъ. Лизавета Семеновна принадлежитъ „къ числу тѣхъ тихихъ и сердечныхъ женщинъ, для которыхъ вся жизнь, все счастье—подлѣ родного очага, въ тѣсномъ кругу родныхъ и дѣтей". Подчиняясь желанію мужа, она изображаетъ изъ себя при гостяхъ свѣтскую женщину, между тѣмъ какъ въ ней нѣтъ никакихъ симпатій, стремленій къ свѣтской жизни. Ея міръ тамъ, гдѣ она чувствуетъ себя на мѣстѣ—это дѣтская.

Эта фигура женщины, отдавшейся своимъ дѣтямъ и ради нихъ сносящей прихоти и капризы мужа, является самой симпатичной и цѣльной фигурой романа.

Что же хотѣлъ изобразить Григоровичъ въ романѣ „Проселочныя дороги?" Онъ отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ въ слѣдующемъ отрывкѣ: „Цѣль автора, говоритъ онъ, заключалась въ томъ, чтобы провести читателя въ самыя глухія отдаленныя захолустья проселочныхъ дорогъ, куда не успѣли еще проникнуть просвѣщеніе и образованіе. Многимъ покажется, вѣроятно, страннымъ и даже не вѣроятнымъ, чтобъ изображенныя нами лица могли составлять въ дѣйствительности одно общество. Въ самомъ дѣлѣ, было бы отчего придти въ отчаяніе, если бъ Васильковы, Кокуркины, Бобоховы, Дрянковы и пр., и пр. совокупно населяли одну и ту же мѣстность. Горшковскій уѣздъ играетъ здѣсь роль вогнутаго зеркала, къ которому авторъ подводитъ фантастическія лица, заслуживающія насмѣшки. Вотъ на этотъ счетъ наши убѣжденія: человѣкъ бѣд-

ный, не имѣющій средствъ образовать себя и, слѣдовательно, не виновный въ томъ, что является иной разъ каррикатурнымъ посреди своего же общества, возбуждаетъ только глубокое состраданіе; если такой человѣкъ, несмотря на свою грубую оболочку, добръ и честенъ, чувство состраданія замѣняется мгновенно уваженіемъ и сочувствіемъ, и тогда вы уже конечно не станете надъ нимъ смѣяться. Совсѣмъ другое, по нашему, долженъ возбуждать человѣкъ, добровольно коснѣющій въ невѣжествѣ и упорно удаляющійся отъ прямого, свѣтлаго пути, по которому сремится цѣлое общество. Благодаря просвѣщенію, разливающему благодатные лучи по всему пространству нашего отечества и проникающему даже въ самые отдаленные закоулки проселочныхъ дорогъ, такихъ оригиналовъ у насъ очень мало; но всеже кой-гдѣ на нихъ наталкиваешься, и цѣль нашего романа состоитъ въ томъ чтобъ познакомить съ ними читателя".

Къ большинству дѣйствующихъ лицъ-помѣщиковъ авторъ относится съ ироніей—отрицательно; этой иронiи не чувствуется, однако, когда авторъ говоритъ о лицахъ изъ народной среды.

Романъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ совершенно отсутствуетъ любовная интрига; онъ построенъ исключительно на юморѣ. Этотъ юморъ, впрочемъ не всегда достигаетъ цѣли, часто чувствуется въ немъ что-то натянутое, утрированное, дѣланное. Вообще, романъ „Проселочныя дороги" нельзя назвать однимъ изъ наиболѣе удачныхъ произведеній Григоровича.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній Григоровича, относящихся къ болѣе позднему періоду его литературной дѣятельности, является разсказъ *„Гуттаперчевый мальчикъ"*.

Въ началѣ разсказа авторъ вводитъ насъ въ зак-

лисную жизнь столичнаго цирка и бѣгло знакомитъ съ нѣкоторыми лицами изъ его персонала: клоуномъ Эдварсомъ, акробатомъ Беккеромъ и его воспитанникомъ Петей, такъ называемымъ „гуттаперчевымъ мальчикомъ“ и др. Затѣмъ онъ подробно разсказываетъ исторію послѣдняго. Петя—сынъ кухарки чухонки; послѣ смерти матери онъ живетъ нѣкорое время по ея знакомымъ, а затѣмъ попадаетъ къ акробату Беккеру. Далѣе описывается жизнь Пети у послѣдняго, описывается, что приходилось переносить бѣдному мальчику отъ грубаго нѣмца.

Затѣмъ мы переносимся-въ совершенно иной міръ—въ аристократическій домъ графа Листомірова. Передъ нами рядъ дѣтей, воспитанныхъ въ роскоши и довольствѣ, подъ наблюденіемъ боннъ, гувернантокъ и т. п.—Дѣтей обѣщаютъ взять черезъ 2 дня въ циркъ. Наступаетъ назначенный день; дѣти цѣлый день находятся въ ожиданіи; наконецъ, они ѣдутъ.

Начинается представленіе, и вскорѣ выступаетъ такъ заинтересовавшій дѣтей „гуттаперчевый мальчикъ“. Его номеръ на этотъ разъ кончается катастрофой—мальчикъ падаетъ съ высоты на сцену. Поднимается суматоха; дѣтей уводятъ поскорѣй домой.

Разсказъ заканчивается слѣдующей картиной. Ночь. Въ корридорѣ цирка лежитъ разбитый „гуттаперчевый мальчикъ“. Около него клоунъ Эдварсъ, единственное лицо, любившее его.

„На слѣдующее утро, заключаетъ авторъ разсказа, афишка цирка не возвѣщала упражненій „гуттаперчеваго мальчика“. Имя его и потомъ не упоминилось; да и нельзя было: „гуттаперчеваго мальчика“ уже не было на свѣтѣ.

Тутъ передъ нами два міра. Къ одному изъ нихъ принадлежитъ Петя—„гуттаперчевый мальчикъ“. Не-

счастный загнанный ребенокъ еще при жизни своихъ родителей видѣлъ мало отраднаго; послѣ ихъ смерти онъ попадаетъ къ нѣмцу Беккеру, у котораго жить ему еще тяжелѣе—онъ голодаетъ, терпитъ побои, никогда не слышитъ отъ хозяина ласковаго слова. Наконецъ онъ кончаетъ свою жизнь, разбившись при неудачномъ упражненіи. Окружающіе, не говоря уже о Беккерѣ, относятся безразлично къ судьбѣ мальчика; только одинъ изъ нихъ—клоунъ *Эдвардсъ*—выдѣляется изъ этой толпы; это, повидимому, человѣкъ чуткій и вдумчивый; ему жалко бѣднаго запуганнаго мальчика—онъ старается приласкать его, водитъ его гулять и т. д.—Въ началѣ разсказа онъ предупреждаетъ режиссера, замѣчая ему, что мальчикъ слабъ и боленъ; онъ какъ бы предчувствуетъ трагическій конецъ своего любимца. Однако на его предостереженія никто не обращаетъ вниманія.—„Гуттаперчевый мальчикъ“ разбивается на смерть; оставленный всѣми, лежитъ онъ ночью въ корридорѣ цирка, и при немъ опять тотъ же Эдвардсъ. Мальчикъ умираетъ, и его какъ бы и не было — жизнь потечетъ своимъ чередомъ, и о немъ врядъ-ли кто-нибудь вспомнитъ.

Въ констрастъ этому міру авторъ далъ намъ описаніе жизни въ аристократическомъ домѣ графа Листомірова. Дѣти здѣсь изнѣжены и избалованы. Среди нихъ выдѣляется граціозная фигура доброй и чуткой дѣвочки—*Вѣрочки*. Несчастіе съ „гутаперчевымъ мальчикомъ“ производитъ на нее потрясающее впечатлѣніе.

Графъ и графиня Листомірови очерчены гл. обр. съ отрицательной стороны. Графъ, отвѣчающій на всякій вопросъ обыкновенно одной и той же фразой: „Tu penses? Tu crois? Quelle idèè!“, даже нѣсколько карикатуренъ. Несчастіе съ „гутаперчевымъ мальчикомъ“ не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія, не

вызываетъ въ нихъ ни капли состраданія. Они недовольны только тѣмъ, что этотъ случай разстроилъ ихъ дѣтей. „Всегда выдумываютъ какія-то... циркъ; ни!.. очень нужно quelle idée!..—ворчитъ графъ—какой-то тамъ негодяй сорвался...—сорвался какой-то негодяй и упалъ... какое зрѣлище для дѣтей!! Гм!! наши дѣти особенно такъ нервны; Вѣрочка такъ впечатлительна... Она теперь цѣлую ночь спать не будетъ...“—

Этотъ разсказъ принадлежитъ по своему духу къ серіи разобранныхъ уже „филантропическихъ“ разсказовъ. Тутъ Григоровичъ опять выступаетъ за угнетенныхъ и загнанныхъ, опять призываетъ насъ къ состраданію.—

Другое болѣе значительное произведеніе послѣдняго періода литературной дѣятельности Григоровича—это разсказъ „*Акробаты благотворительности*“.

Тутъ передъ нами міръ благотворителей и благотворительницъ большого свѣта. Авторъ даетъ намъ рядъ лицъ—свѣтскихъ дамъ, молодыхъ людей, пожилыхъ аристократовъ, замимающихся благотварительностью, учреждающихъ общества вродѣ „общества распространенія дешевыхъ игрушекъ между дѣтьми неимущаго болгарскаго населенія“. Часть дамъ занимается благотворительностью, чтобы отогнать скуку, часть для того, чтобы быть въ состояніи, прикрываясь дѣломъ благотворительности, задавать балы, вечера, пикники—однимъ словомъ, весело проводить время. О желаніи помогать бѣднымъ, о настоящей, цѣлесообразной помощи здѣсь, понятно, нѣтъ и рѣчи.

Типична въ этомъ отношеніи фигура дамы, обладающей солиднымъ состояніемъ и выпрашивающей въ то же время у знакомыхъ для благотворительныхъ цѣлей сигарные окурки. Ко всѣмъ этимъ благотворителямъ прилѣпляются люди, ищущіе выгодъ, наградъ и чиновъ.

Главное лицо, руководящее всѣмъ этимъ „циркомъ благотворительности“—это Иванъ Ивановичъ *Воскресенскій*. Это лицемѣръ, плутъ до мозга костей. По поверхностному наблюденію онъ представляется намъ образцомъ любви къ ближнимъ, смиренія и т п. Въ дѣйствительности же, въ немъ нѣтъ и помина объ этихъ чувствахъ—онъ занимается всей этой благотворительностью лишь потому, что дѣлаетъ такимъ способамъ карьеру. Тихій и скромный съ виду, онъ умѣетъ внушить довѣріе къ себѣ въ разныхъ аристократическихъ домахъ, умѣетъ поставить себя такъ, что вскорѣ дѣлается близкимъ, необходимымъ лицомъ. Онъ положительно необходимъ во всѣхъ этихъ обществахъ, мало того,—онъ является творцомъ бо́льшинства изъ нихъ. Далѣе, Воскресенскій обладаетъ талантомъ добывать пожертвованія на благотворительныя цѣли, гл. обр. отъ богатыхъ купцовъ, которыхъ онъ за это награждаетъ медалью, жетономъ или чѣмъ-либо въ этомъ родѣ.—

Рядомъ съ Воскресенскимъ стоитъ фигура другого благотворителя аристократа—*графа*. Графъ человѣкъ недалекій, но добрый и, пожалуй, изъ всѣхъ этихъ господъ наиболѣе искренно преданный дѣлу благотворительности. Онъ чувствуетъ всегда потребность работать надъ какимъ-нибудь серьезнымъ вопросомъ, имѣющимъ важное значеніе для отечества. Онъ вырабатываетъ проэкты одинъ за другимъ, но всѣ они не достигаютъ своей цѣли и сдаются въ архивъ. — Воскресенскій указываетъ, наконецъ, графу поприще, на которомъ онъ можетъ приложить свои силы — благотворительность. Графъ съ увлеченіемъ принимается за это дѣло, и вскорѣ новымъ созданіемъ его (вкупѣ съ Воскресенскимъ) является проэктъ учрежденія центральнаго общества благотворительности. Увлекаясь своими

проэктами, графъ не имѣетъ времени даже слѣдить за тѣмъ, какъ растетъ его сынъ, изъ котораго въ концѣ концовъ получается свѣтскій шалопай.

Ко всѣмъ этимъ благотворителямъ, къ ихъ дѣлу, стараются, повторяемъ, пристегнуться различные люди, кто изъ желанія получить награду или чинъ, кто просто расчитывая на наживу. Къ ихъ числу принадлежатъ художники *Лисичкинъ и Бобковъ.* Это люди, убѣдившіеся въ своей бездарности, но не удовлетворившіеся своимъ положеніемъ, сдѣлавшіе изъ искуства аферу, способъ наживать деньги. Оба они льнутъ къ Воскресенскому, стараясь угодить ему, чтобы затѣмъ извлечь выгоду изъ этого. Ихъ стремленія вѣнчаются успѣхомъ — имъ удается занять мѣсто архитектора Зиновьева при постройкѣ храма при „центральномъ образцовомъ учрежденіи".

Послѣдній—*Зиновьевъ*--выведенъ какъ типъ истиннаго талантливаго художника. Зиновьевъ любитъ свое искусство. Онъ долгое время жилъ въ Италіи, изучая памятники архитектуры, былъ въ Константинополѣ, чтобы ближе познакомиться съ византійскимъ стилемъ, и накопилъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Какъ человѣкъ, Зиновьевъ обладаетъ добрымъ сердцемъ, отзывчивымъ къ чужему горю; это краснорѣчиво доказываетъ его исторія съ нѣмкой и случай съ женой больного огородника.

Зиновьеву поручена постройка упомянутаго храма. Онъ принимаетъ на себя эту работу не ради выгоды, но изъ любви къ дѣлу. Онъ работаетъ увлекаясь, вкладывая душу въ свою работу. Постройка затягивается, такъ какъ Зиновьеву не выдаютъ необходимыхъ средствъ. И вотъ, когда работа уже близится къ концу, художника удаляютъ отъ его дѣтища—ему отказываютъ, и окончаніе постройки передается упомянутымъ Ли-

сичкину и Бобкову. Оскорбленный и подавленный этимъ, Зиновьевъ получаетъ нервную горячку.—Въ концѣ разсказа узнаемъ мы, что Зиновьевъ оцѣненъ, наконецъ, по заслугамъ—Академія вспоминаетъ о немъ и покупаетъ всѣ его рисунки.

Такіе же симпатичные люди остальные члены семьи Зиновьевыхъ—сынъ его Сережа, воспитанница Маріанна и др.

Вообще, это небогатое, но интеллигентное и гуманное семейство представляетъ собой контрастъ къ толпѣ великосвѣтскихъ благотворителей и благотворительницъ.

Закончимъ на этомъ разборъ произведеній Григоровича. Не будемъ разсматривать цѣлаго ряда прочихъ его произведеній. Отмѣтимъ только, что они проникнуты глубоко-человѣчнымъ, гуманнымъ чувствомъ; многіе отличаются сильнымъ юмористическимъ элементомъ. Матеріалъ для этихъ произведеній Григоровичъ береть изъ народнаго быта, изъ жизни бѣднаго чиновничества, свѣтскихъ франтовъ, крупнаго и мелкаго дворянства и т. д.—однимъ словомъ, въ своихъ произведеніяхъ онъ касается самыхъ разнообразныхъ слоевъ и уровней русской жизни.

Значеніе Григоровича въ русской литературѣ.

Значеніе Григоровича, какъ мы уже говорили, заключается въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ обратилъ вниманіе общества на жизнь народа, притомъ, главнымъ образомъ на отрицальныя стороны народной жизни.

Въ этомъ заключается его отличіе отъ другого писателя—Тургенева. Между тѣмъ какъ Тургеневъ въ большинствѣ своихъ разсказовъ изъ народной жизни описываетъ лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ представителей народа, рисуетъ его жизнь гл. обр. съ ея болѣе свѣтлыхъ сторонъ, Григоровичъ въ своихъ произведеніяхъ показываетъ намъ страданія народа, его темныя стороны, пороки. Правда, большинство его героевъ изъ народа (въ особенности герои произведеній, написанныхъ въ первую половину жизни) своего рода идеалисты—но это идеалисты страдающіе. Далѣе, Григоровичъ не останавливается на одномъ описаніи картинъ народнаго страданія—онъ доискивается причины этого страданія и видитъ ихъ въ безправіи крестьянскаго класса, въ его униженности, полной зависимости отъ произвола помѣщиковъ.

О послѣднихъ Григоровичъ говоритъ обыкновенно съ ироніей; изъ множества мѣстъ, гдѣ сквозитъ это ироническое отношеніе къ помѣщикамъ, возьмемъ для примѣра хотя бы сцену, гдѣ господа знакомятся съ

Акулиной, заключительныя строки изъ „Бобыля“ или почти любое мѣсто изъ романа „Проселочныя дороги“.—

Помимо общественнаго значенія, которое имѣли въ свое время произведенія Григоровича, какъ проповѣдь состраданія къ мужику, въ настоящее время они имѣютъ глубокое воспитательное значеніе, т. к. способны возбуждать въ насъ вообще состраданіе ко всякому угнетенному, воспитывать въ насъ лучшія человѣческія чувства.

Содержаніе.

	стр.
Біографія	7
Разборъ произведеній:	
„Деревня“	19
„Антонъ Горемыка“	23
„Бобыль“	27
„Рыбаки“	28
„Проселочныя дороги“	33
„Гуттаперчевый мальчикъ“	37
„Акробаты благотворительности“	40
Значеніе Григоровича въ русской литературѣ	44

И. С. Тургеневъ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюньжинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр., д. № 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІЯ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился въ г. Орлѣ 28 октября 1818 года. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, который ведетъ свое начало отъ времени существованія Золотой Орды. Изъ предковъ его упоминаютъ обыкновенно Петра Тургенева, отказавшагося присягнуть во время смутнаго времени Лжедмитрію и за это поплатившагося жизнью, Якова Тургенева—шута Петра Великаго, а также Ивана Петровича Тургенева, жившаго въ концѣ XVIII вѣка, съ его двумя сыновьями—Николаемъ и Александромъ, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ своими трудами по политической экономіи и книгой „La Russie et les Russes“, а другой разработкой плановъ по уничтоженію крѣпостного права и собираніемъ историческихъ матеріаловъ. Отецъ нашего писателя, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, былъ полковникомъ Елисаветградскаго кирасирскаго полка; это былъ довольно пустой человѣкъ, стремившійся сдѣлать карьеру. Онъ выгодно женился на Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой, дочери богатаго помѣщика, и получилъ за ней солидное приданое, состоявшее главнымъ образомъ изъ родового помѣстья Лутовиновыхъ—„Спасскаго-Лутовинова“, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда. Вскорѣ послѣ рожденія Ивана Сергѣевича, его отецъ вышелъ въ отставку и поселился въ Спасскомъ. Мать Тургенева была типичная помѣщица-самодурка; въ молодости ей

пришлось перенести много несчастій—она была принуждена бѣжать изъ дома своего отчима къ дядѣ, но послѣдній оказался суровымъ и скупымъ человѣкомъ, у котораго ей жилось также не легко; замужняя жизнь ея была также неудачна. Зато, когда умеръ отецъ Тургенева, она, почувствовавъ себя на волѣ, дала просторъ своимъ инстинктамъ и обратилась во властолюбивую самодурку, отъ которой приходилось терпѣть окружающимъ ее людямъ, главнымъ образомъ дворовымъ. Первые годы своей жизни Иванъ Сергѣевичъ провелъ въ Спасскомъ. Въ 1822 году Тургеневы совершили путешествіе въ западную Европу, отъ котораго у Ивана Сергѣевича остались одни смутныя воспоминанія. Сильнѣе всего запечатлѣлись въ его памяти, два случая: въ Берлинѣ онъ чуть не упалъ въ яму, гдѣ содержались медвѣди, а вскорѣ послѣ этого онъ такъ сильно заболѣлъ, что съ него снимали уже мѣрку для гроба. Возвратившись изъ-за границы, Тургеневы снова поселились въ Спасскомъ, и тутъ прошли послѣдующіе годы жизни молодого Тургенева. Обстановка, окружавшая его, была самая безотрадная; мальчикъ росъ одиноко, боясь отца и матери и не слыша отъ нихъ ласковаго слова; напротивъ—его сѣкли за всякую провинность. Онъ уходилъ къ дворовымъ, служащимъ и тутъ впервые началъ сближаться съ народомъ, понимать его тяжкое положеніе, темныя стороны его жизни; кромѣ того, ему часто приходилось быть свидѣтелемъ тяжелыхъ сценъ самой безпощадной расправы съ крѣпостными. Все это дѣйствовало на впечатлительную дѣтскую душу, оставляя въ ней глубокіе слѣды и возбуждая чувство состраданія къ угнетенному крѣпостному крестьянину. Тутъ нужно видѣть первые зачатки ненависти къ крѣпостному праву, которая жила въ Тургеневѣ во всю его послѣдующую

жизнь. Изъ среды дворовыхъ, между которыми приходилось быть молодому Тургеневу, выдѣлялся одинъ— Ѳеодоръ Ивановичъ Лобановъ, которому онъ многимъ обязанъ. Воспитаніе Ивана Сергѣевича было поручено, по обычаю того времени, разнымъ учителямъ-швейцарцамъ и гувернанткамъ. Главный предметъ преподаванія составляли языки французскій и нѣмецкій, которые молодой Тургеневъ и изучилъ; учить его русскому языку, а тѣмъ паче знакомить съ русской литературой, считали ненужнымъ. И вотъ въ этомъ дѣлѣ его учителемъ, подобно тому, какъ это было и съ Григоровичемъ, явился упомянутый дворовый--Лобановъ. Онъ научилъ мальчика русской грамотѣ и познакомилъ съ образцами русской литературы — произведеніями Ломоносова, Сумарокова, Кантеміра, съ „Россіадой“ Хераскова. Эти занятія описаны Тургеневымъ въ его повѣсти „Пунинъ и Бабуринъ“. Учитель его былъ своего рода любитель литературы, приходившій въ восторгъ отъ стиховъ Хераскова; онъ передалъ эту любовь къ литературѣ и своему ученику—послѣдній начинаетъ декламировать и даже рѣшается на первый поэтическій опытъ—описаніе „шарманки“.—Въ 1827 году Тургеневы переѣхали въ Москву; они поселились тутъ въ собственномъ домѣ (на Остроженкѣ, или Самотекѣ), а девятилѣтній Иванъ Сергѣевичъ былъ отданъ въ частный пансіонъ Вейденгаммера; здѣсь онъ пробылъ недолго и вскорѣ перешелъ пансіонеромъ къ директору Армянскаго Лазаревскаго института — Краузе. Тутъ онъ занимался подъ руководствомъ такихъ учителей, какъ Клюшниковъ, Погорѣльскій, Дубенскій, сдѣлалъ очень ощутительные успѣхи по англійскому языку, прошелъ всеобщую литературу и т. д.—однимъ словомъ, отъ Краузе онъ вышелъ съ солидными познаніями по западнымъ языкамъ и литературамъ. Это

знакомство съ иностранными языками дало ему возможность легче и основательнѣй пройти курсъ университета—онъ могъ пользоваться по интересовавшимъ его отраслямъ науки иностранными пособіями, изъ которыхъ многія не были переведены еще на русскій языкъ, и такимъ образомъ ближе познакомиться съ результатами западнаго образованія.

Въ 1833 году Тургеневъ поступилъ на словестный факультетъ Московскаго университета; здѣсь слушалъ онъ лекціи Павлова и Погодина. Въ слѣдующемъ году, послѣ смерти стараго Тургенева, онъ перевелся въ Петербургъ, гдѣ поселилась и вся семья. Петербургскій университетъ въ это время находился далеко не въ блестящемъ состояніи—большинство профессоровъ читало свои лекціи по готовымъ русскимъ или иностраннымъ учебникамъ; студенты готовились къ экзаменамъ по тѣмъ же учебникамъ. Кромѣ того, наука находилась подъ строгимъ надзоромъ администраціи—лекціи профессоровъ проходили черезъ цензуру. Лучшими профессорами въ это время были М. С. Кутарго, читавшій всеобщую исторію—молодой ученый, только что вернувшійся изъ за границы, горячій послѣдователь критической школы Нибура, и ректоръ университета—Плетневъ. Послѣдній, какъ ученый, стоялъ невысоко; онъ читалъ узко, но умѣлъ зато заинтересовать своихъ слушателей; вообще онъ больше развивалъ ихъ, чѣмъ обогащалъ свѣдѣніями научнаго характера. Онъ пользовался уваженіемъ среди студентчества еще, какъ одинъ изъ литературной плеяды, человѣкъ стоявшій близко къ нашимъ великимъ писателямъ—Пушкину, Гоголю, Жуковскому.—Изъ остальныхъ профессоровъ можно упомянуть Устрялова, читавшаго русскую исторію—представителя археологической школы, ограничивавшагося перечисленіемъ однихъ фактовъ,

Фишера, читавшаго по-латыни философію, Шульгина, Никитенко и, наконецъ, Гоголя. Изъ Петербургскаго университета Тургеневъ вынесъ немного. Въ 1837 г. онъ окончилъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента, а на слѣдующій годъ выдержалъ экзаменъ на кандидата.

Поэтическіе опыты его начались уже во время пребыванія въ университетѣ.—Будучи студентомъ второго курса, Тургеневъ написалъ пятистопнымъ ямбомъ фантастическую поэму„ Стеніо“—„произведеніе совершенно нелѣпое, въ которомъ съ дѣтской неумѣлостью выражалось рабское подражаніе „Манфреду“ Байрона“—какъ отзывался впослѣдствіи онъ самъ. Свое произведеніе онъ рѣшилъ дать для просмотра Плетневу, а послѣдній на слѣдующей лекціи разобралъ поэму, не называя имени автора; уходя съ съ лекціи, Плетневъ добродушно пожурилъ Тургенева за то, что онъ тратитъ время на пустяки, но все же замѣтилъ, что въ немъ „есть что-то“. Этотъ отзывъ очень обрадовалъ юношу; онъ сталъ отдавать Плетневу всѣ свои слѣдующія произведенія; два изъ нихъ послѣдній напечаталъ въ 1838 г. въ „Современникѣ“. Съ этихъ поръ Тургеневъ начинаетъ сближаться съ Плетневымъ; послѣдній приглашаетъ его на свои литературные вечера, и здѣсь молодой Тургеневъ получаетъ возможность познакомиться съ даровитѣйшими писателями того времени; здѣсь же онъ познакомился и съ Пушкинымъ и Бѣлинскимъ, изъ которыхъ послѣдній особенно повліялъ на развитіе его писательскаго таланта.

Получивъ степень кандидата, Тургеневъ весной 1838 года отправился въ Берлинъ, чтобы „доучиться“. Близъ Травемюнде онъ едва не сдѣлался жертвой пожара, вспыхнувшаго на пароходѣ, на которомъ онъ

ѣхалъ; этотъ этюдъ былъ имъ использованъ впослѣдствіи (1883 г.) въ разсказѣ „Пожаръ на морѣ“. Въ Берлинѣ Тургеневъ пробылъ 2 года; онъ занимался философіей Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера, латинскими древностями съ Цулентомъ, исторіей греческой литературы съ Бокомо, исторіей съ Гансъ и Ранке. Жилось ему довольно хорошо. Русскіе студенты собирались въ семьѣ Фроловыхъ, гдѣ ихъ принимали очень радушно; тутъ происходили горячіе споры, которые являются характерной особенностью этой эпохи. Тургеневъ сошелся съ Н. Станкевичемъ, Грановскимъ и Бакунинымъ, приверженцами западной культуры, „западниками“, какъ принято ихъ называть; самъ онъ еще до поѣздки за границу былъ уже западникомъ; онъ былъ убѣжденъ, что въ Россіи можно получить только нѣкоторыя начала просвѣщенія, что все настоящее знаніе—за границей. Знакомство съ такими людьми, какъ Бакунинъ, Станкевичъ и Грановскій, нѣмецкая наука, новыя впечатлѣнія, положеніе крестьянъ въ Германіи, при взглядѣ на которыхъ невольно напрашивалось сравненіе съ ними русскихъ крестьянъ—все это не могло не подѣйствовать въ извѣстную сторону на міровоззрѣніе Тургенева; въ это время окончательно складывается его взглядъ на крѣпостное право—онъ становится его сознательнымъ врагомъ. Объ его душевномъ состояніи въ этотъ періодъ и о причинахъ, побудившихъ его уѣхать за границу, говоритъ онъ въ „Воспоминаніяхъ“ такъ: „та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ, полоса помѣщичья, крѣпостная, не представляетъ ничего такого, что могло удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія,

негодованія, отвращенія, наконецъ. Далѣе колебаться я не могъ. Надобно было либо покориться и смиренно побрести общей полосой, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился внизъ головой въ „нѣмецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и, когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ,—я все таки очутился „западникомъ“ и остался имъ навсегда. Мнѣ и въ говову не можетъ придти осуждать тѣхъ изъ моихъ сверстниковъ, которые другимъ, менѣе отрицательнымъ путемъ достигли той свободы, того сознанія, къ которымъ я стремился. Я хочу только заявить, что я другого пути передъ собой не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера.

Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться. Это была моя Аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда... Я и на западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить...“—

Въ 1841 году Тургеневъ вернулся въ Россію. Онъ хотѣлъ держать въ Москвѣ экзаменъ на магистра философіи, но это оказалось невозможнымъ, т. к. при Московскомъ университетѣ не было кафедры философіи; изъ Москвы онъ вмѣстѣ съ матерью уѣхалъ

въ Спасское, но тутъ между ними произошла размолвка изъ-за ея дурного обращенія съ крѣпостными, и Тургеневъ тотчасъ уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ получилъ мѣсто въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Петровскаго. Ближайшимъ начальникомъ его оказался Вл. Даль—директоръ канцеляріи министерства: это былъ исполнительный чиновникъ, человѣкъ шаблонной аккуратности. Такъ какъ Тургеневъ не отличался особеннымъ рвеніемъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, Даль началъ дѣлать ему выговоры; это не понравилось Тургеневу и онъ вскорѣ подалъ въ отставку — въ 1843 году. Во время его пребыванія въ канцеляріи Даля, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ стали печататься его мелкія произведенія. Въ 1843 году появилась поэма „Параша“, выпущенная отдѣльной книжкой; это произведеніе было замѣчено публикой не столько изъ за художественныхъ достоинствъ, сколько изъ за симпатіи автора ко всему западному. Бѣлинскій далъ о „Парашѣ“ довольно хорошій отзывъ — онъ нашелъ въ авторѣ необыкновенную наблюдательность и тонкую иронію. Съ этого времени Тургеневъ началъ сближаться съ Бѣлинскимъ; они сдружились настолько, что почти каждый день сходились, спорили о литературѣ и философіи; (Тургеневъ помогъ Бѣлинскому въ уясненіи философіи Гегеля). Такія близкія отношенія ихъ продолжались вплоть до смерти Бѣлинскаго; послѣдній оказалъ большое вліяніе на развитіе таланта Тургенева—онъ указалъ ему его настоящій путь.

Въ то же время Тургеневъ сошелся и съ другими молодыми писателями того времени—Кавелинымъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ, Некрасовымъ и др.

Послѣ выхода въ свѣтъ „Параши“ Тургеневъ уѣхалъ

въ Спасское, но лѣтомъ того же года снова вернулся въ Петербургъ. Слѣдующія затѣмъ мелкія произведенія Тургенева имѣли въ публикѣ относительный успѣхъ, который его не могъ удовлетворить. Въ большинствѣ мы видимъ лермонтовское недовольство жизнью; болѣе мелкія стихотворенія представляютъ по большей части описанія природы; эти произведенія: „Разговоръ“, „Андрей“, „Неосторожность“, „Андрей Колосовъ“, „Помѣщикъ“. „Три портрета“, „Брейтеръ“, „Безденежье“, „Жидъ“ и т. д. Появившійся на свѣтъ въ 1846 году разсказъ изъ народной жизни „Хорь и Калинычъ“ сразу обратилъ на Тургенева всеобщее вниманіе. Бѣлинскій былъ отъ него въ во́сторгѣ. Этотъ неожиданный успѣхъ побудилъ его написать цѣлую серію разсказовъ подобнаго характера, соединенныхъ подъ общимъ названіемъ „Записки охотника“. Они были напечатаны въ „Современникѣ“ въ періодъ между 1847 и 1851 годами, а въ 1852 году вышли отдѣльными изданіями; часть ихъ была написана въ Россіи, а часть заграницей, куда Тургеневъ уѣхалъ въ 1847 году. Сюда влекло его чувство любви къ пѣвицѣ, г-жѣ Віардо-Гарсіа, съ которой онъ познакомился въ Петербургѣ въ 1845 году. За границей онъ оставался до смерти своей матери—до 1850 года. Въ этомъ году онъ вернулся въ Спасское, раздѣлилъ его съ братомъ, отпустилъ на волю дворовыхъ и перевелъ крестьянъ на оброкъ.

Въ 1852 году умеръ Гоголь; Тургеневъ написалъ некрологъ, въ которомъ выяснилъ значеніе произведеній этого писателя. Въ Петербургѣ некрологъ не былъ пропущенъ цензурой, но его удалось напечатать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Несмотря на то, что онъ былъ пропущенъ московскимъ цензоромъ, Тургеневъ былъ арестованъ. Некрологъ былъ только пово-

домъ, къ которому придрались власти, недовольныя предшествовавшими „Записками охотника“; Тургеневъ былъ посаженъ въ „съѣзжую“, и тутъ ему пришлось бы просидѣть мѣсяцъ въ обществѣ воровъ и пьяницъ, если бы дочери частнаго пристава, узнавъ въ немъ автора „Записокъ охотника“, не уговорили своего отца перевести его на ихъ квартиру, гдѣ онъ и прожилъ назначенный ему мѣсяцъ. Здѣсь онъ написалъ разсказъ „Муму“. Послѣ этого онъ былъ высланъ въ свою деревню и прожилъ тамъ до конца 1854 года.

Пребываніе въ деревнѣ, по его собственнымъ словамъ, принесло ему много пользы — оно „сблизило его съ такими сторонами русскаго быта, которыя при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ его вниманія.

Въ 1855 году Тургеневъ уѣхалъ за границу къ своимъ друзьямъ, семейству Віардо. Съ этихъ поръ онъ большую часть времени проводитъ за границей; зиму проводитъ онъ обыкновенно въ Парижѣ, а на лѣто пріѣзжаетъ въ Спасское или проводитъ его въ Баденъ—Баденѣ; подъ конецъ своей жизни онъ проводилъ лѣто въ мѣстечкѣ Буживаль, недалеко отъ Парижа. Изъ его пріѣздовъ въ Россію заслуживаютъ вниманія: пріѣздъ въ 1879 г., когда въ Москвѣ ему былъ устроенъ рядъ овацій, а затѣмъ въ 1880 г., когда его, при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, принимали восторженными рукоплесканіями... Къ произведеніямъ этого періода относятся: „Дневникъ лишняго человѣка“, „Затишье“, „Яковъ Пасынковъ“, „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“. На самой серединѣ литературной дѣятельности Тургенева, когда талантъ его достигъ полнаго развитія, въ немъ происходитъ какой-то нравственный переломъ; объ этомъ говоритъ онъ самъ въ произведеніи „Фаустъ“. Послѣдующія произведенія

его—„Поѣздка въ Полѣсье“, „Ася“, носятъ въ себѣ какое-то грустное настроеніе. Затѣмъ появляются упомянутое уже „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“, „Первая любовь“, „Отцы и дѣти“. Его настроеніе, отчасти подъ вліяніемъ того разлада, который поселился между нимъ и обществомъ, отразилось и на нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ произведеній, въ особенности „Отцы и дѣти“, и становиться все мрачнѣе; онъ пишетъ повѣсть „Довольно“, въ которой въ отчаяніи прощается со своимъ прошлымъ.

Слѣдующими болѣе крупными произведеніями были „Дымъ“ и „Новь“; послѣднимъ произведеніемъ Тургенева были „Стихотворенія въ прозѣ“, въ которыхъ встрѣчается много глубокихъ лирическихъ мотивовъ.

Въ 80-хъ годахъ здоровье писателя стало ухудшаться. Въ 1883 г. Тургеневъ окончательно слегъ и уже не вставалъ; послѣ долгихъ страданій, онъ умеръ отъ рака позвоночника, въ Буживалѣ—23-го августа 1883 года.

Тѣло его, при громадномъ стеченіи публики, состоявшей изъ проживавшихъ въ Парижѣ русскихъ, изъ представителей французской литературы и общества, было отправлено въ Петербургъ и погребено на Волковомъ кладбищѣ, при небываломъ количествѣ представителей литературы, сословій, учебныхъ заведеній, различныхъ учрежденій и т. д.

Разборъ произведеній Тургенева.

Какъ мы уже знаемъ, свою литературную дѣятельность Тургеневъ началъ стихотворными произведеніями („Стеніо“); это были—поэмы, мелкія стихотворенія. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ ясно сквозитъ

Лермонтовское міросозерцаніе — недовольство пошлостью обыденной жизни. Впрочемъ, такое настроеніе было для Тургенева только временнымъ увлеченіемъ— романтическимъ періодомъ его жизни и творчества.

Въ „Пѣтушковѣ“, „Нахлѣбникѣ“ и „Холостякѣ“ видно увлеченіе тѣмъ теченіемъ, которое создалъ въ нашей литературѣ Достоевскій и которое было названо „сентиментальнымъ натурализмомъ“.

Вскорѣ затѣмъ появился очеркъ „Хорь и Калинычъ“, и съ нимъ Тургеневъ вступилъ на ту дорогу, которой онъ шелъ впослѣдствіи.

„Записки Охотника“.

Разсмотримъ сначала его разсказы, извѣстные подъ названіемъ „Записокъ охотника“. Сюжеты ихъ взяты большей частью изъ народной жизни; въ нихъ изображается бытъ простонародья, указывается значеніе въ его жизни крѣпостной зависимости. Какъ мы можемъ судить по словамъ самого Тургенева, въ этихъ разсказахъ онъ хотѣлъ выразить протестъ противъ крѣпостного права. Насколько сильно выраженъ этотъ протестъ, объ этомъ скажемъ послѣ, пока же замѣтимъ, что въ „Запискахъ охотника“ можно отмѣтить двѣ группы разсказовъ: въ разсказахъ первой группы авторъ рисуетъ намъ рядъ личностей изъ среды народа, по большей части людей цѣльныхъ, богато одаренныхъ природой, порой талантливыхъ; разсказы другой группы представляютъ собой очерки изъ народнаго быта, въ которыхъ съ особенной силой выступаетъ отрицательное значеніе для крестьянина крѣпостного права.

Къ произведеніямъ перваго типа принадлежитъ и разсказъ „*Хорь и Калинычъ*“. Тутъ авторъ рисуетъ намъ двухъ друзей-мужиковъ. Хорь и Калинычъ—двѣ

совершенно противоположныя другъ другу натуры: первый изъ нихъ, Хорь—это практикъ, человѣкъ разсудка; второй, Калинычъ—идеалистъ, романтикъ; первый живетъ болѣе умомъ, второй—чувствомъ. Хорь—это типъ умнаго мужика: онъ бережливъ и умѣетъ угадать свою выгоду, ладитъ съ бариномъ, такъ такъ видитъ его насквозь; благодаря своей сметливости, практической сноровкѣ, онъ сумѣлъ хорошо поставить свое хозяйство; въ общемъ же, онъ немногимъ выше обычнаго домовитаго мужика, въ немъ мы видимъ тѣ же недостатки, что въ обычной крестьянской средѣ.

Калинычъ—это натура поэтическая, мягкая; хозяйствомъ онъ не занимается по своей непрактичности, а также потому, что сопровождаетъ постоянно на охотѣ своего барина. Отличіе между нимъ и Хоремъ особенно ярко выразилась въ ихъ разспросахъ о чужихъ странахъ при разговорѣ съ авторомъ: Калинычъ интересуется больше природой, горами, водопадами; Хорь между тѣмъ задаетъ вопросы, касающіеся главнымъ образомъ общественнаго устройства чужихъ земель; при этомъ онъ высказываетъ свое мнѣніе, критикуетъ, сопоставляетъ иностранное съ русскимъ. Этой способности критики совершенно нѣтъ у Калиныча.

Несмотря на совершенную противоположность характеровъ, Хоря и Калиныча связываетъ самая тѣсная дружба; Хорь любитъ Калиныча и, кромѣ того, признаетъ за нимъ важныя преимущества практическаго характера—Калинычъ умѣетъ заговаривать кровь, испугъ, бѣшенство, выгоняетъ червей, у него пчелы не мрутъ. Калинычъ подчиняется Хорю, любитъ и уважаетъ его.

Подобную Калинычу поэтическую натуру представляетъ и Касьянъ изъ разсказа „*Касьянъ съ Красивой*

Мечи". Онъ выселился вмѣстѣ съ другими крестьянами изъ своей родной „Красивой Мечи" и никакъ не можетъ позабыть ее. Онъ и раньше былъ плохимъ работникомъ, теперь же совсѣмъ отъ рукъ отбился. Онъ любитъ природу и изучилъ ее; собираетъ травы и лечитъ. Онъ живетъ въ своемъ мірѣ мечтаніи, въ которомъ онъ разъ навсегда замкнулся; ему хотѣлось бы въ далекія страны, гдѣ и солнце свѣтитъ ярче, и живется лучше, и поется ладнѣй... Его нѣжная любовь ко всему, что относится къ природѣ, проявляется въ полныхъ укора словахъ, съ которыми онъ обращается къ автору, убившему на охотѣ коростель. „Баринъ, а баринъ! Ну, для чего ты пташку губишь?", говоритъ онъ автору и на его слова, что коростель дичь, что ее ѣсть можно, съ укоромъ замѣчаетъ: „Не для того ты убилъ его, баринъ; станешь ты его ѣсть; ты для потѣхи своей убилъ"; когда же охотникъ замѣчаетъ ему: „Да вѣдь ты самъ, небось, гусей и курицъ, напримѣръ, ѣшь?"—онъ говоритъ: „Та птица опредѣленная для человѣка, а коростель—птица вольная. И не одинъ онъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной и луговой, и верховой, и низовой,—и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла... А человѣку пища положена другая, птица ему другая и другое питье: хлѣбъ—Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ... Святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣта прячется... Великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ... Охъ, великій!". Изъ-за этого онъ и относится такъ недружелюбно къ охотнику. Онъ самъ, хоть и ловитъ соловьевъ, пѣніе которыхъ очень любитъ, но не на ихъ погибель, а „добрымъ людямъ на утѣшеніе и веселіе". Какъ видно изъ приведеннаго

отрывка, онъ выработалъ себѣ свой собственный языкъ, непохожій на языкъ начетчика или краснобая, а какой-то своеобразный, торжественный. Онъ, по словамъ кучера Ерофея, хорошо поетъ и самъ слагаетъ пѣсни.

Образъ Касьяна—это у Тургенева самый сильный образъ поэта-идеалиста изъ крестьянской среды.

Одинъ изъ типовъ „хорошаго“ мужика выведенъ въ разсказѣ „*Бирюкъ*“. Онъ живетъ въ бѣдной избѣ съ двумя дѣтьми—жена его убѣжала съ какимъ-то мѣщаниномъ. Онъ служитъ лѣсникомъ и про него разсказываютъ, что онъ „вязанки дровъ не дастъ утащить... и ничѣмъ его нельзя взять: ни виномъ, ни деньгами—ни на какую приманку не идетъ“. Онъ угрюмъ и молчаливъ; на разспросы автора онъ сурово отвѣчаетъ: „должность свою справляю—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится“. Несмотря на эту внѣшнюю суровость, онъ въ душѣ очень сострадательный и добрый человѣкъ. Обыкновенно, поймавъ въ лѣсу мужика, только пристращаетъ его, а затѣмъ, сжалившись, отпускаетъ съ миромъ. Авторъ разсказа дѣлается свидѣтелемъ такой сцены: Бирюкъ отпускаетъ пойманнаго имъ въ лѣсу мужика, понявъ, что только крайняя нужда заставила этого бѣдняка рѣшиться на воровство. При этомъ онъ нисколько не рисуется своими благородными поступками—ему скорѣе даже неловко, что посторонній человѣкъ сдѣлался свидѣтелемъ этой сцены.

Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые на первый взглядъ ничѣмъ не выдѣляются, но способны вдругъ совершить что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, послѣ чего они снова становятся тѣми же обыкновенными людьми.

Въ лицѣ героини разсказа „*Живыя мощи*“ Тургеневъ показалъ, до какого духовнаго просвѣтлѣнія до-

ходятъ лица изъ народа. Героиня разсказа, молодая дѣвушка Лукерья, была красавицей, веселой и бойкой; она любила своего жениха и была имъ любима. Однажды, оступившись, она падаетъ внизъ съ крыльца и послѣ этого начинается съ ней какая-то особенная болѣзнь: она сохнетъ, перестаетъ владѣть ногами и затѣмъ окончательно костенѣетъ. Авторъ находитъ ее въ плетеномъ сарайчикѣ близъ пасѣки, гдѣ она проводитъ лѣто. Несмотря на перенесенныя ей страданія и настояще тяжелое положеніе, она и не думаетъ падать духомъ—напротивъ, она кажется даже довольной своимъ положеніемъ, поетъ пѣсни, любуется природой въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ—слѣдить за тѣмъ, какъ липа или гречиха зацвѣтаютъ, какъ пчелы по пасѣкѣ летаютъ, какъ ласточки гнѣзда вьютъ и т. д. Когда авторъ дивится ея терпѣнію, она замѣчаетъ, что ея терпѣніе ничто въ сравненіи съ терпѣніемъ Іоанна Столпника или Жанны д'Аркъ, преданіе о которой она передаетъ. Она глубоко-религіозна, видитъ пророческіе сны, Христа, иногда и свою собственную смерть; послѣдней она совсѣмъ не боится, она ждетъ ее, какъ какой-то радости... На вопросъ автора, не можетъ ли онъ ей чѣмъ-нибудь помочь, она отвѣчаетъ: „Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ я довольна, слава Богу... А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить,—крестьяне здѣшніе бѣдные, — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за Васъ Богу помолились... А мнѣ ничего ненужно—всѣмъ довольна".

Въ разсказѣ *„Пѣвцы"* авторъ разсказываетъ намъ о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на русскаго человѣка пѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ образъ талантливаго пѣвца изъ народной среды.

Въ корчмѣ происходитъ состязаніе въ пѣніи между

рядчикомъ изъ Жиздры и Яшкой-Туркомъ. Первый затягиваетъ развеселую пѣсню, обильную всякими завитушками и прищелкиваніями; общій восторгъ служитъ ему наградой. Выступаетъ на сцену второй; онъ начинаетъ заунывную пѣсню „Не одна въ полѣ дороженька пролегала“. Сначала онъ поетъ робко, но постепенно вдохновляется, овладѣваетъ собой и грустная русская пѣсня его звучитъ широко, отъ нея „вѣетъ чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь разстилается передъ слушателями, уходя въ безконечную даль“... Эта пѣсня дѣйствуетъ самымъ потрясающимъ образомъ на слушателей: одни стоятъ, какъ оцѣпенѣлые, другіе рыдаютъ; на нихъ подѣйствовала та задушевность, то глубокое чувство, которыми была проникнута пѣсня талантливаго Якова.—

Къ разсказамъ, въ которыхъ съ особенной яркостью выступаетъ приниженное положеніе крѣпостного крестьянина, относятся: „Бурмистръ“, „Ермолай и мельничиха“ и „Льговъ“. Помѣщикъ Аркадій Павловичъ Пѣночкинъ, изъ разсказа „*Бурмистръ*“,—это человѣкъ вполнѣ современный: онъ отлично воспитанъ, устроилъ свой домъ на англійскій манеръ, „печется о благѣ своихъ подданныхъ и наказываетъ ихъ для ихъ же блага“. Авторъ дѣлается свидѣтелемъ того, какъ этотъ европеецъ „печется и наказываетъ“,—господинъ Пѣночкинъ при немъ отдаетъ приказаніе высѣчь камердинера за ненагрѣтую рюмку вина!

У этого помѣщика есть деревня Шипиловка, которую онъ отдалъ въ руки бурмистра Софрона, человѣка нравственности самой низкой пробы. Послѣдній доставляетъ ему исправно оброкъ съ крестьянъ, и Пѣночкинъ доволенъ имъ;—какимъ путемъ получается этотъ оброкъ, что терпятъ отъ бурмистра крестьяне, объ этомъ онъ не заботится. Характерной въ этомъ

отношеніи является сцена, въ которой крестьяне просятъ его заступиться за нихъ и оградить ихъ отъ произвола бурмистра: благодѣтельный помѣщикъ не только не думаетъ принять какія-либо мѣры въ ихъ пользу—напротивъ, придравшись къ случаю, онъ даетъ волю своему гнѣву и только присутствіе посторонняго человѣка, можетъ быть, удерживаетъ его отъ кулачной расправы. Такъ „печется о благѣ подданныхъ“ этотъ передовой помѣщикъ.

Что на дворовыхъ смотрѣли, какъ на вещь, которой не полагается имѣть чувства,—это мы видимъ изъ разсказа „*Ермолай и мельничиха*“. Помѣщикову Звѣркову и его женѣ (оба они люди не глупые и какъ-будто и культурные, во всякомъ случаѣ разсуждаютъ о человѣческомъ достоинствѣ, о своевременности крестьянской реформы и т. п.) понравилась дочь старосты—Арина. Они берутъ ее къ себѣ въ горничныя, возятъ ее въ Петербургъ, хорошо одѣваютъ и кормятъ; въ Аринѣ пробуждается любовь къ Петрушкѣ, лакею, и она проситъ господъ разрѣшить ей выйти за него замужъ; это глубоко оскорбляетъ послѣднихъ—да и на самомъ дѣлѣ, неужели она не понимаетъ, что ея господа останутся безъ горничной?! Ее прогоняютъ, несмотря на ея увѣренія, что, будучи замужемъ, она такъ же, какъ и прежде, можетъ оставаться на своей службѣ. Черезъ полгода Арина обращается къ господамъ съ той же самой просьбой, тутъ г-нъ Звѣрковъ, окончательно возмущенный ея неблагодарностью, велитъ остричь ее и сослать въ деревню.

Этотъ случай приходится объяснять совсѣмъ не личной злобой г-на Звѣркова — нѣтъ, онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ всосанныхъ съ материнскимъ молокомъ взглядовъ крѣпостника на своего дворовaго, убѣжденный въ справедливости своего поступка.

Въ очеркѣ „*Лъговъ*“ авторъ передаетъ намъ свой разсказъ о судьбѣ барскаго рыболова Сучка. Онъ опредѣленъ на эту должность бариномъ; до этого, какъ оказывается, онъ былъ кучеромъ, до того поваромъ, актеромъ и т. д. Баринъ, не обращая никакого вниманія на его природныя склонности, назначалъ его то на одну, то на другую должность. Самъ Сучекъ находитъ этотъ образъ дѣйствій вполнѣ нормальнымъ; очевидно, постоянное повтореніе подобныхъ случаевъ успѣло вкоренить въ немъ увѣренность въ томъ, что такъ и должно быть.—

Отмѣтивъ тѣ разсказы изъ „Записокъ Охотника“, которые являются наиболѣе яркими съ интересующей насъ стороны, разсмотримъ, какое они имѣютъ значеніе. Во-первыхъ, они имѣютъ глубокое общественное значеніе—въ нихъ Тургеневъ впервые началъ приводить въ исполненіе свою „Аннибалову клятву“. Онъ нарисовалъ цѣлый рядъ народныхъ типовъ и показалъ какія высокія въ нравственномъ и умственномъ отношеніи личности встрѣчаются среди народа и этимъ указалъ на то, что народу слѣдуетъ удѣлять больше вниманія, чѣмъ это дѣлали. Съ другой стороны онъ въ рядѣ очерковъ нарисовалъ картину приниженности и безправія народа, зависимости отъ безграничнаго произвола и самодурства ихъ господъ—помѣщиковъ. Среди общества эти картины должны были внушить отвращеніе къ позорному институту крѣпостнаго права и укрѣпить мысль о необходимости его уничтоженія. Такимъ образомъ, „Записки охотника“ являются своего рода пропагандой; однако, это пропаганда чисто-художественная—всѣ разсказы лишены какой бы то ни было тенденціозности; какъ нѣтъ въ нихъ стремленія изображать народъ въ видѣ аркадскихъ пастушковъ, что дѣлалъ Карамзинъ, такъ нѣтъ въ нихъ и

того громкаго призыва, который слышится въ „Деревнѣ“ и „Антонѣ Горемыкѣ“ Григоровича. Тургеневъ описываетъ намъ то, что видѣлъ—онъ не даетъ намъ даже исключительныхъ по своему характеру случаевъ изъ крѣпостной жизни—нѣтъ, все описанное въ его разсказахъ, представляетъ только картину самой обычной жизни, самыхъ будничныхъ происшествій въ этой сферѣ. Отъ рѣзкой пропаганды, отъ тенденціознаго изложенія, удерживало Тургенева, главнымъ образомъ чутье художника, какимъ онъ былъ по преимуществу, требованіе художественной мѣры.

На ряду съ общественнымъ значеніемъ „Записки охотника“ имѣютъ и глубокое литературно-художественное значеніе. Въ нашей литературѣ Тургеневъ является однимъ изъ представителей той „реальной“ школы, основателями которой были Пушкинъ и Гоголь. Но они сдѣлали только первые шаги въ этомъ направленіи. Гораздо дальше пошелъ Тургеневъ: во-первыхъ, онъ въ „Запискахъ охотника“ затронулъ гораздо глубже народную жизнь, чѣмъ дѣлали это Пушкинъ и Гоголь. „Записки охотника“, по своей формѣ напоминающія „Вечера близъ Диканьки“ Гоголя, совершенно отличны отъ нихъ по способу изложенія и глубинѣ содержанія. У Тургенева нѣтъ ѣдкаго юмора, переходовъ настроенія, преобладанія простонароднаго языка, всего того, что мы видимъ у Гоголя; онъ рисуетъ намъ безпристрастно картину за картиной, на которыхъ на фонѣ чудесныхъ описаній природы проходятъ передъ нами разнообразныя личности изъ народной среды, сцены изъ его жизни. Поэтическая мечтательность гармонично смѣшивается въ нихъ съ ясной дѣйствительностью. Относительно языка Тургеневъ также значительно опередилъ своихъ предшественниковъ. Языкъ „Записокъ охотника“ плавный, за-

кругленный: авторъ обладаетъ поразительнымъ талантомъ схватывать и соотвѣтственнымъ образомъ передавать отдѣльныя черты, придающія всей картинѣ полность и ясность; иногда онъ достигаетъ этого при помощи подробнаго описанія окружающей обстановки. До Тургенева еще никто въ русской литературѣ съ такимъ умѣньемъ не справлялся съ богатствами русскаго языка, не умѣлъ придать ему такой выразительности.

Вскорѣ послѣ „Записокъ охотника“ появились разсказы „Муму“ и „Постоялый дворъ“, по своей основной мысли подходящіе подъ одну рубрику съ ними. И въ томъ и въ другомъ мы видимъ картину гнетущаго крестьянина барскаго произвола.

Герой разсказа „*Муму*“, глухонѣмой Герасимъ, человѣкъ по своей природѣ добрый и симпатичный; онъ любитъ свою крестьянскую работу, любитъ землю, которую онъ обрабатываетъ. Его отрываетъ отъ любимаго дѣла барыня и назначаетъ на должность дворника въ городъ. Тутъ Герасимъ почувствовалъ любовь къ дворовой дѣвушкѣ Татьянѣ, но барыня опять разрушаетъ его счастье—она выдаетъ Татьяну за пьяницу сапожника Капитона; тогда Герасимъ всю свою любовь направляетъ къ спасенной имъ собачкѣ „Муму“. Но и тутъ ввязывается барыня; собачка безпокоитъ ее своимъ лаемъ, и она отдаетъ приказъ убрать ее. Тогда Герасимъ рѣшается самъ утопить своего единственнаго друга. Послѣ этого онъ, глубоко оскорбленный, не обращая вниманія на барыню, уходитъ обратно въ деревню. Барыня, очевидно, чувствуя справедливость этого протеста, оставляетъ его въ покоѣ, замѣтивъ, что ей такихъ людей и не нужно.

Въ разсказѣ „*Постоялый дворъ*“ описывается, какъ жертвой барскаго корыстолюбія становится крестьянинъ Акимъ. Ему принадлежитъ постоялый дворъ, по-

строенный на барской землѣ. На старости лѣтъ онъ женится на молодой горничной Авдотьѣ. Послѣдняя увлекается красавцемъ Наумомъ и выкрадываетъ для него деньги у мужа, на которыя Наумъ покупаетъ у помѣщицы тотъ кусокъ земли, на которомъ живетъ Акимъ. Совѣсть помѣщицы онъ успокаиваетъ тѣмъ, что „Акимъ вѣдь не крѣпостной“. Акимъ въ отчаяніи поджигаетъ свой домъ, но пойманъ на мѣстѣ преступленія Наумомъ; въ немъ происходитъ нравственный переворотъ, и онъ отдаетъ свой домъ и все добро Науму, а самъ становится странникомъ по святымъ мѣстамъ.

Какъ мы уже упоминали, эти два разсказа представляютъ какъ бы продолженіе „Записокъ охотника“; они имѣютъ тоже значеніе, какъ протестъ противъ крѣпостного права.

„Муму“ замѣчателенъ, кромѣ того, мастерской обрисовкой дѣйствующихъ лицъ, живостью и глубокой психологической правдой.

Переходимъ къ произведеніямъ, въ которыхъ Тургеневъ изображаетъ характерныхъ представителей интеллигентнаго общества. Остановимся сначала на двухъ повѣстяхъ: „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“ и „Дневникъ лишняго человѣка“. Какъ въ той, такъ и въ другой выводится человѣкъ, чувствующій свою душевную несостоятельность, свою отвлеченность и неспособность къ живому дѣлу; это типы тѣхъ „лишнихъ людей“ съ которыми мы еще встрѣтимся въ послѣдующихъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ нашего писателя.

„*Гамлетъ Щигровскаго уѣзда*“ относится къ очеркамъ, составляющимъ „Записки охотника“, но настолько от-

личается отъ большинства изъ нихъ, что мы должны разсматривать его, какъ произведеніе стоящее отдѣльно, самостоятельно. „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“—это нѣкто Василій Васильевичъ. Онъ уменъ, обладаетъ критическимъ чутьемъ, привыкъ къ послѣдовательному мышленію. Воспитывался онъ на рукахъ матери, потомъ поступилъ въ университетъ, гдѣ принималъ участіе въ студенческихъ кружкахъ. Эти кружки онъ осуждаетъ въ рѣзкой тирадѣ, въ которой отзывается о нихъ, какъ о гибели всего самобытнаго, о пошлости подъ именемъ братства; въ кружкахъ, говоритъ онъ, поклоняются краснобаямъ, чтутъ бездарныхъ поэтовъ и т. д. Споры кружка, какъ и все, на чемъ воспитывался „Гамлетъ“, носили отвлеченный характеръ, не имѣлъ ничего общаго съ дѣйствительной жизнью; это, въ связи съ недостаткомъ оригинальности, сдѣлало нашего героя человѣкомъ отвлеченнымъ, не умѣвшимъ приняться за дѣло—„лишнимъ человѣкомъ“.

Въ „*Дневникѣ лишняго человѣка*“ передъ нами нѣкто Челкатуринъ—человѣкъ не глупый, довольно образованный; онъ весь охваченъ сомнѣніями, самолюбивъ и очень мнителенъ. Его умъ постоянно работаетъ; онъ разбираетъ себя, анализируетъ и, убѣдившись въ своей непригодности, къ жизни, рѣшилъ, что онъ „лишній“, „сверхштатный“ человѣкъ. Нѣсколько успокаивается онъ подъ вліяніемъ любви къ Лизѣ Ожогиной, но и тутъ не можетъ онъ окончательно успокоиться и возвращается къ своимъ мучительнымъ сомнѣніямъ. Лиза, сначала полюбившая его, теперь отступается и увлекается блестящимъ офицеромъ, княземъ Н*. Челкатуринъ чувствуетъ ревность, зависть, злобу и, подъ вліяніемъ всего этого, начинаетъ вести себя очень глупо; онъ вызываетъ на дуэль князя и ранитъ его; послѣдній стрѣляетъ въ воздухъ и этимъ поступкомъ окончательно давитъ Челкатурина.

Послѣ этого онъ начинаетъ мечтать о томъ, какъ князь покинетъ Лизу, какъ она вернется къ нему, и онъ побѣдитъ ее своимъ великодушіемъ, и не понимаетъ, что дуэлью съ княземъ онъ вселилъ въ ней только ненависть къ нему—Челкатурину. Когда князь дѣйствительно покидаетъ ее, она предпочитаетъ нашему герою ничтожнаго Безьменкова—первый и тутъ оказывается „лишнимъ“. Разбитый душевно, онъ умираетъ отъ чахотки; передъ смертью онъ вспоминаетъ свою родную деревню, прощается съ природой. Картина угасанія человѣка въ веселый весенній день, когда все таетъ подъ лучами солнца, когда чувствуется пробужденіе жизни въ природѣ, представляетъ одну изъ самыхъ сильныхъ страницъ Тургенева. Въ слѣдующихъ его произведеніяхъ мы видимъ того же „лишняго человѣка“, но въ нихъ происходитъ уже и процессъ наростанія новыхъ людей, людей дѣйствительной жизни.

Въ 1855 г. появилась повѣсть „*Рудинъ*“, въ которой авторъ снова рисуетъ намъ одного изъ лишнихъ людей.

Прослѣдимъ, какъ выросъ, воспитался Рудинъ и какъ явился онъ такимъ, какимъ встрѣчаемъ мы его въ повѣсти. Онъ происходилъ изъ бѣдной помѣщичьей семьи; его мать въ немъ души не чаяла—она отдавала ему все, что могла, только бы обставить его возможными удобствами. Такимъ образомъ, Рудинъ росъ балованнымъ барченкомъ, привыкшимъ съ дѣтства быть предметомъ обожанія. Что дѣлалъ онъ въ университетѣ?—Его дѣятельность главнымъ образомъ состояла въ участіи въ студентческихъ кружкахъ, въ которыхъ весь интересъ сосредоточивался на отвлеченныхъ философскихъ системахъ, главнымъ образомъ на философіи Гегеля. Время проводили тутъ въ го-

рячихъ спорахъ о разныхъ вопросахъ, далеко отстоящихъ отъ дѣйствительной жизни. Рудинъ, отличавшійся особеннымъ даромъ слова, понятно былъ замѣченъ; онъ сталъ и тутъ своего рода кумиромъ, по прайней мѣрѣ, предметомъ всеобщаго удивленія. Само собой разумѣется, что молодому человѣку съ сильно развитымъ самолюбіемъ льстило общее вниманіе; онъ постепенно вошелъ въ свою роль проповѣдника, любующагося своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Въ Германіи онъ набрался новыхъ свѣдѣній, но характеръ его остался тотъ же. Тутъ застаемъ мы его въ имѣніи великосвѣтской дамы, Дарьи Михайловны Ласунской.

Онъ тотчасъ чувствуетъ себя здѣсь на своемъ мѣстѣ—его слушаютъ съ удивленіемъ, даже восторгомъ. Онъ является человѣкомъ порыва, горячимъ энтузіастомъ, поэтомъ; онъ способенъ увлекаться и еще сильнѣй увлечь другого—яркіе примѣры этому мы видимъ въ томъ, какъ вліяютъ его рѣчи на студента Басистова и на Наташу: первый „сидѣлъ все время съ открытымъ ртомъ и широко раскрытыми глазами—и слушалъ, слушалъ, какъ отъ роду не слушалъ ничего“, а у второй „лицо покрывалось алой краской, и взоръ ея, устремленный неподвижно на Рудина, и потемнѣлъ и заблисталъ“.

Наташа становится его слушательницей, передъ которой онъ развиваетъ свои идеи; въ ея сердце закрадывается любовь къ нему. Эта простая, сердечная, но глубокая и сильная по натурѣ дѣвушка „повѣрила“ въ него, какъ она сама впослѣдствіи сознается, и рѣшилась вся отдаться въ его власть; но тутъ обнаружилось страшное несоотвѣтствіе между словами и поступками Рудина: узнавъ отъ Наташи, что мать ея рѣшилась видѣть ее скорѣй мертвой, чѣмъ замужемъ за нимъ, онъ, на котораго дѣвушка понадѣялась, какъ

на сильнаго мужчину, не находитъ на ея вопросъ—„что дѣлать?“—лучшаго отвѣта, какъ „покориться“. Онъ начинаетъ увѣрять ее, что ей было бы тяжело разстаться съ родными, что онъ самъ бѣденъ и т. д. На самомъ же дѣлѣ, онъ ее никогда сильно не любилъ, и неспособенъ сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ, когда ему приходится приняться за настоящее „дѣло“, а не ограничиваться однѣми словами. Вообще его слова расходятся съ дѣломъ—онъ говоритъ, что „долженъ дѣйствовать, что онъ не долженъ скрывать своего таланта, разъ онъ у него есть“ и т. д., но между тѣмъ почти ничего не дѣлаетъ.

Только во второй части романа, гдѣ онъ, уже помятый жизнью, разсказываетъ о себѣ Лежневу, мы видимъ, что онъ не только говорилъ; онъ нѣсколько разъ принимался за дѣло, но каждый разъ безуспѣшно! Онъ былъ учителемъ въ гимназіи, но тутъ, собравшись провести радикальную реформу, одинъ ничего не могъ сдѣлать; въ другой разъ онъ увлекся планомъ сдѣлать судоходной одну изъ рѣкъ Россіи и изъ-за этого прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ сырой землянкѣ; пробовалъ онъ и служить при какомъ-то высокопоставленномъ лицѣ и т. д., но вездѣ его постигала неудача. Причиной неудачи служила его собственная неподготовленность къ дѣйствительной жизни, неумѣнье взяться за дѣло; съ другой стороны, много, очевидно мѣшала его предпріятіямъ окружающая среда, не только не проявлявшая участія къ его начинаніямъ но, напротивъ, въ иныхъ случаяхъ подавлявшая всякую попытку приняться за дѣло. На то, что не всегда онъ былъ только пустымъ фразеромъ, указываетъ и его смерть на парижскихъ баррикадахъ.

Въ Рудинѣ мы видимъ еще одну странную черту, способную бросить тѣнь на него, какъ на человѣка,—

это безпечное обращеніе его съ чужими деньгами; объ этомъ мы можемъ сказать только одно: несомнѣнно, что дѣлалъ онъ это безъ всякаго корыстнаго разсчета, по какой-то наивности, такъ же легко и свободно, какъ остался гостить на нѣсколько мѣсяцевъ въ имѣніи Ласунской, пріѣхавъ туда на очень короткій срокъ.

Кто же Рудинъ?—Это энтузіастъ, но „энтузіастъ головой“, сердце, кровь его остаются холодными; онъ самъ вѣритъ въ то, что говоритъ, въ немъ дѣйствительно живутъ идеальныя стремленія; онъ способенъ увлечь другихъ, дать толчекъ, и это нужно поставить ему въ главную заслугу. Его бѣда заключается въ несоотвѣтствіи его словъ съ дѣломъ—несоотвѣтствіи являющемся главнымъ образомъ, слѣдствіемъ его отвлеченности, незнакомства съ русской дѣйствительностью и, отчасти отсутствія воли.

Какъ типъ общественный,—Рудинъ вполнѣ сынъ своего времени, человѣкъ переходной эпохи 40-выхъ годовъ. Эта въ сущности тотъ-же „лишній человѣкъ“ котораго мы уже видѣли, но ушедшій уже впередъ. Онъ имѣетъ по своимъ основнымъ чертамъ связь съ героями стараго поколѣнія—Онѣгинымъ, Печоринымъ, Чацкимъ. Всѣ они вышли изъ одной и той-же среды; съ первымъ изъ ихъ его сближаетъ барское воспитаніе, со вторымъ сильно развитое самолюбіе, а съ третьимъ образованность, проповѣдничество и энтузіазмъ. Рудинъ, однако, далеко переросъ этихъ людей предыдущей эпохи.

Въ отношеніи автора къ своему герою видна какъ бы нѣкоторая непослѣдовательность. Въ первой части произведенія онъ критикуетъ Рудина, между тѣмъ какъ во второй части онъ, какъ бы сжалившись надъ нимъ, рисуетъ его уже болѣе симпатичнымъ и достойнымъ сожалѣнія.

Можно отмѣтить нѣкоторую недостаточность выясненія внутренней жизни героя. Этому мѣшаетъ въ значительной степени эпизодическая форма произведенія.

Обратимся къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ повѣсти. Чтобы сильнѣе оттѣнить фигуру Рудина, является въ повѣсти *Пигасовъ*. Это озлобленный человѣкъ, съ нѣкоторымъ умомъ и образованіемъ, скептикъ. Озлобленность его является слѣдствіемъ постоянныхъ неудачъ, постигавшихъ его въ продолженіе жизни, а также сильно развитóго эгоизма. Онъ нападаетъ на все, въ особенности на женщинъ, причемъ нѣкоторыя изъ его нападокъ довольно обоснованны и не лишены нѣкотораго остроумія. Онъ старается всѣми силами раскритиковать Рудина, упрекаетъ его въ лизоблюдствѣ и т. д.: между тѣмъ, по отзыву Лежнева, онъ самъ любитъ льнуть къ богатымъ и знатнымъ. Ярый женоненавистникъ, онъ въ концѣ концовъ женится на какой-то мѣщанкѣ.—

Наибольшей симпатіей автора пользуется, очевидно, *Лежневъ*. Онъ, какъ хоръ въ греческой трагедіи, поясняетъ дѣйствіе, даетъ оцѣнку главному герою. Онъ человѣкъ, чуждый внѣшняго блеска, человѣкъ дѣла, близкій къ жизни. Въ немъ проглядываютъ нѣкоторыя славянофильскія черты: онъ находитъ, что ни одинъ русскій не можетъ обходиться безъ Россіи, такъ какъ оторванность отъ націи ведетъ за собой самыя пагубныя послѣдствія; космополитизма онъ не признаетъ. Онъ учился въ университетѣ, увлекался нѣкогда отвлеченными идеями, но въ настоящее время уже не увлекается. Рудина онъ одинъ понимаетъ правильно; поэтому онъ является ему то врагомъ, то другомъ.

Это тѣнь человѣка, близкаго къ жизни, оторваннаго отъ родной почвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомаго съ западно-европейской культурой.

Наташа Ласунская—это одна изъ тѣхъ цѣльныхъ женскихъ фигуръ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Тургенева. Она серьезна, умна и вдумчива; отличительными чертами ея характера являются крайняя замкнутость и энергія, съ которой она приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Она наружно всегда одинаково спокойна и сосредоточена; между тѣмъ, она обладаетъ чуткой и впечатлительной душой, способна сильно и глубоко чувствовать. Она заинтересовалась Рудинымъ, а затѣмъ и полюбила его сильно и серьезно; разъ „увѣровавъ“ въ него, въ силу твердости своего характера, она готова на все. Какъ должно было велико быть ея разочарованіе, когда она поближе узнала Рудина. Печально кончилась для нея ея первая любовь, и „темна стала жизнь передъ нею“.

Потомъ узнаемъ мы, что она вышла замужъ за Волынцева, чѣмъ руководилась она въ данномъ случаѣ и что чувствовала, этого мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, нужно думать, что разочарованіе, которое постигло ее при ея первомъ, вѣроятно, самомъ сильномъ увлеченіи, сильно отразилось на ней, оставивъ въ душѣ ея глубокіе слѣды.

Послѣ „Рудина“—въ 1858 г. появилась небольшая повѣсть „*Ася*“, важная помимо своихъ поэтическихъ достоинствъ еще потому, что въ ней авторъ проводитъ одну изъ своихъ любимыхъ мыслей—мысль о самобытности русскихъ женщинъ. Въ этомъ произведеніи мужчина оказывается чѣмъ-то вывѣтрившимся, пустымъ передъ женщиной—Асей. Нужно замѣтить, что это одинъ изъ любимыхъ мотивовъ Тургенева,—такое превосходство женщины надъ мужчиной мы видимъ въ большинствѣ его произведеній. Вспомнимъ хотя бы героинь главныхъ произведеній Тургенева—Лизу, Наташу, Елену, Маріанну, Таню. Эту мысль о

превосходствѣ русскихъ женщинъ надъ мужчинами авторъ влагаетъ въ уста Соломина въ ром. „Новь“: „Всѣ русскія женщины дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ“. Одной изъ яркихъ иллюстрацій къ этой мысли является повѣсть «Ася».

Ася незаконнорожденная дочь г. Гагина и его горничной Татьяны. Она выросла въ домѣ своего отца, безъ памяти ее любившаго и не стѣснявшаго ни въ чемъ; такимъ образомъ она не подверглась той узкой системѣ воспитанія, которая душитъ и заглушаетъ въ подрастающемъ ребенкѣ всѣ проявленія жизни, самостоятельности. Она рано поняла свое положеніе въ домѣ, поняла ложность этого положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она знала, что можетъ дѣлать, что ей хочется; въ ней развилось самолюбіе—она рѣшила быть не хуже другихъ, рѣшила заставить всѣхъ забыть объ ея происхожденіи. Единственнымъ другомъ ея дѣтства былъ братъ—добродушный молодой человѣкъ.

Ася выросла, можетъ быть нѣсколько своеобразной, но здоровой, бойкой и веселой дѣвушкой. Такой встрѣчаемъ мы ее въ повѣсти. Въ ней кипятъ силы; ее все интересуетъ, все занимаетъ, но ненадолго—ей какъ бы хочется все новыхъ и новыхъ впечатлѣній. Она знакомится съ молодымъ человѣкомъ, г. Н. и начинаетъ съ нимъ кокетничать; это кокетство безсознательное, не расчитанное на извѣстныя цѣли—она просто становится въ его присутствіи живѣй, „живетъ ускоренной жизнью“. Вскорѣ она замѣчаетъ, что неожиданно влюбляется въ г. Н. Это открытіе приводитъ ее сначала въ испугъ, но скоро она успокаивается и снова предается веселой и беззаботной жизни. Ея привязанность ростетъ съ каждымъ днемъ. Она сознается въ своихъ чувствахъ брату.

Послѣдній хорошо знаетъ свою сестру.—„Мы съ вами и представить себѣ не можемъ, съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней чувства: это находитъ на нее такъ же неожиданно и такъ же неотразимо, какъ гроза“, говоритъ онъ г-ну Н.—и, зная, что тотъ никогда не жениться на Асѣ, проситъ его прекратить съ ней знакомство. Ася, между тѣмъ, подъ вліяніемъ чувства, идетъ дальше—она назначаетъ свиданіе г. Н. Она чувствуетъ потребность сказать что-то любимому человѣку. На этомъ свиданіи выказалась вся разница между ней и г. Н. Вмѣсто словъ любви, которыхъ она ожидала отъ него, она слышитъ упреки въ томъ, что она губитъ его репутацію, что она не имѣетъ къ нему довѣрія; имъ нужно, говоритъ онъ, разойтись и т. д. Послѣ этого онъ еще недоумѣваетъ, какъ это такъ быстро и глупо кончилось ихъ свиданіе! Гн. Н.—молодой человѣкъ, обладающій современнымъ развитіемъ—спассовалъ передъ полудикой молодой дѣвушкой, когда ему пришлось встрѣтиться съ истиннымъ и сильнымъ чувствомъ.—

Обратимся къ одному изъ капитальныхъ произведеній Тургенева — роману *„Дворянское гнѣздо“*. Главное дѣйствующее лицо романа—*Лаврецкій*. Это тоже своего рода «лишній человѣкъ», но уже далеко ушедшій впередъ отъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда» и отъ Рудина. Начнемъ съ его родословной: дѣдъ его былъ однимъ изъ жестокихъ помѣщиковъ стараго времени, бившій своихъ сосѣдей и вѣшавшій за ребра своихъ мужиковъ; отецъ былъ полоумный англоманъ. Послѣдній женился на крестьянкѣ и потому молодой Лаврецкій долженъ былъ вырости отдѣленнымъ отъ матери. Его воспитаніемъ занимались двѣ холодныя старухи—тетка Глафира и какая то гувернантка—

шведка. Мальчикъ росъ одинокимъ, не слыша никогда сердечнаго слова, вдали отъ матери, которую онъ любилъ. Когда ему исполнилось тринадцать лѣтъ, изъ заграницы вернулся его отецъ и самъ принялся за него. Онъ рѣшилъ воспитать изъ него «спартанца». Одной изъ характерныхъ чертъ этого воспитанія была полная отдаленность молодого человѣка отъ общества женщинъ, полное незнакомство его съ ними. Понятно, поэтому, что, встрѣтивъ затѣмъ Варвару Павловну, онъ влюбился въ нее безъ памяти—вѣдь въ одномъ имени женщины уже заключалось для него все возвышенное, чистое, совершенное. Какъ грубо и сильно пришлось, однако, ему вскорѣ разочароваться; вмѣстѣ съ его счастьемъ какъ бы разбилась и его жизнь. Онъ, однако не палъ подъ этимъ ударомъ, нѣтъ—ударъ этотъ былъ для него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже полезенъ: его собственное несчастіе сдѣлало его добрѣе, снисходительнѣй къ людямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, его потянуло обратно къ родинѣ, къ роднымъ мѣстамъ и народу.

Такимъ, помятымъ жизнью, но нравственно возвысившимся, видимъ мы его въ то время, когда завязываются его отношенія съ Лизой. Тутъ снова разрушаетъ его счастье Варвара Павловна. Сначала Лаврецкій, почувствовавъ, что его счастье разбито навсегда, борется съ отчаяньемъ и велитъ своей душѣ молчать. Затѣмъ постепенно въ его душѣ поселяется сознаніе невозможности исправить совершившееся и тихая грусть. У него остаются только печальныя, но драгоцѣнныя воспоминанія.

Какъ мы уже упоминали, Лаврецкій своего рода „лишній человѣкъ“. Онъ, однако, существенно отличается отъ Рудина: въ немъ нѣтъ уже той оторванности отъ дѣйствительной жизни, онъ къ ней болѣе

близокъ—онъ научился „пахать землю“, понимаетъ суть русской жизни, той тихой жизни, которая идетъ „на днѣ“, куда онъ самъ попалъ.

Его изломала жизнь: онъ былъ съ дѣтства „вывихнутъ“ неправильнымъ воспитаніемъ, а затѣмъ ему пришлось перенести много ударовъ и сдѣлать нѣсколько нравственныхъ скачковъ. Все это сдѣлало его почти непригоднымъ къ какому-нибудь дѣлу, что сознаетъ онъ самъ: „Здравствуй одинокая старость, догарай безполезная жизнь!“—восклицаетъ онъ, въ концѣ надорванный.

Какъ представителя извѣстнаго теченія, его можно назвать славянофиломъ—такимъ признаетъ его и самъ Тургеневъ. Лаврецкій стойко возражаетъ въ извѣстномъ спорѣ Паншину, презрительное отношеніе котораго къ Россіи оскорбляетъ его.—

Рядомъ съ Лаврецкимъ стоитъ высоко нравственный образъ *Лизы*. Она получила образованіе провинціальной барышни, выросла въ самой заурядной провинціальной средѣ. По своему характеру она имѣетъ много сходныхъ чертъ съ Наташей изъ „Рудина“—она такъ же проста, серьезна и добра. Отличительный признакъ ея — это глубоко-развитое, почти мистическое религіозное чувство, „она любила всѣхъ и никого въ особенности, она любила одного Бога, восторженно, робко, нѣжно“. Это религіозное чувство воспитали въ ней разсказы ея няни о святыхъ и подвижникахъ. Изъ глубокой религіозности Лизы вытекаетъ и то чувство долга передъ Богомъ и людьми, которымъ она руководится. Она чувствуетъ, что ей необходимо поплатиться за все: и за свои грѣхи, и за грѣхи родителей; она убѣждена, что несчастіе, которое разразилось надъ ней и Лаврецкимъ съ пріѣздомъ Варвары Павловны,—это наказаніе за ея „вину“. Въ чемъ соб-

ственно состоитъ эта вина, этого она не объясняетъ, но все же она считаетъ себя достойной накаазанія и идетъ въ монастырь отмаливать свои и чужіе грѣхи.

Что же погубило ея молодую жизнь, кто виноватъ въ этомъ? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ— слишкомъ сильное увлеченіе неправильно понятой идеей христіанскаго долга. Окружающая ее обстановка была такова, что только религіозное чувство и могло достичь той силы развитія, почти фанатизма, которую мы видимъ въ Лизѣ. Она выросла подъ вліяніемъ няни, передавшей ей тотъ идеалъ народа, который сложился уже давно. Никто не пытался пробудить въ ней критическую мысль, поколебать ея вѣрованія; изъ окружающихъ никто, даже Лаврецкій, не старался ее разубѣдить въ ненужности ея поступленія въ монастырь, въ нецѣлесообразности этого поступка.

Несмотря на то, что, съ точки зрѣнія христіанской морали, поступокъ ея, пожалуй, можно считать верхомъ нравственнаго совершенства, намъ остается только пожалѣть бѣдную дѣвушку, безъ нужды погубившую свою молодую жизнь.

Образъ Лизы въ нашей литературѣ является, наряду съ Татьяной, одной изъ основныхъ фигуръ русской женщины.—

Одной изъ лучше нарисованныхъ фигуръ романа является *Паншинъ*. Это молодой чиновникъ-карьеристъ, человѣкъ поверхностнаго полу-образованія, свѣтскій, съ большими претензіями. Онъ, гдѣ можетъ, щеголяетъ своими познаніями, талантами; а послѣднихъ у него много: онъ музыкантъ, художникъ, берейторъ и т. д. Всѣми этими выгодными способностями онъ пользуется, чтобы слыть въ обществѣ умнымъ и милымъ человѣкомъ — человѣкомъ, кромѣ того, столичнаго образованія. Онъ кажется

иногда и добрымъ, но это только до поры до времени—до тѣхъ поръ, пока это для него удобно.

Авторъ относится къ нему съ непріязненнымъ чувствомъ: онъ высказываетъ ему похвалу устами самаго безтолковаго изъ лицъ романа—Марьи Дмитріевны; затѣмъ съ видимой враждебностью дорисовываетъ самъ образъ Паншина, а, подъ конецъ, снова влагаетъ въ уста Марьи Дмитріевны звучащую ядовитой иронiей фразу о томъ, что такому человѣку, какъ Паншинъ, не землю пахать— онъ призванъ дѣлать все „en grand“.

Въ лицѣ Паншина Тургеневъ, по его собственному признанію, изобразилъ отрицательныя стороны западничества. Паншинъ собственно бюрократъ-западникъ, чиновникъ-либералъ, представитель „оффиціальнаго либерализма“. Онъ находитъ, что Россія слишкомъ отстала отъ запада, что дѣло тутъ не въ ея молодости, что мы больны тѣмъ, что только наполовину сдѣлались европейцами. Все это, по его мнѣнію, можно поправить введеніемъ хорошихъ учрежденій. Можно будетъ приноровиться къ народному быту, а въ случаѣ нужды передѣлать этотъ бытъ,— какъ видно, „мѣра исправленія “вполнѣ бюрократическая.—

Между дѣйствующими въ романѣ лицами одно носитъ нѣсколько эпизидическій характеръ: *Михалевичъ*. Это идеалистъ, энтузіастъ. Въ немъ есть черта нѣсколько напоминающія Рудина, но въ общемъ сильно отличается отъ послѣдняго. Онъ, какъ и Рудинъ, любитъ отвлеченные вопросы: встрѣтившись послѣ долгаго времени съ Лаврецкимъ и перекинувшись нѣсколькими словами, онъ тотчасъ затѣваетъ длинный споръ объ отвлеченныхъ вопросахъ—эта способность спорить была одной изъ характерныхъ чертъ

людей его времени. Онъ, однако, куда ближе къ жизни, чѣмъ Рудинъ: укоряя Лаврецкаго за бездѣйствіе, называя его „злостнымъ байбакомъ“, онъ въ то же время указываетъ послѣднему вполнѣ опредѣленную задачу—заняться устройствомъ быта своихъ мужиковъ самъ; онъ въ концѣ концовъ попадаетъ въ какое-то казенное учебное заведеніе и пользуется тамъ любовью воспитанниковъ.

Михалевичъ—типъ добраго увлекающагося русскаго идеалиста, воспитаннаго на отвлеченныхъ идеяхъ, но, тѣмъ не менѣе, близкаго къ жизни. Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, на которыхъ не сосредоточивается главный интересъ читателя, отмѣтимъ *жену Лаврецкаго*, Лемма и Марѳу Тимоѳеевну.

Хотя первая лично очень не на долго является передъ читателемъ въ романѣ, однако ея фигура получилась очень жизненной. Въ нравственномъ отношеніи она является полной противоположностью Лизѣ, хотя обѣ онѣ вышли изъ одной и той же среды. Такой, какъ мы видѣли ее въ романѣ, лишенной правилъ нравственнаго характера, сдѣлало Варвару Петровну, очевидно, отсутствіе въ средѣ, въ которой она выросла, всякихъ руководящихъ вліяній. Лиза росла подъ вліяніемъ религіозной няни и нравственно развилась въ соотвѣтствующую сторону; Варвара Павловна развилась въ этой же средѣ, но безъ всякихъ вліяній, и у нея не сложилось никакихъ взглядовъ, правилъ нравственнаго характера. Ея пренебреженіе къ соображеніямъ нравственнаго порядка не является послѣдствіемъ неправильно понятой личной свободы или какого-нибудь ученія; оно вообще не носитъ теоретическаго характера; это—просто нравственное убожество.—

Интересна фигура старика *Лемма*. Это бѣдный му-

зыкантъ-нѣмецъ, оторванный отъ родины и ушедшій въ себя. Въ немъ насъ поражаютъ нѣкоторыя чисто-національныя черты характера—совмѣстимости его бѣдной, филистерской жизни съ ночнымъ колпакомъ и декоктомъ, со смѣлостью мысли, глубокимъ пониманіемъ музыки и посѣщающими его иногда минутами высокаго вдохновенія, когда онъ изъ бѣднаго старичка превращается въ могучій талантъ. Онъ, представитель западно-европейской культуры, стоитъ какъ-то особнякомъ среди окружающей его русской обстановки.—

Марѳа Тимоѳеевна—это типъ смѣлой, властной, но доброй старухи. Она говоритъ всѣмъ правду въ глаза, любитъ въ человѣкѣ достоинство и правдивость. Всѣ ее какъ-то побаиваются, за исключеніемъ Лизы, съ которой она сходится ближе, чѣмъ съ другими. Въ ней сохранились еще кой-какія черты барыни-помѣщицы, но онѣ искусно сглаживаются и теряются реди положительныхъ чертъ честной старухи. Объ матери Лизы, Гедеоновскомъ и др. не будемъ распространяться—это хорошо очерченные заурядные провинціальные типы.—

„Дворянское гнѣздо“ было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ; самъ Тургеневъ сознается, что оно имѣло наибольшій успѣхъ, когда-либо выпадавшій ему на долю и дѣйствительно, романъ вполнѣ заслуживаетъ этого; онъ долженъ быть поставленъ въ ряду главныхъ произведеній русской литературы 19-го вѣка—„Онѣгина“, „Героя нашего времени“, „Мертвыхъ душъ“, „Обломова“. Въ немъ отразилась жизнь современнаго общества, въ немъ выведены представители главныхъ теченій; кромѣ того, въ немъ Тургеневъ далъ рядъ яркихъ, художественныхъ типовъ.—

За „Дворянскимъ гнѣздомъ“ появился романъ „*Накануне*“. Онъ возбудилъ множество разнорѣчивыхъ толковъ; въ общемъ, онъ былъ встрѣченъ публикой несочувственно. Многое служидо тому причиной: однихъ возмущало то, что Тургеневъ взялъ своимъ героемъ болгарина и этимъ будто хотѣлъ сказать, что у насъ самихъ нѣтъ такихъ людей; другіе негодовали противъ поступка Елены и т. д. Не будемъ разбираться въ этихъ толкахъ. Разсмотримъ что представляетъ собой Инсаровъ, герой этого произведенія.

Рудинъ оказался несостоятельнымъ; Лаврецкій самъ признался въ безполезности своей жизни, но въ послѣднихъ словахъ его мы слышимъ привѣтъ молодымъ нарождающимся силамъ. За временемъ Рудиныхъ и Лаврецкихъ началось время господства этихъ молодыхъ силъ; у нихъ появилось стремленіе къ дѣятельности, жажда дѣла, работы. Это движеніе, исканіе, замѣтилъ Тургеневъ и въ своемъ романѣ хотѣлъ сказать, что общество находится „наканунѣ“ появленія людей дѣла.

Героемъ своего романа онъ избралъ болгарина *Инсарова*. Это типъ совершенно новый въ нашей литературѣ и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ, какъ и Елена,—тоже своеобразная фигура,—получился нѣсколько неопредѣленнымъ, недоконченнымъ.

Инсаровъ по національности болгаринъ; въ его дѣтствѣ, когда онъ жилъ еще на родинѣ, въ ихъ семьѣ разыгралась тяжелая драма. Пропала его мать; черезъ нѣкоторое время она была найдена убитой. По слухамъ, ее похитилъ и зарѣзалъ турецкій ага. Отецъ Инсирова рѣшилъ отомстить послѣднему, но ему удалось его только ранить; за это онъ поплатился жизнью. Молодой Инсаровъ былъ взятъ родными, перевезенъ въ Одессу, а затѣмъ въ Кіевъ. Двадцати

лѣтъ онъ вернулся въ Болгарію, снова выучился родному языку и познакомился съ жизнью родины. Въ 1860 году, онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ мы и застаемъ его. Онъ занимается своимъ образованіемъ и сближеніемъ Болгаріи съ Россіей — переводитъ книги, пишетъ болгарскую грамматику для русскихъ и русскую для болгаръ и т. д. Завѣтной мечтой его и задачей всей жизни является освобожденіе родины отъ турецкаго владычества.

Инсаровъ всегда замкнутъ, угрюмъ и молчаливъ; никогда не говоритъ о своихъ планахъ, о своихъ мысляхъ; онъ гордъ и упрямъ: когда Берсеневъ предлагаетъ ему поселиться у него, онъ находитъ возможнымъ устроить это только въ томъ случаѣ, если Берсеневъ согласится взять съ него надлежащую плату за комнату; отъ общаго обѣда онъ такъ и отказывается, не находя возможнымъ обѣдать, какъ Берсеневъ. Онъ прямодушенъ и никогда не лжетъ—эта особенность, между прочимъ, сильно поразила Елену, видѣвшую вокругъ себя только ложь; онъ умѣетъ постоять за себя, но въ то же время не способенъ рисоваться своимъ поступкомъ.

Всѣ эти положительныя стороны завоевали ему общее уваженіе, какъ среди пріятелей—русскихъ, такъ и среди его земляковъ; послѣднія обращаются даже къ нему за разрѣшеніемъ споровъ: возникающихъ среди нихъ. Наряду съ положительными чертами характера, мы видимъ въ немъ и нѣкоторыя отрицательныя, во всякомъ случаѣ, несимпатичныя черты. Это, во первыхъ, злоба; это чувство прорывается въ немъ въ сценѣ съ пьянымъ нѣмцемъ и приводитъ въ испугъ и недоумѣніе Елену. Чувство личной злобы вноситъ онъ и въ дѣло освобожденія своей родины. Другой нѣсколько несимпатичной чертой его

является преобладаніе въ любви къ Еленѣ чисто чувственнаго элемента; эта особенность замѣтна уже въ сценѣ перваго посѣщенія Елены, объ ней говоритъ онъ самъ, когда она является къ нему послѣ его болѣзни.

Вообще характеръ Инсарова какой-то тяжелый; онъ вѣчно серьезенъ, одинаково относится, какъ къ важному, такъ и къ мелкому, онъ почти никогда не смѣется, въ немъ совершенно нѣтъ юмора.

Въ фигурѣ его чувствуется неполность: мы не знаемъ, что думаетъ онъ, не знаемъ его плановъ, намѣреній относительно освобожденія своей родины, но внутренній міръ для насъ, вообще, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Хотя по своему назначенію онъ является человѣкомъ дѣла, но мы не видимъ въ романѣ никакого дѣла; онъ остается при однихъ намѣреніяхъ.

Героиня романа, *Елена,*—одинъ изъ интересныхъ типовъ въ нашей литературѣ. Она росла безъ всякаго присмотра—отецъ и мать не очень интересовались ея воспитаніемъ и развитіемъ. Какъ это часто бываетъ, они совершенно не знали, что занимало ее, что она думала, и немудрено, поэтому, что она сама не очень была привязана къ родителямъ. Отличительной чертой ея характера съ дѣтства являлось состраданіе ко всему живому — голодающія собачки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда птенцы, даже насѣкомыя — всѣ возбуждали въ ней живое участіе и становились ея питомцами. Со временемъ это чувство дѣятельной любви преобразовалось въ жажду дѣятельности, добра и любви, но такъ какъ подходящаго дѣла не было, то Елена мучилась, „билась какъ птица въ клѣткѣ, хотя клѣтки и не было“. Она не понимала, какъ можно жить безъ любви, а между тѣмъ не видѣла никого, кого можно было бы полюбить.

Но происходитъ встрѣча съ Инсаровымъ, и рѣшается ея судьба. Что же было въ Инсаровѣ, что могло вызвать въ ней чувство любви къ нему? Вѣдь готовы же были сдѣлать все, лишь бы добиться ея любви, Берсеневъ, Шубинъ и Курнатовскій?

Ее поразили въ немъ простота, правдивость, но болѣе всего его главная идея, идея освобожденія своей родины. Привыкшая всегда отдаваться всецѣло своимъ порывамъ, она отдается всецѣло и любви къ Инсарову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его дѣлу. Она уѣзжаетъ съ нимъ, чтобы быть помощницей ему, но имъ не приходится работать вмѣстѣ на поприщѣ, о которомъ они мечтаютъ. Инсаровъ умираетъ по пути на родину. Елена остается вѣрна его дѣлу — на его родинѣ готовится возстаніе, и она намѣрена посвятить себя уходу за ранеными.

Въ лицѣ Елены мы видимъ уже слѣдующій (за Лизой и Наташей) фазисъ развитія русской женщины. Она уже не способна успокоиться, какъ Лиза; ей хочется разумной дѣятельности. Она уже не только женщина-любовница, мать,—въ ней мы видимъ первые зачатки женщины-общественнаго дѣятеля. Насколько полезна была ея дѣятельность, въ чемъ выразилась она, это уже другой вопросъ; во всякомъ случаѣ, въ ней на лицо стремленіе къ дѣятельности.

Рядомъ съ фигурой Инсарова выступаютъ въ романѣ двѣ мужскія фигуры Берсеневъ и Шубинъ. *Берсеневъ* человѣкъ науки, кандидатъ Московскаго университета, готовящійся стать профессоромъ. Онъ любитъ свою науку, усердно работаетъ. Въ работѣ его мы, однако, не видимъ того увлеченія, которое видно въ Шубинѣ—Берсеневъ отдается своей наукѣ какъ-то методично, съ нѣмецкой аккуратностью; эта аккуратность, умѣренность замѣтна вообще во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Берсеневъ очень добръ сердцемъ и это невольно располагаетъ къ нему всѣхъ окружающихъ его людей; въ немъ нѣтъ эгоизма,—по его мнѣнію, свое „я“ нужно ставить всегда „нумеромъ вторымъ“, жертвовать своей личностью въ пользу общаго блага.

Съ такой точки зрѣнія смотритъ онъ и на свою будущую ученую дѣятельность — онъ долженъ быть труженикомъ, работающимъ въ пользу общества. Такимъ образомъ онъ является человѣкомъ дѣла, но въ то же время идеалистомъ.

Онъ любитъ Елену, и былъ моментъ, когда въ ней какъ будто начинало пробуждаться то же чувство къ нему, — она чувствовала себя съ нимъ хорошо, при разговорахъ „душа ея раскрывалась, и что-то нѣжное, справедливое, хорошее, не то вливалось въ ея сердце, не то выростало въ немъ“. Но она въ то же время смутно чувствуетъ, что это не тотъ человѣкъ, котораго ей надо.

Когда завязываются отношенія между Еленой и Инсаровымъ, Берсеневъ, узнавъ, что она любитъ послѣдняго, всѣми силами старается устроить ея счастье съ любимымъ человѣкомъ: ухаживаетъ за больнымъ Инсаровымъ, исполняетъ роль посредника между нимъ и Еленой и т. д.

Шубинъ во многихъ отношеніяхъ противоположенъ Берсеневу. Онъ—недоучившійся студентъ, по призванію—художникъ-скульпторъ.

Во всѣхъ его рѣчахъ, дѣйствіяхъ, во всей его фигурѣ сказывается порывистая, увлекающаяся молодость. Онъ своего рода эпикуреецъ: онъ жаждетъ счастья, любви, но только для себя; онъ не согласенъ жертвовать собой, не понимаетъ любви для другихъ— онъ хочетъ быть самъ „номеромъ первымъ“. Онъ жаждетъ простора, свѣта, стремится въ обѣтованную землю

художниковъ—Италію. Онъ любитъ Елену, но какой-то своеобразной любовью, любовью художника: онъ способенъ въ то же время быть дружнымъ съ красавицей-горничной Аннушкой, не можетъ удержаться, чтобы не цѣловать рукъ у Зои—у нея вѣдь такія красивыя плечи, а его привлекаетъ всякая красота. Вообще въ немъ совмѣщаются самыя разнородныя, противоположныя движенія—онъ заразъ и смѣется и плачетъ, и горюетъ и радуется.

Шубинъ представляетъ собой такъ называемую широкую натуру, но облагороженную, лишенную всего грубаго, дикаго.

Елена его никогда не любила; она не могла любить его за его образъ мыслей, за его стремленія, въ которыхъ не было ничего, что имѣло бы характеръ „серьезнаго дѣла“. Въ своемъ дневникѣ она пишетъ: „я люблю говорить съ Андреемъ Петровичемъ: никогда ни слова о себѣ, все о чемъ-нибудь дѣльномъ, полезномъ; не то, что Шубинъ. Шубинъ наряденъ, какъ бабочка, да любуется своимъ нарядомъ: этого бабочки не дѣлаютъ“.

Не смотря на свою легкомысленную, увлекающуюся натуру, Шубинъ, благодаря своему таланту, достигаетъ въ искусствѣ ощутительныхъ успѣховъ: въ концѣ романа мы видимъ его въ Римѣ; онъ много работаетъ и считается уже однимъ изъ самыхъ даровитыхъ молодыхъ скульпторовъ.

Упомянемъ изъ дѣйствующихъ лицъ еще Увара Ивановича, „великаго философа земли русской“, „черноземную силу“, какъ характеризуетъ его Шубинъ. Онъ является отчасти выразителемъ главной идеи романа. Когда Елена уѣзжаетъ изъ Россіи съ Инсаровымъ, Шубинъ обращается къ нему (Увару Ивановичу) со словами: „нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри... Что же это, Уваръ Ивановичъ? Когда же

наша пора придетъ? Когда у насъ народятся люди?“.

„Дай срокъ“, отвѣчаетъ на это Уваръ Ивановичъ,— „будутъ“.

Черезъ два года послѣ „Наканунѣ“ появился новый романъ „*Отцы и дѣти*“.

Художникъ своимъ геніальнымъ чутьемъ замѣтилъ новое движеніе въ обществѣ, въ особенности среди молодого поколѣнія, и изобразилъ его въ своемъ новомъ произведеніи. Какъ извѣстно, въ этомъ романѣ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ теченія, названнаго Тургеневымъ „нигилизмомъ“. Все ученіе Базарова, представителя этого теченія, полностью, въ видѣ извѣстной системы, конечно, не исповѣдывалось никѣмъ изъ современной молодежи, но отдѣльныя части его, отдѣльныя мысли, приходилось встрѣчать на каждомъ шагу. Это было въ ту пору, когда общество какъ бы начало пробуждаться отъ спячки и застоя. Движеніе выразилось главнымъ образомъ въ увлеченіи молодежи матеріалистическими ученіями, естественными науками.

Романъ „Отцы и дѣти“ вызвалъ цѣлую бурю разнорѣчивыхъ мнѣній; одни укоряли автора въ томъ, что онъ будто развѣнчиваетъ молодое поколѣніе и такимъ образомъ является противникомъ прогресса, другіе говорили противное.

Въ романѣ мы имѣемъ описаніе жизни двухъ поколѣній — поколѣнія отцовъ, дворянъ, воспитанныхъ на началахъ идеалистическихъ философскихъ ученій, и смѣняющаго стариковъ молодого поколѣнія, отрицающаго то, что отцы считали истиной.

Представителями молодого поколѣнія являются Базаровъ и Аркадій Кирсановъ.

Изъ нихъ представитель нигилизма *Базаровъ*; характерной чертой, отличительнымъ признакомъ его

направленія является отрицаніе того, что считалось раньше истиннымъ и законнымъ.

Въ противоположность людямъ стараго поколѣнія, какими въ романѣ являются старые Кирсановы, идеалистамъ-эстетикамъ, любящимъ спорить объ отвлеченныхъ вопросахъ, Базаровъ признаетъ такого рода споры ненужными. Онъ признаетъ ненужнымъ также всѣ эстетическія чувствованія. Онъ отрицаетъ во первыхъ красоту, даже красоту природы, съ точки зрѣнія дѣйствія ея на человѣка. Наслажденіе музыкой или поэзіей онъ считаетъ безполезной глупостью, отъ которой пора уже отвыкнуть. Онъ отрицаетъ чувство любви, какъ по отношенію къ женщинѣ, такъ и по отношенію къ роднымъ или друзьямъ.

Онъ отрицаетъ, кромѣ того, науку вообще, признаетъ только отдѣльныя знанія, ремесла. Чѣмъ же руководится онъ при своемъ отрицаніи? Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ объ этомъ: „я придерживаюсь отрицательнаго направленія въ силу ощущеній. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія—это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ“... Этихъ словъ, однако, нельзя считать его „profession de foi“; онъ отрицаетъ скорѣй то, что считаетъ безполезнымъ, ненужнымъ.

Какъ человѣкъ, Базаровъ—личность сильная, трезвая, жаждущая освободиться отъ всего, что можетъ наложить путы на его волю.

Въ борьбѣ за независимость личности онъ старается только для самаго себя; онъ борется съ энергіей, энтузіазмомъ идеалиста, стремящагося къ завѣтной цѣли.

Базаровъ отличается простотой во всемъ: въ раз-

говорахъ, обращеніи съ людьми; эта простота и служитъ причиной его быстраго сближенія съ лицами изъ простого народа.

Въ его положеніи чувствуется глубокій трагизмъ; онъ заключается въ его полномъ одиночествѣ среди окружающихъ и въ невозможности согласовать свои дѣйствія съ убѣжденіями. Несмотря на ту ломку, которую онъ надъ собой произвелъ, несмотря на то, что онъ призналъ несостоятельность всего стараго, въ немъ осталось еще много элементовъ этого стараго: остались слѣды вѣрованій, привитыхъ въ дѣтствѣ, остались кромѣ того, чисто-человѣческія чувства, которыхъ онъ въ себѣ уничтожить не могъ, хотя и отрицалъ ихъ.

Несмотря на то, что онъ не признаетъ чувства любви, оно въ немъ все же существуетъ. Его любовь къ родителямъ прорывается въ сдержанныхъ, но достаточно ясныхъ и доказательныхъ фразахъ.

Нѣчто подобное видимъ мы и въ его отношеніяхъ къ Аркадію: на вопросъ послѣдняго (при ихъ прощаніи), неужели у него нѣтъ другихъ, болѣе теплыхъ словъ, Базаровъ замѣчаетъ, что есть то они у него есть, но вы сказать ихъ—это было бы съ его стороны слабостью, „романтизмомъ“.

Онъ утверждаетъ, что не можетъ существовать никакихъ болѣе тонкихъ любовныхъ чувствъ между мужчиной и женщиной, кромѣ чисто-чувственныхъ, что любовь (такъ, какъ ее обыкновенно понимаютъ) чувство напускное, неестественное, а между тѣмъ самъ поддается этому чувству, ищетъ случая встрѣтиться съ любимой женщиной, занимаетъ ее и передъ смертью посылаетъ за ней, желая съ ней ее еще разъ увидѣться.

Какъ мы уже говорили, романъ вызвалъ шумные толки. На автора сыпались главнымъ образомъ воп-

росы: „за кого стоитъ онъ самъ?—за Базарова или за старое поколѣніе?“ Въ этомъ заключался для многихъ весь смыслъ романа. Нужно замѣтить, что Тургеневъ старался рисовать съ одинаковой безпристрастностью оба поколѣнія, передавалъ въ романѣ то, что давала сама жизнь. Если же говорить объ его симпатіяхъ, то, очевидно, онѣ склонялись на сторону молодежи; это явствуетъ изъ многихъ мѣстъ въ его письмахъ, гдѣ онъ касается этого вопроса.

Другой изъ „дѣятелей“, *Аркадій Кирсановъ*,—кандидатъ Петербургскаго университета. Это молодой человѣкъ съ мягкимъ, какъ воскъ, податливымъ характеромъ. Онъ подчиняется во всемъ Базарову, старается слѣдовать ему въ проведеніи на практикѣ идей „нигилизма“. Въ немъ много добродушія, юнаго благородства и чистоты.

Наряду съ этими представителями молодого поколѣнія, выведены въ романѣ нѣсколько каррикатурныя фигуры *Ситникова* и *Кукшиной*.

Изъ нихъ болѣе содержательна Кукшина; хотя она и ходитъ неряшливо одѣтой, хоть и не разрѣзываетъ выписываемыхъ журналовъ, но все же мы видимъ, что ее занимаютъ и серьезные вопросы, что она интересуется ими.

Представителями стараго поколѣнія, „отцами“, являются Николай Петровичъ Кирсановъ, братъ его, Павелъ Петровичъ, и родители Базарова.

Въ *Николаѣ Петровичѣ* нѣтъ ни одной рѣзкой характерной черты; это человѣкъ безхарактерный, непригодный къ какой-нибудь опредѣленной дѣятельности. Онъ очень добръ, любитъ поэзію; онъ стушевывается по своей робости, конфузливости, передъ Базаровымъ и даже передъ своимъ молоденькимъ Аркадіемъ, хотя онъ, очевидно, умнѣе послѣдняго.

Павелъ Петровичъ человѣкъ очень неглупый, съ характеромъ. Онъ образованъ въ духѣ своего времени, интересуется наукой—несмотря на свою ненависть къ Базарову, онъ постоянно съ интересомъ слѣдитъ за опытами послѣдняго. Онъ „джентльмэнъ съ головы до ногъ—благороденъ, безукоризненно честенъ, сдержанъ и изысканно-вѣжливъ. Это отживающій человѣкъ печоринскаго типа, второй четверти минувшаго вѣка. Среди новой жизни онъ является уже чѣмъ-то лишнимъ, отживающей тѣнью.

Въ описаніе *родителей Базарова* авторъ вложилъ много теплоты, съ которой онъ изображаетъ на фонѣ обыденной жизни ихъ простыя, человѣческія чувства.

Романъ „Отцы и дѣти“ является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. Помимо правдивости и яркости характеровъ романа, онъ замѣчателенъ, какъ образецъ общественнаго романа, въ которомъ авторъ вѣрно угадалъ характерныя черты своего времени. Нужно сказать, кромѣ того, что въ немъ изображается явленіе постоянное, вѣчное—смѣна стараго, отживающаго поколѣнія новымъ, молодымъ.

Тотъ разладъ, который поселился между Тургеневымъ и русской публикой, по крайней мѣрѣ, частью ея, увидѣвшей въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ доказательство реакціоннаго направленія автора, будто бы осмѣивавшаго молодое поколѣніе, сильно подѣйствовалъ на него и послужилъ причиной тому мрачному, пессимистическому настроенію, которое характерно для послѣдующаго, третьяго періода его жизни и дѣятельности. Это пессимистическое, безнадежное настроеніе выразилось въ повѣсти „*Призраки*“—произведеніи, значительномъ въ художественномъ отношеніи, и въ ли-

рическомъ отрывкѣ „*Довольно*“. Въ повѣсти „Призраки“ описываются фантастическія скитанія автора съ его музой Эллисъ и, затѣмъ, смерть послѣдней. Въ „Довольно“ авторъ въ отчаяніи прощается со своей дѣятельностью. Кстати замѣтимъ, что эти два произведенія послужили основой для ядовитой пародіи „Мерси“, которую читаетъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго писатель Кармазиновъ, въ лицѣ котораго былъ изображенъ Тургеневъ.

Въ 1867 году появляется романъ „*Дымъ*“. Въ этомъ произведеніи, представляющемъ собой острую сатиру, Тургеневъ изобразилъ жизнь двухъ противуположныхъ партій: партіи прогрессивной, либеральной, вожакомъ которой является Губаревъ, и партіи реакціонной, консервативной, состоящей изъ цвѣта русской аристократіи—князей, генераловъ, и чуть-ли не государственныхъ людей. И та и другая партія осмѣяны имъ съ безпощадной строгостью; всѣ ихъ споры, поступки оказываются „дымомъ“. Критикуя так. образ. представителей общественнаго движенія Россіи, авторъ не указываетъ намъ настоящихъ людей, людей дѣльныихъ, къ которымъ онъ относился бы сочувственно. Весь романъ производитъ впечатлѣніе чего-то тяжелаго, безвыходнаго.

Дѣйствіе романа, развивающееся на фонѣ жизни упомятутыхъ партій, замѣчается въ исторіи любовныхъ отношеній Литвинова и Ирины.

Фигура *Литвинова* вышла довольно блѣдной и малоуловимый. Еще будучи студентомъ, онъ полюбилъ Ирину и пользовался взаимностью, но затѣмъ, увлеченная успѣхомъ, который имѣла ея красота, Ирина уѣзжаетъ въ Петербургъ и тамъ выходитъ замужъ за молодого генерала Ратмирова. Черезъ десять лѣтъ

Литвиновъ снова встрѣчаетъ ее, и ихъ старыя отношенія возобновляются; онъ не можетъ противостоять ея любви, хотя у него есть невѣста; онъ прерываетъ связь съ невѣстой, которая уѣзжаетъ въ Россію, кончаетъ свои планы и занятія. Очевидно эти планы были для него не чѣмъ то завѣтнымъ, а лишь дѣломъ долга или выгоды. Болѣе вѣроятно послѣднее—планы касались т. обр. устройства его имѣнія.

Повидимому, нельзя считать Литвинова тѣмъ человѣкомъ дѣла, котораго ищетъ читатель среди пустыхъ представителей обѣихъ „партій“. Рядомъ съ нимъ стоитъ фигура *Ирины*. Она вбзбуждаетъ въ читателѣ то симпатію, то противуположное чувство.

Ирина постоянно какъ-то нервна, неустойчива. Отказавшись еще институткой отъ Литвинова, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ простой, но, можетъ-быть, болѣе разумной жизни, чѣмъ ея послѣдующая, она вышла замужъ за ген. Ратмирова. Скоро, однако, поняла она свое одиночество въ великосвѣтской средѣ; ее начало, очевидно, тяготить отсутствіе жизни, имѣющей какой-нибудь смыслъ, значеніе. Тутъ встрѣчается она съ Литвиновымъ, и въ ней воскресаетъ ея прежнее чувство къ нему. Она видитъ въ немъ спасителя, который дастъ ей настоящую, полную жизнь, и она всей душой отдается въ его власть. Но когда онъ требуетъ ея разрыва со свѣтомъ, предлагаетъ ей уѣхать, она не можетъ рѣшиться на это. Въ ней живетъ стремленіе вырваться изъ окружающей обстановки, но въ то же время она не въ силахъ совсѣмъ отказаться отъ нея. Эта раздвоенность, нерѣшительность и служитъ причиной ея постоянныхъ колебаній.

Въ отличіе отъ предыдущихъ героинь Тургенева—Лизы, Елены, мы не видимъ въ ней никакой „руководящей идеи“; вообще она крайне бѣдна духовнымъ содержаніемъ.

Характерны для нея высокіе порывы, перемежающіеся съ самыми низкими съ точки зрѣнія нравственности.—

Глава партіи республиканцевъ, либераловъ, нигилистовъ—нѣкто *Губаревъ*, „человѣкъ наружности туповатой“, „лобастый“, „глазастый“, „губастый“, бородатый, съ косвеннымъ, внизъ устремленнымъ взглядомъ“. Онъ мало говоритъ, но пользуется значеніемъ въ кружкѣ. Онъ нѣсколько лѣтъ дѣйствовалъ въ качествѣ главнаго лица—разсылалъ своихъ приверженцевъ. Вскорѣ многіе были взяты „подъ порку“, а Губаревъ остался на сторонѣ.

Кромѣ него, въ кружкѣ состоятъ Титъ Биндасовъ, г-жа Суханчинова, Ворошиловъ. Всѣ они очень самоувѣренны, нетерпимы. Въ своихъ разсужденіяхъ доходятъ до того, что подъ конецъ уже не понимаютъ, о чемъ говорятъ. Однимъ словомъ, весь кружокъ представляетъ собой кучку жалкихъ болтуновъ. На ряду съ ними Тургеневъ рисуетъ намъ кружокъ аристократовъ. Они собираются въ опредѣленное время на извѣстномъ мѣстѣ: тутъ и генералы, и „наши“, и разные несравненные диллетанты, и свѣтскія дамы и государственные мужи. Они сходятся и ведутъ себя модно, изящно, величественно—какъ подобаетъ имъ по ихъ достоинству; условившись, они не знаютъ, о чемъ говорить, занимаются переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, или слушаютъ съ восхищеніемъ, какъ какой-то выдохшійся французскій эксъ-литераторъ вретъ имъ что-то изъ старыхъ альманаховъ Шаривари и Тентамарра.

Такими красками изображены оба кружка. Отдѣльно отъ нихъ стоитъ фигура *Потугина*, на котораго обыкновенно смотрятъ какъ на выразителя мнѣнія самаго Тургенева. Онъ отставной чиновникъ министерства

финансовъ. Поклонникъ Ирины, онъ приноситъ для нея рядъ, неоцѣненныхъ жертвъ. По своимъ убѣжденіямъ— онъ ярый западникъ: онъ отрицаетъ въ Россіи всякую самобытность, отказываетъ ей даже въ изобрѣтеніи лаптей, кнута и т. п.

Въ романѣ „Дымъ“ Тургеневъ выразилъ свой взглядъ какъ на дѣятелей современнаго прогресса, такъ и на людей партіи консервативной. Нужно сказать, что онъ отмѣтилъ только отрицательныя стороны движенія.—

Въ романѣ „Новь“ онъ снова изобразилъ намъ общественное движеніе,—на этотъ разъ такъ наз. „народничество“. Движеніе это, появившееся въ 70-хъ годахъ, выразилось, главнымъ образомъ, въ стремленіи „опроститься“ для того, чтобы слиться съ народомъ, имѣть возможность лучше служить ему. Интеллигентная молодежь уходила въ народъ, старалась сжиться съ нимъ.

Движеніе это, несомнѣнно, имѣло и благопріятные результаты, но, съ другой стороны, имѣло и свои существенные недочеты; многихъ изъ нихъ авторъ коснулся въ разбираемомъ романѣ.—

Герой романа—студентъ *Нежановъ*. Онъ идетъ въ народъ, чтобъ опроститься и помочь ему выбраться изъ мрака. Однако, онъ оказывается плохимъ пропагандистомъ: ему на первый разъ удается сбыть съ рукъ двѣ три брошюры, и то безъ всякаго толку. Вообще, онъ чувствуетъ, что его призваніе совсѣмъ не въ подобной пропагандѣ, но его убѣжденія не позволяютъ ему отказаться отъ этой дѣятельности. Видя, что онъ не пригоденъ для дѣла, Нежановъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Пропаганда его не могла быть успѣшной потому, что не были достаточно подготовлены, ни народъ, ни пропагандистъ. Нежановъ, кромѣ того, былъ слишкомъ аристократъ по своимъ

наукамъ, чтобы быть въ состояніи тѣсно сблизиться съ народомъ.—

Его подругой и помощницей въ дѣлахъ является *Маріанна.* Она живетъ въ качествѣ родственницы у либеральничающаго аристократа Сипягина. Тутъ живется ей довольно тяжело; ей приходится выслушивать замѣчанія Сипягиной, постоянно напоминающей объ ея положеніи въ ихъ домѣ. Затѣмъ она знакомится съ Неждановымъ и убѣгаетъ съ нимъ. Ихъ соединяетъ не одна только любовь—нѣтъ, она идетъ съ нимъ вмѣстѣ, какъ помощница въ его дѣлѣ.

Послѣ его смерти она выходитъ замужъ за Соломина, но остается вѣрной дѣлу просвѣщенія народа. Въ ней мы видимъ уже русскую женщину, значительно шагнувшую впередъ: она не ограничивается уже интересами чисто-индивидуальнаго характера, она отдаетъ себя на служеніе народу.—

Въ качествѣ положительнаго дѣятеля является въ романѣ *Соломинъ.* Онъ служитъ на фабрикѣ, обладаетъ громаднымъ запасомъ техническихъ знаній, за что его очень цѣнятъ, какъ рабочіе, такъ и такіе люди, какъ аристократъ Сипягинъ. Какъ человѣкъ, Соломинъ представляетъ характеръ нѣсколько идеальный: онъ какъ-то слишкомъ уменъ, благороденъ, всегда простъ и спокоенъ.

Рабочіе любятъ его и обходятся съ нимъ, какъ со старшимъ товарищемъ. Соломинъ недоволенъ, „болѣетъ сердцемъ“ о томъ же, что и Нежданов и Маріанна, но, по его мнѣнію, революціонный способъ борьбы за народъ не выдерживаетъ критики. Онъ совѣтуетъ Маріаннѣ „начать“ не съ баррикадъ или чего-нибудь подобнаго, а съ болѣе простой помощи народу — совѣтуетъ ей начать съ какой нибудь Лукерьи, научить ее чему-нибудь, потомъ взяться за другую Лукерью,

тамъ ребеночка помыть, а тамъ азбуку показать—это и будетъ уже начало дѣла; Маріанна выходитъ за него замужъ и, очевидно, дѣйствительно намѣрена приняться за такого рода дѣятельность.

Фигура Соломина слишкомъ блѣдна и мало очерчена; мы не знаемъ болѣе близко внутренней жизни его, не узнаемъ, какъ же смотрѣлъ онъ собственно на дѣла народа.

Романъ „Новь“ нужно причислить къ менѣе удачнымъ произведеніемъ Тургенева. Онъ былъ встрѣченъ критикой несочувственно. Причиной неудачи въ данномъ случаѣ нужно считать то обстоятельство, что написанъ романъ во второй періодъ жизни Тургенева, когда большую часть времени онъ проводилъ заграницей. „Живя далеко отъ Россіи, онъ не могъ такъ хорошо понимать новыя теченія, возникающія въ русскомъ обществѣ, вникать въ его настроеніе.

Особенности творчества Тургенева и его значеніе въ русской литературѣ.

Тургеневъ является однимъ изъ наиболѣе блестящихъ писателей сороковыхъ годовъ, преемникомъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Какъ художникъ, онъ, однако, существенно отличается отъ нихъ. Во первыхъ, онъ выработалъ себѣ своеобразный стиль, отличительнымъ признакомъ котораго является мягкость тоновъ, чрезвычайная тонкость и изящность отдѣлки, доходящая до обрисовыванія мелкихъ деталей. Въ художественномъ отношеніи, наибольшее значеніе имѣютъ его описанія природы, главнымъ образомъ, природы средней полосы Россіи. Эти описанія разсѣяны по большей части въ „Запискахъ Охотника“; въ послѣдую-

щихъ произведеніяхъ онѣ обыкновенно встрѣчаются въ видѣ частыхъ вставокъ, ярче оттѣняющихъ душевное состояніе какого-нибудь героя, сообщающихъ полность какой-нибудь картинѣ.

Тургеневъ далъ намъ рядъ типовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Въ лицѣ своихъ героевъ онъ часто выводитъ представителей разныхъ теченій.

Особенно интересны женскіе типы Тургенева—Лиза, Наташа, Елена,—достойные стоять въ одномъ ряду съ предыдущими героинями русской литературы.

При обрисовкѣ своихъ героевъ Тургеневъ не любитъ углубляться въ анализъ ихъ душевныхъ движеній; онъ рисуетъ ихъ скорѣй, какъ художникъ, даетъ ихъ фигуры, портреты.

Содержаніе для своихъ произведеній Тургеневъ беретъ, за рѣдкими исключеніями, изъ окружающей жизни—это и служитъ причиной тому, что наиболѣе слабо обрисованныя фигуры въ его произведеніяхъ все же правдивы. Это рисунки, сдѣланные поверхностно, но правильно. Онъ касается въ своихъ произведеніяхъ жизни самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, начиная съ забитаго крѣпостного, кончая аристократомъ-помѣщикомъ. Въ произведеніяхъ его отражается жизнь отдѣльныхъ личностей, жизнь всего общества; отражаются тѣ движенія, теченія, которыя возникали въ обществѣ. Тургеневъ обладалъ замѣчательной способностью чутко уловить только-что начинающееся въ обществѣ движеніе, схватывать его характерныя черты и передавать ихъ въ поэтическихъ образахъ. Такимъ способомъ получились фигуры цѣлаго ряда героевъ его крупныхъ произведеній. Во всѣхъ произведеніяхъ его, однако, наряду съ изображеніемъ извѣстнаго общественнаго явленія, видимъ мы любовную интригу. Изображеніе любви—это, такъ сказать,

одна изъ основныхъ спеціальностей нашего писателя.

Отношеніе его къ изображаемымъ героямъ, за рѣдкими исключеніями, объективное. Это отношеніе является отчасти слѣдствіемъ требованія художественной правды, отчасти вытекаетъ изъ отличительныхъ чертъ характера Тургенева—широкой терпимости, требованія для всякой личности внутренней свободы. По своимъ общественнымъ убѣжденіямъ онъ былъ западникъ, но это не мѣшало ему въ лицѣ Паншина осмѣять отрицательныя стороны этого направленія. Въ качествѣ представителя извѣстной школы, Тургеневъ можетъ быть названъ натуралистомъ. Онъ требовалъ отъ писателя, рисующаго извѣстную среду, строгаго изученія этой среды, правдивости и вѣрности ея изображенія.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Біографія 7

Разборъ произведеній 17

1 „Записки Охотника:“

„Хорь и Калинычъ“ 18

„Касьянъ съ Красивой Мечи“ 19

„Бирюкъ“ 21

„Живыя мощи“ . . . . . —

„Пѣвцы“ 22

„Бурмистръ“ 23

„Ермолай и мельничиха“ 24

„Льговъ“ 25

2. „Муму“ 26

„Постоялый дворъ“ 27

3: „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“ . . . . . —

„Дневникъ лишняго человѣка“ 29

4. „Рудинъ.“ 30

„Ася“ 35

5. Романы:

„Дворянское гнѣздо“ 37

„Наканунѣ“ 44

„Отцы и дѣти“ 50

„Дымъ“ 58

„Новь“ . . . . . —

Особенности творчества Тургенева и его значеніе въ русской литературѣ. 60

Ѳ. М. Достоевскій.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО.
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр., д. № 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІИ.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій родился въ Москвѣ 30-го октября 1821 года. Отецъ его служилъ врачемъ при московской Маріинской больницѣ. Мать происходила изъ купечества. Дѣтство Ѳеодора Михайловича протекло среди родной семьи, гдѣ царили строгіе и патріархально-благочестивые нравы. Семейство Достоевскихъ жило безпрерывно въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока въ 1831 г. родители Ѳеодора Михайловича не пріобрѣли небольшую деревеньку въ Тульской губерніи. Съ этихъ поръ мать съ дѣтьми (ихъ было кромѣ Ѳеодора еще шестеро; онъ былъ вторымъ по старшинству сыномъ) каждый годъ на лѣто отправлялась въ деревню. Объ этихъ поѣздкахъ и о жизни въ деревнѣ у Ѳеодора Михайловича остались навсегда самыя отрадныя воспоминанія. Первоначальнымъ воспитаніемъ и образованіемъ Достоевскаго занимались отчасти родители, отчасти наемные учителя: отецъ училъ его латыни, а закону Божьему и французскому языку учили дьяконъ, преподаватель Елизаветинскаго института, и Н. И. Сушардъ.

„Вообще, говоритъ Соловьевъ, несмотря на скудность средствъ, заставляющихъ всю семью тѣсниться въ двухъ-трехъ комнатахъ цѣлыми зимами, родители Достоевскаго не жалѣли денегъ, чтобъ дать своимъ дѣтямъ по возможности хорошее воспитаніе. Только оно было немного страннымъ и строгимъ... Дѣтей

держали строго, особенно отецъ, который терпѣть не могъ шалостей, любилъ, чтобы они постоянно занимались дѣломъ и мечталъ, повидимому, о томъ, чтобы пустить ихъ „по ученой части“... До 16-17 лѣтъ дѣтей держали, какъ маленькихъ, никуда не пускали однѣхъ заставляли отправляться въ школу и возвращаться педантически аккуратно, никогда не давали ни копейки карманныхъ денегъ, словомъ, слишкомъ уже тянули на помочахъ. Мало того: дѣти росли исключительно въ собственной семьѣ, не имѣя товарищей и не зная, что дѣлается въ Божьемъ мірѣ, за больничными стѣнами. Оттого-то Ѳеодоръ Михайловичъ никогда и впослѣдствіи не могъ научиться жить съ людьми. Виноватъ въ этомъ и характеръ его, слишкомъ капризный, меланхолическій, такъ сказать, „тяжкодумный“, отчасти и его привычка».—Такое воспитаніе, строгость отца, человѣка угрюмаго, недовѣрчиваго и подозрительнаго, вѣчный контроль, а съ другой стороны—незнакомство съ людьми, все это способствовало развитію въ Достоевскомъ той нервности и той неуравновѣшенности, которыми отличался онъ во всю свою жизнь.

Въ 1834 г. Ѳеодоръ Михайловичъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ былъ отданъ въ извѣстный тогда въ Москвѣ пансіонъ Гермака. Для Достоевскаго съ поступленіемъ сюда явилась возможность пользоваться книгами изъ библіотеки пансіона. Онъ зачитывается Вальтеръ Скоттомъ, увлекается Пушкинымъ, Нарѣжнымъ и др. Съ „Исторіей Гос. Росс.“ и „Письмами рускаго путешественника“ Карамзина, равно какъ и съ сочиненіями и біографіями Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Лажечникова и Загоскина онъ былъ знакомъ уже дома. Въ пансіонѣ Гермака ему жилось довольно хорошо, что обусловливалось гу-

маннымъ характеромъ воспитанія въ этомъ заведеніи. Въ 1837 г. Достоевскій лишился матери; въ томъ же году оба брата были отправлены въ Петербургъ, гдѣ они на время были отданы въ подготовительный пансіонъ К. Ф. Костомарова. Съ наступленіемъ учебнаго года Ѳеодоръ Михаиловичъ былъ принятъ въ Инженерное училище. Братъ его былъ забракованъ на докторскомъ осмотрѣ. Предметами преподаванія въ Инженерномъ училищѣ были, главнымъ образомъ, науки прикладного, практическаго характера и поэтому не удивительно, что Достоевскій мало интересовался ими. Нравы, господствовавшіе въ училищѣ также были ему не по сердцу. Отличаясь угрюмымъ, замкнутымъ характеромъ, онъ рѣдко сходился съ товарищами и все свободное время посвящалъ чтенію. Въ Инженерномъ училищѣ онъ познакомился съ Гёте, Шиллеромъ, Бальзакомъ, Жоржъ-Зандъ, В. Гюго, Гофманомъ и др. Къ этому времени относятся и первые литературные опыты Достоевскаго. Онъ принимается сперва за драму „Борисъ Годуновъ“ а затѣмъ за передѣлку „Маріи Стюартъ“.—

Въ 1839 г. умираетъ отецъ Достоевскаго. Въ 1843 г. Ѳеодоръ Михайловичъ кончаетъ офицерскій классъ училища и опредѣляется на службу при Петербургской инженерной командѣ. Достоевскій оставался на службѣ отъ 1843 до 1844 г.; за это время онъ часто терпѣлъ матеріальную нужду, хотя и располагалъ 5000 рублями въ годъ. Еще болѣе ухудшилось его матеріальное положеніе послѣ того, когда онъ оставилъ службу, совершенно не соотвѣтствовавшую его характеру и стремленіямъ. Оставивъ службу, Достоевскій принимается за литературу. Онъ начинаетъ съ переводовъ, затѣмъ принимается и за свой первый романъ „Бѣдные люди“. Въ 1845 г., въ маѣ мѣсяцѣ, ро-

манъ былъ оконченъ; Достоевскій черезъ Григоровича, бывшаго ему товарищемъ по Инженерному училищу, переслалъ его Некрасову. Извѣстенъ разсказъ самого Достоевскаго (въ „Дневникѣ писателя“) о томъ, какъ явились къ нему ночью Григоровичъ и Некрасовъ, чтобы высказать свое восхищеніе по поводу романа. Самъ Бѣлинскій, на слова Некрасова „новый Гоголь явился“, недовѣрчиво заявившій, что „нынче Гоголи у насъ ростутъ, какъ грибы“, пришелъ въ волненіе и просилъ скорѣй познакомить его съ Достоевскимъ, какъ только прочиталъ его романъ. Извѣстность Достоевскаго быстро ростетъ, имъ начинаютъ интересоваться вездѣ, его наперерывъ приглашаютъ въ извѣстные литературные дома. Все это вскружило голову молодому писателю; увлекшись, онъ не сдерживался въ должныхъ границахъ, сталъ высокомѣренъ, заносчивъ и этимъ вскорѣ испортилъ свои добрыя отношенія съ кружкомъ Бѣлинскаго.—

Слѣдующія произведенія Достоевскаго, относящіяся къ этому періоду, не произвели уже такого впечатлѣнія и были встрѣчены критикой очень сдержанно, даже недружелюбно. Къ этимъ произведеніямъ относятся: „Романъ въ девяти письмахъ“, „Ползунковъ“, „Слабое сердце“, „Двойникъ“, „Господинъ Прохарчинъ“, „Хозяйка“, „Чужая жена“ „Ревнивый мужъ“, „Елка и свадьба“, „Бѣлыя ночи“, „Неточка Незванова“, „Маленькій герой“.—

Въ это время Достоевскій сближается съ Яновскимъ и Бекетовымъ. Онъ поселяется даже съ ними въ одной квартирѣ, на коммунальныхъ началахъ. Затѣмъ онъ пристаетъ къ кружку фурьеристовъ; тутъ онъ принимаетъ участіе въ спорахъ, горячится, но, хотя и высказываетъ подчасъ очень крайніе взгляды, въ сущности, остается мирнымъ человѣкомъ компро-

мисса, восторгающимся стихами Пушкина о томъ, какъ падетъ рабство „по манію царя“. Все же, 23-го апрѣля 1849 года, когда были арестованы члены кружка Петрашевскаго и кружковъ, зависящихъ отъ него, въ числѣ арестованныхъ былъ и Достоевскій. Онъ подвергся военно-полевому суду и въ числѣ другихъ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Предъ самой казнью этотъ приговоръ былъ отмѣненъ по Высочайшему повелѣнію и лично для Достоевскаго замѣненъ четырехъ-лѣтней каторгой, съ зачисленіемъ потомъ въ рядовые.—

Каторжная жизнь произвела на Достоевскаго гнетущее впечатлѣніе. Обстановка, въ которой приходилось ему жить, описана имъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Первые три года онъ былъ лишенъ возможности читать какія-либо книги, кромѣ Евангелія, и только на 4 году, при новомъ плац-маіорѣ, позволено было ему доставать книги.

Постоянное чтеніе Евангелія, единственной дозволенной въ каторгѣ книги, усилило въ немъ то настроеніе, которое преобладало уже съ дѣтства—религіозное, отчасти мистическое. Жизнь въ каторгѣ подточила его здоровье до того, что одно время онъ былъ недалекъ отъ душевной болѣзни. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ отразилась жизнь въ каторгѣ на духовномъ развитіи Достоевскаго, на развитіи его таланта и міросозерцанія. Мнѣнія ученыхъ по этому поводу расходятся: одни увѣряютъ, что каторга была полезна для Достоевскаго, что она была для него „урокомъ народной правды“, что она развила его литературный талантъ; другіе говорятъ противоположное.

2-го марта 1854 г. кончился срокъ каторги, и Достоевскій былъ зачисленъ рядовымъ въ Сибирскій

линейный № 7 батальонъ. По вступленіи на престолъ Александра II—въ 1855 г.—онъ былъ произведенъ въ прапорщики. Получивъ сравнительную свободу, Достоевскій тотчасъ принимается за занятія литературой.

Въ Сибири были написаны: „Дядюшкинъ Сонъ“, „Село Степанчиково и его обитатели“ и задуманы „Записки изъ Мертваго дома“. Тутъ же (въ Кузнецкѣ) Достоевскій черезъ два года—въ 1856 г.—женился на Маріи Дмитріевнѣ Исаевой.

Въ 1859 г. Достоевскому удается получить увольненіе отъ военной службы и разрѣшеніе выѣхать въ Европейскую Россію. Онъ поселяется сперва въ Твери, но, получивъ затѣмъ позволеніе жить вездѣ безъ ограниченій, переѣзжаетъ въ Петербургъ.

Тутъ онъ жадно принимается за литературную и журнальную дѣятельность. Вмѣстѣ съ братомъ онъ начинаетъ съ 1861 г. издавать журналъ „Время“. Въ немъ принимаютъ участіе Ап. Григорьевъ, Н. Страховъ, Ю. Самаринъ, Константинъ и Иванъ Аксаковы и др. Уже по этимъ именамъ видно, что господствующимъ было въ журналѣ направленіе, извѣстное у насъ подъ названіемъ славянофильства. Вѣрнѣй, это были представители того полу-славянофильскаго, полу-западническаго ученія, которое называется обыкновенно ученіемъ „почвенниковъ“. Вотъ что говоритъ Е. Соловьевъ по поводу этой „почвенности“: „Въ сущности, это попытка примирить славянофильство и западничество въ русскомъ смыслѣ, т. е. съ цѣлью создать самостоятельное русское міросозерцаніе. Совсѣмъ не увлекаясь „пантавизмомъ,“ почвенники требовали для Россіи безусловной гегемоніи, признавали за ней какъ политическое, такъ и духовное первенство среди другихъ славянскихъ племенъ. У славянофиловъ они заимствовали идею о необходимости воз-

вратиться къ основамъ народной жизни, отъ которыхъ насъ отвлекла излишняя подражательность, излишнее лакейство и холопство передъ Европой. Но европейской культуры они не отрицали, только требовали, чтобы она не подавляла русской самобытности, чтобы она была переработана, и стала органическимъ элементомъ русской жизни. Европейская культура—это только средство, а не цѣль для выясненія русскаго самобытнаго духа"...

Достоевскій редактировалъ журналъ „Время" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ его сотрудникомъ. Здѣсь были помѣщены его „Униженные и оскорбленные" и „Записки изъ мертваго дома". Кромѣ того, самъ Достоевскій велъ критическій отдѣлъ журнала. Журналъ „Время" имѣлъ успѣхъ и далъ возможность Достоевскому съѣздить за границу. — Плодомъ этой поѣздки явились „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ". Вскорѣ однако—въ 1863 г.—журналъ „Время" былъ закрытъ за неправильно понятую цензурой статью Страхова о польскомъ возстаніи.

Въ 1863 г. Достоевскій снова совершилъ поѣзку за границу, но проигрался въ рулетку въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ. Этотъ эпизодъ описанъ въ его романѣ „Игрокъ". Въ слѣдующій годъ онъ лишился своей жены и горячо-любимаго брата.

Послѣ закрытія „Времени" Михаилъ Достоевскій предпринялъ новый журналъ, названный „Эпохой", но на этотъ разъ дѣло пошло неудачно. Книжки выходили съ опозданіемъ, затѣмъ среди года умеръ Михаилъ Достоевскій, и произошла задержка до назначенія новаго оффиціальнаго редактора.

Ѳедору Достоевскому осталось расплачиваться съ долгами по редакціи и въ то же время содержать оставшуюся безъ средствъ семью умершаго брата.

Паденіемъ „Эпохи“ заканчивается для Достоевскаго періодъ издательства. Начинается періодъ большихъ романовъ. Слѣдующія нѣсколько лѣтъ онъ долженъ былъ работать для того, чтобы выпутаться изъ долговъ Въ 1866 г. былъ оконченъ романъ „Преступленіе и наказаніе“ и напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова. Затѣмъ Достоевскій принимается за новое произведеніе—романъ „Игрокъ“. Новый романъ долженъ былъ быть оконченъ къ сроку и войти въ собраніе сочиненій, право печатанія котораго было продано Достоевскимъ Стелловскому за 3000 р. Для большей успѣшности работы Достоевскій пригласилъ стенографистку, которой онъ и диктовалъ свой романъ. Эта дѣвушка, Анна Григорьевна Слиткина, стала вскорѣ его женой.

Черезъ 2 мѣсяца послѣ свадьбы Достоевскій съ молодой женой уѣхалъ за границу, гдѣ они и оставались въ продолженіе 4-хъ лѣтъ. Они жили въ Женевѣ, Миланѣ, а главнымъ образомъ въ Дрезденѣ и Флоренціи. Хотя здоровье Достоевскаго находилось въ очень расшатанномъ состояніи — его мучили припадки эпилепсіи, начавшіеся еще въ Сибири—тѣмъ не менѣе, плодомъ его трудовъ за это время явились 3 крупныхъ романа: „Идіотъ“, напечатанный въ 1868 и 1871—1872 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Вѣчный мужъ“, появившійся въ 1870 г. въ „Зарѣ“ и „Бѣсы“, появившійся въ 1870 г. Въ 1871 г. Достоевскій возвращается въ Россію.

Въ 1873 г. онъ начинаетъ редактировать „Гражданина“. Эти годы онъ проводитъ обыкновенно зиму въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжаетъ въ Старую Руссу, гдѣ для этой цѣли имъ былъ пріобрѣтенъ домъ со стариннымъ садомъ. Временами онъ уѣзжаетъ для поправленія здоровья въ Эмсъ.

За зиму 1874—5 г., проведенную въ Старой Руссѣ, былъ написанъ романъ „Подростокъ“, напечатанный въ „Отечественныхъ запискахъ“ въ 1875 г.

Въ 1876 г. Достоевскій начинаетъ издавать „Дневникъ писателя“, нѣчто вродѣ ежемѣсячнаго журнала, состоящаго изъ его собственныхъ статей политическаго, отчасти публицистическаго и иногда автобіографическаго характера. „Дневникъ писателя“ расходился въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Послѣдній періодъ жизни Достоевскаго протекаетъ спокойно; денежныя дѣла поправляются, и слава его, какъ писателя, возрастаетъ.

Въ послѣдній годъ жизни на его долю выпалъ шумный успѣхъ, вызванный рѣчью, сказанной 8-го іюня 1880 г. въ „обществѣ любителей россійской словесности“, по поводу открытія памятника Пушкину. Со всѣхъ сторонъ посыпались къ нему выраженія восторга, пожеланія, возраженія и т. д. Достоевскій выпустилъ эту рѣчь въ августовской книжкѣ „Дневника писателя“ 1880 г.—единственной въ этомъ году. Въ томъ же 1880 г. онъ кончилъ одно изъ своихъ главныхъ произведеній—романъ „Братья Карамазовы“.

28-го января 1881 г. Достоевскій умеръ отъ разрыва легочной артеріи. Онъ былъ похороненъ при громадномъ стеченіи народа въ Александро-Невской Лаврѣ.

Разборъ произведеній.

Бѣдные люди.

Первымъ произведеніемъ Достоевскаго, сразу обратившимъ на него вниманіе критики и общества и выдвинувшимъ его въ число извѣстныхъ русскихъ писателей, былъ романъ „Бѣдные люди“.

Пожилой чиновникъ — Макаръ Дѣвушкинъ—переписывается съ молодой, одинокой дѣвушкой—сиротой, Варварой Доброселовой. Эта переписка и составляетъ весь романъ. — Дѣвушкинъ съ трогательной нѣжностью заботится о Варенькѣ: онъ старается развлечь ее, посылаетъ ей цвѣты, конфекты и т. д. Варенька со своей стороны отвѣчаетъ на это глубокой благодарностью. Въ началѣ романа Дѣвушкинъ пишетъ ей въ самомъ „розовомъ настроеніи“; онъ говоритъ о веснѣ, о своихъ „нѣжныхъ мечтаніяхъ“ и т. д. Варенька въ своемъ отвѣтѣ подсмѣивается надъ нимъ и напоминаетъ ему о его лѣтахъ. Это приводитъ бѣднаго Дѣвушкина въ тоску и уныніе.

Варенька посылаетъ ему свои записки, въ которыхъ описана ея предыдущая жизнь. Изъ нихъ мы узнаемъ слѣдующее. Отецъ Вареньки былъ управляющимъ имѣнія князя П—го. Дѣтство Варенька провела въ деревнѣ. Но вотъ умираетъ старый князь, и отцу Вареньки отказываютъ отъ мѣста. Вся семья переселяется въ Петербургъ. Тутъ Вареньку отдаютъ въ пансіонъ, гдѣ она, кромѣ слезъ, ничего не видитъ. Между тѣмъ матеріальное положеніе ихъ семьи становится все хуже и хуже. Отецъ Вари внезапно умираетъ, и кредиторы отбираютъ ихъ послѣднее имущество, оставивъ безъ средствъ Варю съ матерью. Послѣднія поселяются у своей дальней родственницы — Анны Ѳеодоровны. Живется имъ у нея довольно плохо — она относится къ нимъ свысока и чуть ли не попрекаетъ кускомъ хлѣба. Сама Анна Ѳеодоровна занимается чѣмъ-то подозрительнымъ. Варя влюбляется въ студента Покровскаго, но ихъ счастье продолжается недолго — Покровскій умираетъ отъ чахотки. Вскорѣ затѣмъ умираетъ и мать Вари... На этомъ мѣстѣ записки прерываются.

Изъ слѣдующихъ писемъ мы узнаемъ, что Дѣвушкинъ продолжаетъ все такъ-же заботиться о Варенькѣ; между прочимъ, онъ ѣздитъ съ ней гулять на острова. Варенька посылаетъ ему книги. „Станціонный смотритель“ Пушкина нравится Дѣвушкину, но отъ „Шинели“ Гоголя онъ приходитъ въ негодованіе.

Варенькѣ между тѣмъ представляется возможность получить мѣсто гувернантки, но она отказывается, по совѣту Дѣвушкина. Вскорѣ затѣмъ Дѣвушкинъ узнаетъ, что къ Варенькѣ являлся какой-то офицеръ— „искатель“. Напившись съ горя, Дѣвушкинъ является къ офицеру за объясненіями. Его выталкиваютъ вонъ. У Вареньки снова бѣда: къ ней является почтенный старикъ — дядя того офицера — и заводитъ знакомство, вполнѣ ясно выражая желаніе сдѣлать ее своей любовницей. Она проситъ Дѣвушкина достать ей денегъ, чтобы переѣхать на другую квартиру, но денегъ Дѣвушкину достать не удается. — Въ это время съ послѣднимъ происходитъ слѣдующій случай: его вызываетъ въ свой кабинетъ начальникъ, чтобы сдѣлать ему выговоръ; однако, пораженный его бѣдной внѣшностью, онъ даетъ ему 100 рублей и жметъ руку, что приводитъ Дѣвушкина въ страшное смущеніе, но въ то же время и въ страшную радость. Наконецъ, къ Варенькѣ является внезапно г. Быковъ, бывшій, очевидно, виновникомъ ея паденія у Анны Ѳеодоровны. Онъ предлагаетъ ей выйти за него замужъ и уѣхать къ нему въ деревню. Варенька рѣшается принять его предложеніе. Дѣвушкинъ помогаетъ имъ въ свадебныхъ хлопотахъ. Затѣмъ Варенька уѣзжаетъ, а онъ остается одинъ.

Макаръ Дѣвушкинъ — „чиновникъ для переписыванія“ въ одной изъ канцелярій Петербурга. Онъ забитъ и запуганъ. Себя онъ считаетъ маленькимъ чело-

вѣкомъ, которому уже судьбой положено занимать надлежащее мѣсто. Вообще, относительно всѣхъ людей онъ думаетъ, что каждому указано свое мѣсто, что кто рожденъ, чтобъ быть генераломъ, а кто и подобнымъ ему, „крысой“. Несмотря на искреннее сознаніе собственной незначительности, приниженности, въ немъ порой, однако, прорываются „вольнодумныя мысли“. „Отчего же все это такъ случается, разсуждаетъ онъ, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣніи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается... Зачѣмъ одному еще въ чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ?.. что фракъ-то сидитъ на немъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ — такъ ужъ ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужъ и рѣчь его непристройную снисходительно слушать надо! Полно, такъ-ли?“... Тутъ мы видимъ уже признаки пробужденія чувства собственнаго достоинства.

Умственный кругозоръ Дѣвушкина довольно ограниченъ, но зато въ немъ такой запасъ доброты, гуманности, чуткости и деликатности. Онъ помогаетъ Варенькѣ, посылаетъ ей конфекты, цвѣты, всячески старается ее развлечь и заботится о ней, а въ то же время самъ еле перебивается. Для того, чтобы Варенька не безпокоилась, онъ выдумываетъ какой-то несуществующій капиталъ въ ломбардѣ. Въ своей простотѣ онъ считаетъ Вареньку ни въ чемъ себѣ не обязанной, скорѣй даже напротивъ: самъ онъ нашелъ въ ней человѣка, къ которому могъ направить свою любовь.

Чувство этого уже пожилого человѣка къ Варенькѣ нельзя назвать чувствомъ старика къ воспитанницѣ, отца къ дочери — нѣтъ, тутъ сквозитъ нѣчто иное—

любовь, чувство, въ которомъ, однако, бѣдняга старается изо всѣхъ силъ разувѣритъ себя.

Въ общемъ въ Дѣвушкинѣ мы находимъ нѣкоторое сходство съ Акакіемъ Акакіевичемъ Гоголя, но онъ несравненно выше послѣдняго, мечты котораго не простираются далѣе мыслей о теплой новой шинели.

Варя Доброселова — это одна изъ основныхъ женскихъ типовъ Достоевскаго, видоизмѣненный имъ въ лицѣ Насти въ романѣ „Село Степанчиково“, Сони въ „Преступленіи и Наказаніи“ и т. д. Какъ и большинство женскихъ типовъ въ русской литературѣ, онъ отзывается неполностью.

Въ романѣ „Бѣдные люди“ Достоевскій сразу обнаружилъ своеобразныя черты своего таланта — глубину психологическаго анализа и способность отыскивать въ душѣ человѣка лучшія чувства. Несмотря на то, что романъ произвелъ сильное впечатлѣніе, были, однако, тотчасъ отмѣчены и его слабыя стороны — излишняя растянутость, дѣлающая его чтеніе утомительнымъ, повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ, а также нѣкоторая подражательность Гоголю, замѣтная какъ въ фигурѣ Макара Дѣвушкина, такъ и въ способѣ выраженія и оборотахъ рѣчи. Въ настоящее время это произведеніе имѣетъ не столько хурожественное, сколько историко-литературное значеніе.

„Неточка Незванова“.

Неоконченная повѣсть „Неточка Незванова“ появилась въ 18...г. Окончить ее Достоевскому, какъ извѣстно, помѣшала катастрофа, постигшая его. Повѣсть эта интересна тѣмъ, что въ ней Достоевскій

далъ намъ два дѣтскихъ типа—Неточки Незвановой и Кати. —

Отца своего Неточка не помнитъ; онъ умеръ, когда ей было два года. Мать ея вышла замужъ вторично. Отчимъ Неточки, по фамиліи Ефимовъ, музыкантъ по призванію, отличается своей необыкновенной судьбой. Онъ служитъ сперва музыкантомъ-кларнетистомъ въ оркестрѣ какъ-то богатаго помѣщика. Затѣмъ обнаруживается, что Ефимовъ обладаетъ талантомъ скрипача. Онъ уходитъ послѣ нѣкоторыхъ приключеній отъ помѣщика, живетъ затѣмъ нѣкоторое время по странствующимъ труппамъ и добирается, наконецъ, до Петербурга. —

Тутъ онъ сходится съ Б.—отъ послѣдняго Неточка и узнаетъ подробности жизни ея отчима—и они поселяются вмѣстѣ. Б.—тогда еще начинающій музыкантъ—вначалѣ восхищается Ефимовымъ, его талантомъ, энтузіазмомъ, но вскорѣ убѣждается, что „вся эта порывчатость, горячка и нетерпѣніе—не что иное, какъ безсознательное отчаяніе при воспоминаніи о пропавшемъ талантѣ, что даже, наконецъ, и самый талантъ, можетъ быть, и въ самомъ-то началѣ былъ вовсе не такъ великъ, что много было ослѣпленія, напрасной самоувѣренности, первоначальнаго самоудовлетворенія и безпрерывной мечты о собственномъ геніи“.... — Его товарищъ—отчимъ Неточки—между тѣмъ, ничего не дѣлаетъ, увѣренный въ своей силѣ. Вскорѣ затѣмъ Б. разстается съ нимъ.—

Ефимовъ по прежнему ничего не дѣлаетъ; онъ начинаетъ запивать и опускается все ниже и ниже. Б. старается нѣсколько разъ помочь ему, поднять его, но безуспѣшно. —

Затѣмъ Ефимовъ женится изъ-за денегъ на матери Неточки—энтузіасткѣ, видящей въ немъ какого-то генія.

Деньги вскорѣ оказываются прожитыми, и въ семьѣ наступаетъ нужда; Ефимовъ, между тѣмъ, продолжаетъ ничего не дѣлать и, кромѣ того, начинаетъ говорить всѣмъ и каждому, что женитьба сгубила его, его талантъ. Б. опять пытается помочь ему, достаетъ ему даже мѣсто, но и эта попытка кончается неудачей. —

Неточка между тѣмъ подрастаетъ. Она начинаетъ прислушиваться къ ссорамъ родителей, и ей начинаетъ казаться, что мать обижаетъ отчима; въ ней пробуждается жалость и любовь къ нему. Пользуясь ея привязанностью, отчимъ заставляетъ ее утаивать отъ матери деньги. —

Но вотъ пріѣзжаетъ знаменитый скрипачъ С—ъ. Отчимъ Неточки, мнящій себя геніальнымъ музыкантомъ и ревнующій каждую вновь появляющуюся знаменитость, попадаетъ на его концертъ. Послѣ этого концерта онъ сходитъ съ ума, убѣдившись въ своемъ ничтожествѣ, въ томъ, что онъ не геній, что онъ всю жизнь только обманывалъ себя. Мать Неточки въ эту же ночь умираетъ. Сама Неточка попадаетъ въ домъ князя Х-го.—

Тутъ она вскорѣ знакомится съ дочерью князя—Катей. Сначала Катя относится къ ней холодно, но послѣ того, какъ Неточка великодушно принимаетъ на себя ея вину, въ Катѣ прорывается давно зародившаяся любовь къ послѣдней. Ихъ, однако, скоро разлучаютъ, и Катя уѣзжаетъ. —

Неточка поселяется послѣ этого у старшей дочери князя — Александры Михайловны. Она сильно привязывается къ послѣдней и уже дѣвушкой совершаетъ рядъ самоотверженныхъ поступковъ. Но на томъ мѣстѣ, гдѣ какъ разъ завязывается новая драма, повѣсть обрывается. —

Неточка Незванова вырастаетъ вдали отъ людей

одна, безъ подругъ. Она рано знакомится съ горемъ, съ тяжелыми сторонами жизни, рано начинаетъ вдумываться въ окружающую ее жизнь—въ отношенія отца и матери. Не понимая того, что отчимъ ея вполнѣ достоинъ тѣхъ упрековъ, которые приходится ему выслушивать отъ жены, Неточка начинаетъ видѣть въ матери его обидчицу. Жалость къ унижаемому отчиму переходитъ въ сильную привязанность. „Во мнѣ началась какая то безграничная любовь къ отцу—разсказываетъ Неточка—но чудная любовь, какъ будто вовсе не дѣтская. Я бы сказала, что это было скорѣй какое-то сострадательное, материнское чувство, если бъ такое опредѣленіе любви моей не было немного смѣшно для дитяти...

Но до сихъ поръ не понимаю, почему именно могло войти мнѣ въ голову, что отецъ мой такой страдалецъ, такой несчастный человѣкъ въ мірѣ! Кто мнѣ внушилъ это? Какимъ образомъ я, ребенокъ, могла хоть что-нибудь понять въ его личныхъ неудачахъ?!..“ Вообще, она рано начинаетъ понимать, что она „живетъ въ какомъ-то странномъ семействѣ, что родители ея какъ-то вовсе непохожи на тѣхъ людей, которыхъ ей случалось встрѣчать въ это время“.

Въ Неточкѣ развивается какая-то болѣзненная чуткость. Когда отчимъ ласками и поцѣлуями склоняетъ ее помочь ему достать деньги отъ матери, она чувствуетъ, что его ласки неискренни, что онъ хочетъ только воспользоваться ея привязанностью къ ней. Она чувствуетъ также, что и мать ея несчастлива, и только твердо засѣвшая въ ея головѣ мысль о томъ, что послѣдняя является причиной несчастій отчима, мѣшаетъ ей вполнѣ ясно понять это.—Такова была въ своей семьѣ Неточка.

Но вотъ умираютъ одинъ за другимъ ея мать и

отчимъ. Неточка попадаетъ въ чужую ей, богатую семью. Ее окружаетъ тутъ совершенно иная, незнакомая ей жизнь. Вскорѣ знакомится она съ дочерью князя—Катей, и въ ея сердечкѣ тотчасъ пробуждается любовь къ послѣдней. Съ дѣтской самоотверженностью идетъ она за нее въ „темницу“ и этимъ окончательно завоевываетъ сердце Кати.

Катя со своей стороны совершенно незнакома съ той жизнью, которая окружала до сихъ поръ Неточку. Она мало знала въ жизни горя, никогда не терпѣла нужды, и поэтому ей непонятна постоянно плачущая Неточка. Основной чертой характера Кати является гордость. Будучи кумиромъ всего дома, общей любимицей, Катя крайне избалована. Наряду съ этимъ въ ней замѣтны нѣкоторая ожесточенность и упрямство, развившіяся подъ вліяніемъ неразумнаго воспитанія: мать постоянно балуетъ Катю, но случается, что вдругъ она начинаетъ обращаться съ ней крайне строго, хотя и нѣтъ особенныхъ причинъ къ этому. Все же, въ Катѣ такъ много хорошихъ, свѣтлыхъ сторонъ, что отрицательныя черты ея характера отступаютъ на второй планъ.

Долго упрямство и гордость мѣшаютъ ей сойтись съ Неточкой, но зато, когда наступаетъ между ними сближеніе, она выказываетъ такую горячую любовь къ послѣдней.

„Униженные и оскорбленные“.

Первымъ произведеніемъ, написаннымъ Достоевскимъ послѣ возвращенія изъ ссылки, былъ романъ „Униженные и оскорбленные“. Онъ представляетъ собой разсказъ или записки неудавшагося литератора

Ивана Петровича, въ которомъ мы видимъ нѣкоторыя автобіографическія черты самого Достоевскаго.

Иванъ Петровичъ, или Ваня, какъ его по большей части называютъ въ романѣ, выросъ и воспитывался въ домѣ помѣщика Ихменева.

Этотъ послѣдній живетъ съ семьей въ своей деревнѣ и управляетъ сосѣднимъ имѣніемъ, принадлежащимъ князю Вальковскому. Князь Вальковскій находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ихменевымъ; онъ посылаетъ къ нему въ деревню своего девятнадцатилѣтняго сына Алешу.—Черезъ годъ послѣ этого между ними происходитъ разрывъ, поводомъ къ которому служатъ сплетни, старикъ Ихменевъ будтобы хочетъ женить молодого князя на своей дочери—Наташѣ. Князь отнимаетъ у Ихменева управленіе имѣніемъ и затѣваетъ съ нимъ тяжбу. Изъ за этой тяжбы семья Ихменевыхъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ и происходитъ дѣйствіе романа.

Въ Петербургѣ съ Ихменевыми встрѣчается Ваня, и они съ Наташей влюбляются другъ въ друга. Свадьбу откладываютъ на годъ, до того времени, когда Ваня будетъ въ состояніи лучше устроить свою жизнь.

Между тѣмъ къ Ихменевымъ начинаетъ приходить, понятно, тайкомъ отъ отца, молодой князь—Алеша; онъ также влюбляется въ Наташу. Она, въ свою очередь, влюбляется въ него такъ сильно, что подъ вліяніемъ своего чувства убѣгаетъ къ нему отъ родителей. Имъ въ этомъ дѣлѣ помогаетъ Ваня; онъ же переноситъ затѣмъ вѣсти отъ Наташи къ родителямъ и наоборотъ.—

Въ это время съ нимъ случается слѣдующее. Онъ нанимаетъ квартиру, въ которой жилъ до него какой-то старикъ, внезапно умершій на его глазахъ въ одной кондитерской. Вскорѣ къ нему является 13-ти

лѣтняя дѣвочка Нелли—внучка упомянутаго старика, еще не знающая о его смерти. Она убѣгаетъ отъ Вани, но ему удается узнать, гдѣ она живетъ, и затѣмъ спасти ее отъ развратной Бубновой, которая, повидимому, собиралась продать ее какому-то извращенному развратнику. Нелли поселяется у Вани.—

Между тѣмъ, старый князь, желая разстроить отношенія между Наташей и Алешей, придумываетъ слѣдующій планъ: онъ даетъ согласіе на ихъ бракъ и въ то же время намѣчаетъ для Алеши другую невѣсту, Алеша начинаетъ рѣже появляться у Наташи; онъ сходится съ Катей—невѣстой, намѣченной старымъ княземъ—и влюбляется въ нее.—

Старикъ Ихменевъ, между тѣмъ, то проклинаетъ Наташу; то собирается вызвать на дуэль князя. Наконецъ, Алеша уѣзжаетъ съ семьей Кати, и Наташа остается одна.—

Съ тѣхъ поръ, какъ Нелли поселилась у Вани, ему приходится перенести изъ-за нея много хлопотъ и стѣсненій. Сначала она его дичится, но затѣмъ привыкаетъ къ нему. Вскорѣ въ ней пробуждается любовь къ Ванѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ревность къ Наташѣ. Послѣдняя, между тѣмъ, рѣшаетъ вернуться къ родителямъ. Чтобы смягчить гнѣвъ стараго Ихменева, Ваня прибѣгаетъ къ помощи Нелли; онъ убѣждаетъ ее пойти къ Ихменевымъ и разсказать тамъ свою исторію.—

Какъ оказывается изъ разсказа Нелли, мать ея бѣжала отъ отца со своимъ любовникомъ, была затѣмъ ограблена и брошена послѣднимъ, и умерла отъ чахотки въ сыромъ подвалѣ, непрощенная отцомъ—упомянутымъ выше старикомъ. Нелли осталась у квартирной хозяйки — Бубновой. — Подъ вліяніемъ этого разсказа Ихменевъ смягчается и рѣшаетъ идти за Наташей, но въ этотъ моментъ является она сама; ее встрѣ-

чаютъ съ радостью.—Нелли остается у Ихменевыхъ. Съ ней уже раньше случались истерическіе припадки; теперь ея болѣзнь начинаетъ идти быстрымъ шагомъ; она быстро угасаетъ. Пріятель Вани—Маслобоевъ—узнаетъ, что она дочь князя Вальковскаго, что онъ и есть обольститель ея матери. Нелли умираетъ на рукахъ Вани и Ихменевыхъ. Послѣдніе уѣзжаютъ въ деревню. Самъ Ваня во время своего разсказа лежитъ въ больницѣ, близкій къ смерти.—

Вотъ вкратцѣ содержаніе романа.

Романъ „Униженные и оскорбленные“ нужно считать однимъ изъ не вполнѣ удавшихся произведеній Достоевскаго. Цѣльности его вредитъ нѣкоторая психологическая неправдоподобность и недостаточная обрисовка отдѣльныхъ лицъ, неестественность положеній. Разсмотримъ эти недостатки въ связи съ разборомъ выведенныхъ въ романѣ характеровъ. Начнемъ съ *Вани*. Онъ является передъ нами не какъ человѣкъ, страстно любящій Наташу, какимъ онъ долженъ бы быть по своей роли въ романѣ, но какъ посторонній, почти индифферентно относящійся къ ея судьбѣ. Мы не узнаемъ также его чувствъ, не узнаемъ, что думалъ онъ о томъ или иномъ лицѣ романа, что перечувствовалъ во время всѣхъ перипетій своей возлюбленной, а между тѣмъ все это должно бы быть такъ близко его сердцу; мы знаемъ только, что онъ безконечно добръ — не болѣе. Въ немъ полное отсутствіе характера (не „безхарактерность“): онъ является передъ нами, какъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а между тѣмъ мы не видимъ чертъ его лица; это „зефирондъ“, какъ назвалъ его одинъ критикъ, существо, лишенное какихъ-либо болѣе опредѣленныхъ чертъ характера. Въ немъ совершенно нѣтъ эгоизма. Этой особенностью можно только объяснить его поступки—

онъ помогаетъ Алешѣ увезти Наташу и вообще во всемъ готовъ служить своему счастливому сопернику. Несомнѣнно, такія комбинаціи возможны; но все же и при такомъ самопожертвованіи должно существовать хотя бы нѣкоторое критическое чувство, указывающее, что въ этомъ самопожертвованіи можетъ послужить въ пользу, и что во вредъ любимому человѣку. Въ Ванѣ между тѣмъ нѣтъ ни капли этого чувства.—

Неясна и фигура *Наташи*. Въ началѣ романа она возбуждаетъ интересъ, но затѣмъ этотъ интересъ постепенно ослабляется вслѣдствіе нѣкотораго однообразія. Въ общемъ она тотъ типъ разумной и доброй дѣвушки, который мы встрѣчаемъ и въ другихъ произведеніяхъ Достоевскаго, напр. въ ром. „Бѣдные люди“ въ лицѣ Вареньки. Нѣсколько непонятна любовь Наташи къ легкомысленному, недоступному этой любви Алешѣ, котораго она хорошо знаетъ. Впрочемъ, такіе случаи любви умныхъ дѣвушекъ къ недалекимъ, или даже совсѣмъ глупымъ мужчинамъ, по словамъ психопатолога проф. Чижа, вполнѣ возможны.—

Ваня изъ великодушныхъ чувствъ идеализируетъ *Алешу*, видя въ немъ какого-то невиннаго младенца 21 года. Судя же по поступкамъ Алеши, онъ просто эгоистичный, легкомысленный молодой человѣкъ. Насъ поражаетъ въ немъ, между прочимъ, одна черта—онъ не стыдится беззастѣнчиво разсказать каждую совершенную пакость.—Въ Алешѣ нѣтъ никакой самостоятельности; онъ очень ограниченъ, съ чѣмъ соглашается и самъ. Пр. Чижъ видитъ въ немъ типъ слабоумнаго отъ природы и этимъ объясняетъ все его поведеніе. Только у душевно-больнаго, по его мнѣнію, можно встрѣтить этотъ чудовищный эгоизмъ, который мы видимъ въ Алешѣ.—

Въ старомъ князѣ *Вальковскомъ* нѣтъ ничего типич-

наго;-это подлецъ, сборище всѣхъ пороковъ. Въ его душу авторъ поглубже не заглядываетъ, хотя около вертится все дѣйствіе—и драма Вани и Наташи.

Ихменевъ — это упрямый, но въ душѣ добрый старикъ, любящій свою дочь, но не желающій изъ ложной строгости и упрямства выказать эту любовь передъ своей *женой*.

Послѣдняя въ свою очередь подчинена ему, хотя безграничная любовь къ Наташѣ наконецъ и помогаетъ ей выдти изъ этого подчиненія. Довольно жизненна фигура *Маслобоева;* это пронырливый и хитрый человѣкъ, способный надуть, но въ то же время остаться, по своему, честнымъ.

Всѣ недочеты романа, отчасти искупаются фигурой маленькой *Нелли*. Эта фигура представляетъ обработку одного изъ любимыхъ дѣтскихъ типовъ Достоевскаго — типа болѣзненно-чуткаго преждевременно-развитого ребенка. Нелли пришлось прожить свое дѣтство въ обстановкѣ, полной лишеній, среди нищеты. Сначала она живетъ съ матерью, брошенной на произволъ судьбы мужемъ, и служитъ посредникомъ между ней и ея отцомъ. Послѣ смерти матери она остается у Бубновой, считая себя обязанной какъ-нибудь заплатить послѣдней долгъ матери. Отсюда ее вырываетъ Ваня, въ то время, когда Бубнова начинаетъ наряжать ее въ кисейное платье и собирается продать ее. Нелли поселяется у Вани. Она однако настолько уже успѣла извѣриться въ людяхъ, что относится съ недовѣрчивостью и къ нему. Изъ какой-то болѣзненной своеобразной гордости, не позволяющей ей быть въ долгу передъ кѣмъ-нибудь, она готова даже вернуться къ Бубновой, лишь бы не чувствовать себя обязанной въ чемъ-либо Ванѣ.—Зато вся недовѣрчивость Нелли исчезаетъ, какъ только она убѣждается въ его искрен-

ней привязанности къ ней; она сама всѣмъ сердцемъ привязывается къ нему. Это чувство вскорѣ переходитъ въ рано-развитой Нелли въ серьезную любовь. Она начинаетъ даже ревновать Ваню къ Наташѣ, но чувство ревности тотчасъ отходитъ на второй планъ, лишь только она узнаетъ. что Наташа несчастна, что она подобна ея собственной матери, брошена любовникомъ. Тутъ Нелли не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобъ помочь Наташѣ. Ее разсказъ у Ихменевыхъ, во время котораго она какъ-бы снова переживаетъ всю свою печальную исторію, ослабляетъ ея и безъ того надорванный организмъ; она медленно угасаетъ и умираетъ на рукахъ своихъ друзей. — Рядомъ съ тѣмъ запасомъ любви, который обнаружился въ душѣ маленькой Нелли, мы видимъ въ ней и упорную ненависть къ старому князю; эта ненависть сохраняется въ ней до самой смерти.—Нелли страдала какими-то припадками. Тотъ же проф. Чижъ называетъ ея болѣзнь однимъ изъ видовъ эпилепсіи—такъ называемымъ „эпилептическимъ характеромъ“; онъ удивляется той правдивости и жизненности, съ которой Достоевскій даетъ въ художественной формѣ типичный образецъ этого характера.—Повторяемъ, образъ Нелли многое искупаетъ въ романѣ. Вообще, онъ остается однимъ изъ лучшихъ художественныхъ типовъ дѣтей въ нашей литературѣ.

Основная мысль романа—показать жизнь униженныхъ и оскорбленныхъ,—развита слабѣй, чѣмъ можно было бы это сдѣлать. Языкъ романа отличается однообразіемъ.—Всѣ недостатки романя становятся болѣе понятными, если мы прочтемъ слѣдующія строки самого Достоевскаго, строки, въ которыхъ онъ говоритъ именно объ этомъ романѣ: „очень часто случалось въ моей литературной жизни, что начало новаго романа

или повѣсти было уже въ типографіи и въ наборѣ, а окончаніе сидѣло въ моей головѣ, но непременно должно было написаться къ завтраму.

Привыкнувъ такъ работать, я поступилъ точно также и съ „Униженными и оскорбленными“... Начинавшему журналу, успѣхъ котораго мнѣ былъ дороже всего, нуженъ былъ романъ, и я предложилъ романъ въ 4 частяхъ. Я самъ увѣрилъ брата, что весь планъ у меня давно сдѣланъ (чего не было), что писать мнѣ будетъ легко, что первая часть уже написана и т. д. Здѣсь я дѣйствовалъ изъ за денегъ; совершенно сознаюсь, что въ моемъ романѣ выставлено много куколъ, а не людей, что въ немъ ходячія книжки, а не лица, принявшія художественную форму (на это требовалось, дѣйствительно, время и выноска идей въ душѣ). Въ то время, какъ я писалъ, я, разумѣется, въ жару работы этого не сознавалъ, я только развѣ предчувствовалъ... Вышло произведеніе дикое, но въ немъ есть съ полсотни страницъ, которыми я горжусь.“

„Записки изъ Мертваго Дома“.

Своеобразное явленіе по своей литературной формѣ представляетъ собой одно изъ лучшихъ произведеній Достоевскаго—„Записки изъ Мертваго Дома“. Оно состоитъ изъ ряда очерковъ, въ которыхъ описываются сибирскій каторжный острогъ и его обитатели. Достоевскій описываетъ жизнь каторжниковъ, ихъ нравы, разбираетъ отдѣльные типы, вдается въ психологическій анализъ и т. д.—Разсказъ ведется отъ лица уголовнаго преступника Александра Петровича Горячкина. Подъ этимъ именемъ авторъ изобразилъ самого, себя какъ можно судить по его письму къ брату

отъ 22 февраля 1854 г., напечатанному въ сентябрской книжкѣ „Русской Старины“ 1885 г.

Достоевскій рисуетъ намъ жизнь въ острогѣ въ разное время—и въ будни, и въ воскресный день, и въ зимніе вечера; онъ описываетъ сцены наказанія, работу, спектакль, устроенный арестантами, описываетъ баню, госпиталь и т. д. Онъ останавливается, далѣе на характерныхъ чертахъ каторжниковъ — отличаетъ ихъ симпатичныя стороны:—соблюденіе справедливости и равенства при дѣлежѣ подаянія, религіозность, жажду осмысленнаго труда; описываетъ ихъ восторгъ по поводу устройства театра, поступокъ съ раненнымъ орломъ, котораго каторжники послѣ неудачной попытки приручить отпускаютъ на волю и т. д.—Съ другой стороны онъ указываетъ и ихъ темныя стороны—грубость и жестокость, любовь къ пьянству, разгулу, сплетнямъ и т. д.—

Онъ останавливается на многихъ интересныхъ сторонахъ жизни каторжника. Во первыхъ, онъ отличаетъ отношеніе каторжника къ тюремному начальству; онъ указываетъ на то, чего можетъ достичь начальникъ человѣческимъ обращеніемъ съ заключенными и, наоборотъ, какую ненависть возбуждаетъ въ нихъ гордое и презрительное отношеніе къ нимъ. —

Далѣе онъ останавливается на вопросѣ объ отношеніи каторжныхъ къ своимъ проступкамъ и къ наказанію. Большинство изъ нихъ, по словамъ Достоевскаго, не признавало за собой никакой вины и даже врядъ ли многіе внутренно считали себя виновными. О раскаяніи не было и рѣчи; существовалъ, правда, особый видъ резонерства, выражавшійся въ разныхъ своеобразныхъ поговоркахъ, вродѣ „не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ“, „не слушался отца-матери, послушайся теперь барабанной шкуры“

и т. п., но все это было только поверхностно, для виду. Въ званіи каторжника, наоборотъ, они чувствовали даже какъ-бы нѣкоторое значеніе, вѣсъ. —

Къ наказаніямъ большинство относилось съ гордой идифферентностью, хотя и бывали случаи, что арестантъ, не будучи въ состояніи перенести мысль, что скоро онъ будетъ наказанъ, не выноситъ томительнаго ожиданія и намѣренно совершаетъ какой-либо новый проступокъ, лишь бы отдалить срокъ наказанія. — Одну часть наказанія для каторжниковъ составляла казенная работа; Достоевскому она показалась совсѣмъ не такъ тяжелой—всю тяжесть этого труда для каторжника онъ видитъ въ томъ, что это трудъ принужденный. По его мнѣнію, онъ былъ бы еще ужаснѣй, если бы ему былъ приданъ характеръ полной безполезности и безсмысленности.—

Отмѣтимъ наиболѣе интересныя лица изъ описанныхъ Достоевскимъ типовъ.

Передъ нами, во первыхъ, *Акимъ Акимовичъ*, бывшій офицеръ-кавказецъ, зашедшій слишкомъ далеко во рвеніи при исполненіи своихъ обязанностей. Од нажды онъ заманилъ мирнаго князя, разстрѣлялъ его и затѣмъ обо всемъ этомъ представилъ подробный рапортъ начальству. Этотъ поступокъ и привелъ его въ „Мертвый домъ“.—

Рядомъ съ нимъ мы видимъ фигуру тихаго симпатичнаго юноши-крестьянина *Сироткина*. Онъ жилъ въ своей деревнѣ и былъ любимцемъ матери. Но вотъ, его забрали въ солдаты. Сначала, не будучи въ состояніи привыкнуть къ своему удѣлу, онъ пытается застрѣлиться; затѣмъ на него находитъ какой-то порывъ бѣшенства, въ которомъ онъ убиваетъ своего командира. Послѣ этой вспышки онъ снова превращается въ тихаго, робкаго юношу. —

Далѣе, передъ нами—*величавый старикъ-раскольникъ*, въ религіозномъ фанатизмѣ поджегшій православную церковь; кроткій, чистый горецъ *Алей*, къ которому не пристаетъ грязь каторги, сосланный за то, что онъ, повинуясь обычаю Востока, послѣдовалъ за старшими братьями, отправлявшимися грабить караванъ, не зная ничего о цѣли экспедиціи.—

Этимъ симпатичнымъ типамъ можно противопоставить ссыльнаго изъ дворянъ *А-ва*, занимающагося доносами и шпіонствомъ, или татарина *Газина*, про котораго разсказывали, что онъ ради своего удовольствія заводилъ куда-нибудь маленькихъ дѣтей и затѣмъ умерщвлялъ ихъ, любуясь ужасомъ и мученіями своей жертвы... —

Какъ относится въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ Достоевскій къ каторгѣ и ея обитателямъ? Тутъ мы не видимъ еще тѣхъ мыслей объ искупительномъ и возрождающемъ значеніи наказанія, хотя бы и каторжнаго и о любви русскаго народа къ страданію, которыя онъ развивалъ впослѣдствіи—*онъ считаетъ каторгу одной изъ язвъ общественнаго устройства.* — „Остроги и система насильныхъ работъ не исправляютъ преступниковъ; они только его наказываютъ и обезпечиваютъ общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развиваютъ только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе“—вотъ, что говоритъ Достоевскій по этому поводу. —

Къ каторжникамъ онъ относится съ глубокимъ сожалѣніемъ, порой съ уваженіемъ и удивленіемъ. Приглядываясь ближе къ нимъ, онъ замѣтилъ, что многіе изъ нихъ далеко не такъ низко пали въ нравственномъ отношеніи — даже больше — онъ нашелъ среди

нихъ характеры честные, дѣтски-неиспорченные. Во многихъ изъ этихъ закоренѣлыхъ преступниковъ подмѣчалъ онъ такія душевныя движенія, которыя заставляли его дивиться. Вотъ что пишетъ онъ: „Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство чувства, сердца, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали“... Такимъ образомъ онъ видитъ въ нихъ не какія-то низшія созданія, какъ нѣкоторые изъ ссыльныхъ дворянъ-поляковъ, а людей, способныхъ на лучшія душевныя движенія, людей страдающихъ, несчастныхъ (этотъ взглядъ — взглядъ русскаго народа, называющаго преступника „несчастнымъ“).

Съ грустью думаетъ онъ о томъ, сколько тутъ потрачено силъ народныхъ: „И сколько силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо уже все сказать, вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ, вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ?“

Кромѣ вопроса „кто виноватъ“, „Записки изъ Мертваго дома“ возбуждаютъ въ нашемъ умѣ еще цѣлый рядъ вопросовъ.

Возникаютъ вопросы — неужели наивный и чистый Алей достоинъ того-же наказанія, что и страшный Газинъ? Что собственно должно дѣлать общество съ преступникомъ, карать ли его, изолировать или, на-

конецъ, стараться исправить; какъ смотрѣть на преступника, какъ на своего рода протестанта, человѣка партіи, или какъ на нравственно-помѣшаннаго, или, какъ на плодъ недостатковъ современнаго общественнаго строя? Всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ авторъ въ „запискахъ М. Д.“ не разсматриваетъ, но они невольно напрашиваются у читателя. Этой особенностью обусловливается соціально-философское значеніе „записокъ“.

Какъ мы уже говорили, „Записки изъ Мертваго Дома“ стоятъ особнякомъ, какъ въ нашей литературѣ такъ и среди произведеній Достоевскаго.

Тутъ мы не видимъ ни запутаннаго сюжета, ни слишкомъ глубокаго, порой тяжелаго для читателя, психологическаго анализа, ни неровностей изложенія. Нѣкоторая, кажущаяся на первый взглядъ безпорядочность изображенія, рѣзкіе переходы — все это вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію и способствуетъ только впечатлѣнію, которое производятъ картины безпокойной жизни острога.

Насъ привлекаетъ въ „запискахъ“ прежде всего новизна сюжета; далѣе, наше вниманіе останавливаютъ мастерскія картины острожной жизни и фигуры отдѣльныхъ лицъ, очерченныхъ по большей части нѣсколькими, но удачными штрихами, наконецъ нужно упомянуть объ истинно-человѣческомъ чувствѣ сожалѣнія къ несчастнымъ героямъ произведенія.

„Записки изъ Мертваго Дома“ остаются однимъ изъ лучшихъ созданій Достоевскаго.

„Преступленіе и Наказаніе“.

Главнымъ произведеніемъ Достоевскаго является романъ „Преступленіе и Наказаніе“.

Содержаніе этого произведенія крайне неудобно для

пересказа, такъ какъ дѣйствіе состоитъ изъ множества непрерывныхъ эпизодовъ и сценъ. Постараемся передать его, останавливаясь подробнѣй на наиболѣе интересныхъ мѣстахъ.

Романъ начинается описаніемъ того, какъ герой его — студентъ Раскольниковъ — спускается на улицу изъ своей каморки, помѣщающейся подъ самой кровлей большого пятиэтажнаго дома. Онъ идетъ къ старухѣ-закладчицѣ, которую намѣренъ убить. Въ головѣ у него мелькаетъ мысль объ этомъ задуманномъ „дѣлѣ“. — У старухи онъ закладываетъ серебряные часы. Во время своего посѣщенія онъ старается приглядѣться къ обстановкѣ — все это должно ему потомъ пригодиться. Уходя отъ старухи онъ съ отвращеніемъ спрашиваетъ себя, неужели онъ уже въ продолженіи мѣсяца способенъ думать о такой гадости.

По дорогѣ домой Раскольниковъ заходитъ въ распивочную, чтобъ выпить стаканъ пива. Холодное пиво освѣжаетъ его, и онъ начинаетъ приглядываться къ окружающимъ его посѣтителямъ распивочной. Его вниманіе привлекаетъ человѣкъ лѣтъ уже за пятьдесятъ, напоминающій отставного чиновника—очевидно, обычный посѣтитель распивочной. Между этимъ человѣкомъ и Раскольниковымъ завязывается разговоръ и первый— его, какъ оказывается, зовутъ Мармеладовымъ — начинаетъ витіеватымъ пьянымъ языкомъ разсказывать свою исторію. Разсказъ его возбуждаетъ общее вниманіе— всѣмъ хочется послушать „забавника“.

Мармеладовъ разсказываетъ о своей женѣ Катеринѣ Ивановнѣ, „дамѣ образованной“, воспитывавшейся въ институтѣ, разсказываетъ о томъ, какъ она, оставшись бѣдной вдовой послѣ смерти перваго мужа, принуждена была выйти за него замужъ, какъ онъ

самъ вскорѣ затѣмъ лишился мѣста и семья ихъ стала все сильнѣй и сильнѣй терпѣть нужду; какъ нужда достигла, наконецъ, крайнихъ размѣровъ, между тѣмъ какъ никто изъ членовъ семьи ничего не зарабатывалъ; какъ самъ Мармеладовъ послѣ потери мѣста началъ „прикасаться“ и скоро окончательно запилъ. Затѣмъ онъ разсказываетъ о томъ, какъ въ одинъ день старшая дочь его, кроткая, безотвѣтная Соня, пошла въ 6 часовъ на улицу и, вернувшись въ 9 домой, положила на столъ 30 рублей, а затѣмъ, не сказавъ ни слова, укутавшись съ головой, легла на кровать; какъ Катерина Ивановна всю ночь на колѣняхъ въ ногахъ у Сонечки простояла и ноги ей цѣловала— и какъ самъ онъ лежалъ въ это время „пьяненькій“. Съ этого времени, разсказываетъ онъ дальше, Сонечка по желтому билету и ходитъ. Вскорѣ, какъ оказывается, самъ Мармеладовъ, благодаря „его превосходительству Ивану Аѳанасьевичу“, получаетъ мѣсто. Это чрезвычайно радуетъ Катерину Ивановну. Она старается во всемъ угодить мужу, заботится о немъ, обставляетъ его различными удобствами. А когда, шесть дней тому назадъ, онъ приноситъ свое первое жалованье, она даже называетъ его любовно „маляночкой“. Черезъ день послѣ этого, однако, Мармеладовъ тайно отъ жены забираетъ остатокъ жалованья и пропиваетъ его, пропиваетъ затѣмъ новый вицъ-мундиръ и теперь сознаетъ, что конецъ его службѣ. — Кончивъ свою исповѣдь, Мармеладовъ разражается обвиненіями противъ самого себя и, затѣмъ, какъ бы вдохновясь, кончаетъ свою рѣчь надеждой на благость Бога, который пойметъ и разсудитъ всѣхъ, въ томъ числѣ и его. Слова Мармеладова производятъ нѣкоторое впечатлѣніе на окружающихъ, но ненадолго— скоро на него снова сыплются насмѣшки вродѣ „чи-

новникъ“, „заврался“ и т. п. Мармеладовъ проситъ Раскольникова проводить его до дому, на что послѣдній и соглашается. Онъ провожаетъ Мармеладова до дверей его квартиры, Катерина Ивановна набрасывается на мужа, а Раскольниковъ спѣшитъ уйти отъ этой тяжелой сцены.

На слѣдующее утро Настасья, прислуга хозяйки сообщаетъ Раскольникову, что вчера на его имя пришло письмо. Оно оказывается отъ матери Раскольникова. Она пишетъ ему о томъ, что въ немъ вся надежда и ея самой, и его сестры Дунечки, о томъ, что не могла выслать ему больше денегъ изъ своего 120 рублеваго пенсіона. Затѣмъ она разсказываетъ, что пришлось перенести Дунечкѣ въ домѣ помѣщика Свидригайлова, у котораго она служила. Сначала Дунечка терпитъ со стороны г. Свидрагайлова насмѣшки. Затѣмъ обнаруживается, что подъ этими насмѣшками скрывается страсть, которую возымѣлъ къ ней Свидригайловъ. Онъ начинаетъ преслѣдовать Дуню своими предложеніями, уговаривая ее уѣхать съ нимъ за границу и т. п. Дуня между тѣмъ не имѣетъ возможности покинуть его домъ, такъ какъ забрано впередъ цѣлыхъ 100 рублей (эти деньги она отослала ему — Раскольникову), и тѣмъ „закабалила“ себя на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ дѣло принимаетъ совершенно неожиданный оборотъ. Жена Свидригайлова — Марѳа Петровна — нечаянно подслушиваетъ, какъ мужъ ея умоляетъ Дунечку. Она приписываетъ всю вину послѣдней, кричитъ на нее цѣлый часъ, а затѣмъ въ простой крестьянской телѣгѣ, въ проливной дождь, отправляетъ ее въ ближайшій городъ. Въ захолустномъ городкѣ рады этому событію; начинаются пересуды, шептанія, Дуни съ матерью всѣ сторонятся. Скоро, однако, дѣло прини-

маетъ новый оборотъ. Свидригайловъ, очевидно, пожалѣвъ Дуню, представляетъ Марѳѣ Петровнѣ доказательства полной невиновности Дуни. Марѳа Петровна „вновь убита“. Она проситъ у Дуни прощенія, а затѣмъ долгое время ѣздитъ по городу, расхваливая ее, читая ея письмо и стараясь возстановить ея репутацію. Къ Дунѣ дѣйствительно начинаютъ относиться лучше. Чтобы окончательно облагодѣтельствовать Дуню, Марѳа Петровна подыскиваетъ ей выгоднаго жениха П. П. Лужина, своего дальняго родственника. Это — человѣкъ почтенный, солидный. О любви между нимъ и Дуней, понятно, не можетъ быть и рѣчи, но, что они будутъ счастливы, это внѣ сомнѣній. Къ тому же, этотъ бракъ могъ бы помочь въ матеріальномъ отношеніи и ему, Раскольникову, дать рѣшительный оборотъ его карьерѣ.

Далѣе сообщается, что Лужинъ скоро выѣзжаетъ въ Петербургъ. Вскорѣ намѣрены прибыть туда и она сама, мать Раскольникова, и Дуня.

Прочитавъ письмо, Раскольниковъ выходитъ на улицу. Это письмо его измучило. Онъ хорошо понимаетъ всѣ планы матери и Дуни, понимаетъ, что бракъ этотъ заключается единственно для него и твердо рѣшаетъ, что этому не бывать, пока онъ живъ. Онъ мысленно представляетъ себѣ, что думала Дуня передъ тѣмъ, какъ дать свое согласіе и невольно у него напрашивается параллель между ней и Соней Мармеладовой. Затѣмъ вдругъ въ его мозгу проносится та же мысль, что и вчера — убить старуху. Но когда эта мысль пронеслась въ его головѣ мѣсяцъ тому назадъ, она казалась ему какой-то мечтой, теперь же она явилась въ какомъ-то новомъ, грозномъ видѣ.

Занятый этими мыслями, Раскольниковъ замѣчаетъ идущую передъ нимъ дѣвушку. Она опускается на

первую попавшуюся скамейку, и Раскольниковъ убѣждается, что она совершенно пьяна. Въ то же время онъ замѣчаетъ какого-то господина, очевидно, имѣющаго какіе-то виды на дѣвушку. Онъ даетъ городовому 20 копѣекъ, объясняетъ ему, что дѣвушка была, очевидно, кѣмъ-то напоена, можетъ быть, впервые обманута, объясняетъ также намѣренія франта. Черезъ нѣкоторое время, однако, Раскольниковъ раскаивается въ своемъ поступкѣ; онъ окликаетъ городового: „Чего вы? Бросьте! Пусть-его позабавится (онъ указалъ на франта). Вамъ то чего?“—„Двадцать копѣекъ моихъ унесъ, разсуждаетъ онъ дальше, и чего я ввязался тутъ помогать... да пусть ихъ глотаютъ другъ друга живьемъ—мнѣ-то чего?“ Несмотря на эти странныя слова, ему становится тяжело. Онъ думаетъ о только что видѣнной дѣвушкѣ, о томъ, что ожидаетъ ее сперва дома, а затѣмъ вообще въ будущемъ—„да такъ и слѣдуетъ... такой процентъ, говорятъ, долженъ уходить каждый годъ... куда-то... къ чорту, должно быть, чтобъ остальныхъ освѣжить и имъ не мѣшать... Процентъ! Славныя, право, у нихъ словечки“...

Тутъ Раскольниковъ вспоминаетъ, что онъ шелъ къ своему университетскому товарищу Разумихину. Къ послѣднему онъ, однако, не заходитъ; онъ идетъ дальше, проходитъ весь Васильевскій и поворачиваетъ на острова. Побродивъ тутъ онъ вдругъ чувствуетъ сильную усталость, сворачиваетъ съ дороги въ кусты ложится на траву и тотчасъ засыпаетъ. Онъ видитъ сонъ. Снится ему, что онъ еще маленькій, что онъ въ своемъ родномъ городкѣ. Онъ идетъ гулять вмѣстѣ со своимъ отцомъ за городъ и тутъ у корчмы дѣлается свидѣтелемъ того, какъ пьяные мужики засѣкаютъ лошаденку Онъ просыпается весь въ поту, ужасомъ оглядывается и затѣмъ спрашиваетъ,

неужели и онъ будетъ бить такъ старушку по головѣ и т. д.—Усталый и разбитый, идетъ онъ домой, но почему-то не по прямой дорогѣ, а черезъ Сѣнную площадь. Тутъ онъ случайно слышитъ разговоръ Лизаветы Ивановны, сестры старухи-процентщицы, съ какимъ-то мѣщаниномъ и узнаетъ, что на слѣдующій день въ 7 часовъ старуха будетъ дома одна.—Итакъ, завтра ему представляется удобный случай исполнить задуманный планъ.

Вотъ какъ познакомился Раскольниковъ со старухой и какъ зародилось у него его намѣреніе. Однажды знакомый студентъ сообщилъ ему адресъ Анны Ивановны. Мѣсяца полтора тому назадъ Раскольниковъ вынужденъ былъ заложить ей золотое кольцо. По дорогѣ отъ нея онъ зашелъ въ какой-то плохенькій трактиръ. Тутъ, прислушиваясь къ разговору своихъ сосѣдей—студента и офицера—онъ, къ своему удивленію услышалъ, что они говорятъ о старухѣ, у которой онъ только что былъ. Студентъ разсказывалъ о ея сестрѣ, о томъ, какая она тихая и безотвѣтная, какъ ее третируетъ старуха; онъ нападалъ на послѣднюю за скупость и заявилъ затѣмъ, что по его мнѣнію не было бы особеннымъ грѣхомъ убить эту грязную старуху, чтобы употребить ея деньги на помощь людямъ.

Этотъ разговоръ взволновалъ Раскольникова, въ его головѣ уже раньше возникала подобная мысль...

Возвратившись съ Сѣнной Раскольниковъ просидѣлъ нѣкоторое время безъ движенія, а затѣмъ вскорѣ заснулъ. Его разбудила Настасья; онъ немного поѣлъ и опять легъ. Очнулся онъ, услышавъ, что бьютъ часы. Онъ сообразилъ время и поспѣшилъ встать. Времени оставалось немного. Нужно было еще придѣлать петлю для топора. Онъ сдѣлалъ эту работу, взялъ давно

приготовленный „закладъ“, т. е. кусокъ дерева, обернутый и тщательно перевязанный, и, услышавъ на дворѣ чей-то крикъ „седьмой часъ давно“, бросился скорѣй изъ комнаты. Предстояло еще украсть топоръ изъ хозяйской кухни. Это, однако, не удалось, т. к. Настасья какъ разъ хлопотала на кухнѣ. Топоръ онъ увидѣлъ въ дворницкой и тотчасъ воспользовался имъ.—Шелъ онъ спокойно и по дорогѣ думалъ о разныхъ постороннихъ вещахъ. Незамѣтно проскользнулъ онъ въ ворота и благополучно добрался до квартиры старухи.—Дѣло обходится благополучно. Старуха отворачивается къ окну, чтобы разглядѣть закладъ и въ это время Раскольниковъ ударяетъ ее топоромъ по головѣ. Затѣмъ онъ, путаясь и волнуясь, начинаетъ разыскивать ключи и разбирать драгоцѣнности старухи. За этой работой застаетъ его вернувшаяся домой Елизавета. Онъ убиваетъ и ее. Покончивъ съ ней, онъ старательно вымываетъ на кухнѣ топоръ и соображаетъ, что нужно уходить. Но не успѣваетъ онъ еще начать спускаться съ лѣстницы, какъ слышитъ шаги людей подымающихся наверхъ. Онъ запирается въ квартирѣ старухи. Тщетно прождавъ нѣкоторое время за дверью, посѣтители замѣчаютъ, что она заперта на крючекъ снутри. Они уходятъ за дворникомъ и въ это время Раскольниковъ успѣваетъ спуститься до 3-го этажа, гдѣ въ пустой квартирѣ выжидаетъ, пока дворникъ съ пришедшими не пройдетъ мимо.

Съ топоромъ дѣло обходится также благополучно—Раскольниковъ кладетъ его на старое мѣсто въ дворницкую. Затѣмъ онъ поднимается къ себѣ, бросается на диванъ и впадаетъ въ забытье.

Глава II. Такъ пролежалъ онъ довольно долго. Наконецъ онъ приходитъ въ себя и вспоминаетъ, что еще ничего не успѣлъ спрятать изъ того, что взялъ

у старухи, что самъ онъ въ томъ же видѣ, въ какомъ явился вчера домой. Онъ съ лихорадочной поспѣшностью осматриваетъ свой костюмъ и прячетъ взятыя вещи.

Черезъ нѣкоторое время получаетъ онъ повѣстку, по которой его требуютъ въ контору полицейскаго участка.

Раскольниковъ отправляется. Оказывается, что его пригласили съ тѣмъ, чтобъ предъявить ему требованіе квартирной хозяйки уплатить долгъ. Онъ обращаетъ на себя вниманіе обморокомъ, когда онъ падаетъ во время спора квартальнаго со своимъ помощникомъ о вчерашнемъ убійствѣ. Его, однако, отпускаютъ. „Обыскъ, обыскъ!“ твердитъ онъ, торопясь домой. Дома онъ наскоро собираетъ вещи, взятыя у старухи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ прячетъ ихъ подъ камнемъ гдѣ-то у забора, въ глухомъ загороженномъ мѣстѣ около В-скаго проспекта.—Затѣмъ побывавъ у Разумихина, котораго онъ оставляетъ въ недоумѣніи, Раскольниковъ отправляется домой. Дрожа ложится онъ на свой диванъ; его начинаетъ давить кашмаръ, а затѣмъ вскорѣ онъ впадаетъ въ безпамятство или, вѣрнѣе, въ какой-то лихорадочный бредъ.—Придя въ себя, онъ застаетъ Настасью съ артельщикомъ, который передаетъ ему отъ купца Вахрушкина 35 рублей. Во время ихъ разговора входитъ Разумихинъ. Онъ разсказываетъ Раскольникову о его болѣзни, а затѣмъ приноситъ купленныя для него принадлежности костюма. Затѣмъ является Зосимовъ, который лечитъ Раскольникова. Осмотрѣвъ больного, онъ начинаетъ разговаривать съ Разумихинымъ. Между прочимъ у нихъ завязывается споръ по поводу убійства старухи-процентщицы, и Раскольниковъ чуть не выдаетъ себя неосторожнымъ восклицаніемъ.

Входитъ новое лицо. Это оказывается П. П. Лужинъ. Онъ встрѣчаетъ со стороны Раскольникова весьма холодный пріемъ, но всеже завязываетъ разговоръ съ Зосимовымъ и Разумихинымъ. Раскольниковъ спрашиваетъ Лужина, правда ли, что онъ желалъ бы имѣть невѣстой нищую, которую онъ могъ бы облагодѣтельствовать, а затѣмъ, разгорячась, обѣщаетъ его спустить съ лѣстницы. Глубоко оскорбленный, Лужинъ спѣшитъ удалиться. Разумихинъ съ Зосимовымъ также скоро уходятъ. Оставшись одинъ, Раскольниковъ поспѣшно одѣвается и выходитъ на улицу. Онъ проходитъ по привычкѣ черезъ Сѣнную и заходитъ въ трактиръ „Хрустальный дворецъ.“ Тутъ встрѣчаетъ онъ Заметова, письмоводителя полицейскаго участка, и, почувствовавъ неодолимое желаніе подразнить послѣдняго, почти открываетъ ему свое преступленіе, а затѣмъ высмѣиваетъ его и, оставивъ собесѣдника въ недоумѣніи, уходитъ. Въ дверяхъ онъ сталкивается съ Разумихинымъ, который выговариваетъ ему за то, что онъ всталъ больнымъ съ кровати, и безуспѣшно убѣждаетъ вернуться домой;—затѣмъ Раскольниковъ посѣщаетъ квартиру, въ которой онъ совершилъ убійство, разспрашиваетъ тутъ маляровъ о замазанной лужѣ крови, звонитъ въ колокольчикъ и т. д.

На улицѣ Раскольниковъ наталкивается на кучку людей, хлопочущихъ около человѣка, раздавленнаго экипажемъ. Въ этомъ человѣкѣ онъ узнаетъ Мармеладова. Онъ сообщаетъ полицейскому его адресъ, и Мармеладова переносятъ въ его квартиру. Являются докторъ и священникъ, а затѣмъ и Соня, за которой Катерина Ивановна послала младшую дочь—Поленьку. Мармеладовъ умираетъ. Раскольниковъ отдаетъ Катеринѣ Ивановнѣ оставшіеся у него 20 рублей и уходитъ, обѣщавъ скоро опять зайти.

Онъ заходитъ къ Разумихину. Отъ послѣдняго онъ узнаетъ, что Зосимовъ начинаетъ подозрѣвать его, Раскольникова въ ненормальности, что Заметовъ совсѣмъ уничтоженъ давешнимъ урокомъ и что самъ Порфирій — слѣдователь—хочетъ познакомиться съ нимъ. Въ комнатѣ Раскольникова они находятъ его мать и сестру, узнавшихъ, что онъ „сбѣжалъ“ больной, и въ страхѣ ожидающихъ его. Увидѣвъ ихъ, Раскольниковъ лишается чувствъ, но, благодаря стараніямъ Разумихина, скоро приходитъ въ себя. Онъ проситъ мать и сестру прійти завтра и затѣмъ сообщаетъ послѣдней, что онъ противъ ея брака съ Лужинымъ и обѣщалъ давеча спустить съ лѣстницы ея жениха. По совѣту Разумихина, мать и дочь уходятъ въ нанятые для нихъ Лужинымъ номера. Разумихинъ провожаетъ ихъ и сравнительно успокаиваетъ относительно Раскольникова.

На слѣдующее утро онѣ въ сопровожденіи Разумихина отправляются къ Раскольникову. Между прочимъ, онѣ сообщаютъ Разумихину о письмѣ Лужина, полученномъ ими. Лужинъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи окончательно переговорить съ ними и выражаетъ желаніе, чтобы Раскольниковъ не присутствовалъ при ихъ свиданіи. Между прочимъ, онъ разсказываетъ о томъ, какое участіе принималъ Раскольниковъ вчера въ судьбѣ Мармеладовыхъ, и упоминаетъ о томъ, что онъ отдалъ свои всѣ деньги дочери послѣдняго, дѣвицѣ извѣстнаго поведенія.

Свиданіе съ Раскольниковымъ сходитъ на этотъ разъ лучше. Дуня показываетъ ему письмо Лужина и проситъ его присутствовать вечеромъ на ихъ свиданіи. Во время ихъ разговора на порогѣ появляется Сонечка Мармеладова. Смутившись, она передаетъ Раскольникову просьбу Катерины Ивановны—явиться на поминки

ея мужа. Раскольниковъ знакомитъ Соню съ матерью и сестрой, какъ дочь того Мармеладова, который былъ вчера раздавленъ каретой.

Затѣмъ Раскольниковъ проситъ Разумихина сходить съ нимъ къ Порфирію, чтобы поговорить съ послѣднимъ о своихъ закладахъ, оставшихся у убитой старухи.—Ему хочется узнать, „знаетъ ли“ Порфирій, или нѣтъ. Послѣдній наводитъ разговоръ на статью Раскольникова о преступленіяхъ и какъ-бы даетъ знать ему, что онъ его сильно подозрѣваетъ. Игра, которую онъ ведетъ, приводитъ въ бѣшенство, какъ Раскольникова, такъ и Разумихина.

Дома Раскольникову сообщаетъ дворникъ, что его спрашиваетъ какой-то мѣщанинъ. На вопросъ Раскольникова, что ему нужно, послѣдній называетъ его „убивцемъ“. Въ ужасѣ бросается Раскольниковъ къ себѣ, ложится. Вскорѣ онъ забывается и видитъ сонъ, въ которомъ повторяется сцена убійства. Прійдя въ себя, онъ видитъ на дверяхъ комнаты незнакомаго мужчину. Послѣдній рекомендуется ему по мѣщикомъ Свидригайловымъ.

Глава IV. Онъ объясняетъ Раскольникову, что желалъ съ нимъ познакомиться, такъ какъ имѣлъ къ нему дѣло. Онъ собщаетъ затѣмъ, что по духовной недавно умершей жены его—Маѳы Петровны—Дуня получаетъ три тысячи рублей, что, кромѣ того, онъ самъ намѣренъ предложить ей десять тысячъ и этимъ загладить тѣ непріятности, которыя онъ причинилъ ей, а также облегчить разрывъ съ Лужинымъ, который ей не пара. Далѣе онъ говоритъ, что самъ онъ желалъ бы увидиться съ Дуней. Все это онъ проситъ ей передать.

Уходя Свидригайловъ сталкивается въ дверяхъ съ Разумихинымъ, зашедшимъ за Раскольниковымъ, чтобъ

идти съ нимъ къ его матери. Они приходятъ туда одновременно съ Лужинымъ. Послѣдній сообщаетъ о пріѣздѣ Свидригайлова. Раскольниковъ передаетъ свой только что бывшій съ нимъ разговоръ. Лужинъ, пикированный тѣмъ, что Раскольниковъ при немъ не хочетъ объяснять предложеній Свидригайлова, собирается уходить. Дуня его удерживаетъ. Дѣло кончается полнымъ разрывомъ, и Лужина съ позоромъ выгоняютъ. Раскольниковъ уходитъ, говоря, что ему необходимо на время растаться съ матерью и Дуней.

Онъ направляется къ Сонѣ. Онъ разспрашиваетъ ее про нее самое, про Катерину Ивановну, цѣлуетъ ей ногу, говоря, что „кланяется страданію всего человѣчества“, а затѣмъ проситъ ее прочесть изъ Новаго Завѣта исторію воскрешенія Лазаря. Далѣе онъ убѣждаетъ ее пойти вмѣстѣ съ нимъ, не объясняя, однако, куда, и обѣщается на слѣдующій день сказать ей, кто убилъ Елизавету.—

Отъ Сони Раскольниковъ идетъ къ Порфирію. Тотъ высказывается еще яснѣй, чѣмъ въ прошлый разъ. Онъ снова доводитъ Раскольникова до бѣшенства, и тотъ почти сознается въ своей виновности. Дѣлу придаетъ иной оборотъ внезапное появленіе работника Николая, который даетъ показаніе, что убилъ старуху онъ. Дома къ Раскольникову является вчерашній мѣщанинъ и проситъ его простить за поклепъ. Оказывается, что онъ присутствовалъ при сценѣ посѣщенія Раскольниковымъ квартиры старухи, сообщилъ объ этомъ Порфирію и во время послѣдняго разговора Раскольникова съ нимъ находился за дверью.

Гл. V. Между тѣмъ, у Катерины Ивановны готовятся къ поминкамъ. Рядомъ съ ней живетъ Лужинъ—у своего бывшаго воспитанника, Лебезятникова. Онъ проситъ послѣдняго пригласить къ себѣ Со-

ню и даетъ ей для Катерины Ивановны 10 рублей. На поминки Лужинъ и Лебезятниковъ, также приглашенные, не являются. Зато является Раскольниковъ, что очень радуетъ Катерину Ивановну. За нимъ является и Соня. Между Катериной Ивановной и хозяйкой-нѣмкой начинается одна изъ обычныхъ ссоръ, которая прерывается внезапнымъ появленіемъ Лужина. Онъ заявляетъ, что Соня украла въ его комнатѣ со стола сторублевый билетъ. Пришедшая въ изступленіе отъ горя, Катерина Ивановна начинаетъ обыскивать Соню и дѣйствительно находитъ ассигнацію. Дѣло разъясняетъ, однако, Лебезятниковъ: оказывается, что отдавая Сонѣ упомянутые 10 рублей, Лужинъ незамѣтно сунулъ въ карманъ ей сторублевую бумажку. Онъ, Лебезятниковъ, видѣвшій это, думалъ, что Лужинъ дѣлаетъ ей тайный сюрпризъ. Со своей стороны, проливаетъ свѣтъ на это дѣло и Раскольниковъ, объясняющій намѣренія, двигавшія Лужинымъ.—Растроенная Соня уходитъ. Хозяйка гонитъ Катерину Ивановну съ квартиры.—

Раскольниковъ между тѣмъ приходитъ къ Сонѣ и сознается ей въ своемъ преступленіи. Она уговариваетъ его пойти и сознаться. Ихъ разговоръ прерываетъ появленіе Лебезятникова, который сообщаетъ, что Катерина Ивановна наряжаетъ дѣтей, учитъ ихъ пѣть и плясать, собираясь итти съ ними на улицу. Соня поспѣшно уходитъ. Раскольниковъ идетъ домой. Къ нему скоро приходитъ Дуня, чтобы сказать ему, что она знаетъ подозрѣнія, которыя имѣютъ противъ него, и готова всегда ему помочь. Вскорѣ за ней является Лебезятниковъ. Онъ разсказываетъ, что Катерина Ивановна съ дѣтьми уже на улицѣ.—Они находятъ ее недалеко отъ квартиры Сони, окруженную толпой любопытныхъ. Бросившись за напуганными

толпой и побѣжавшими дѣтьми, она, споткнувшись, падаетъ. У ней начинаетъ итти горломъ кровь, и ее переносятъ въ комнату Сони, гдѣ она и умираетъ. Въ толпѣ появляется Свидригайловъ. Онъ сообщаетъ Раскольникову, что намѣренъ обезпечить сиротъ, оставшихся послѣ Катерины Ивановны, а затѣмъ Раскольниковъ узнаетъ, что онъ живетъ рядомъ съ Соней и слышалъ всѣ ихъ разговоры.—

Гл. VI. Послѣ этого для Раскольникова наступаетъ какая-то странная пора. Ему кажется, что иногда его сознаніе тускнѣетъ.—Онъ нѣсколько разъ видится со Свидригайловымъ, но о главномъ съ нимъ не разговариваетъ. Онъ присутствуетъ на отпѣваніи Катерины Ивановны, а затѣмъ бродитъ по разнымъ мѣстамъ. Наконецъ, онъ возвращается домой. Вскорѣ къ нему входитъ Разумихинъ. Онъ сообщаетъ Раскольникову о болѣзни его матери и о томъ, что Дуня получила какое-то письмо, которое ее очень безпокоитъ, и, наконецъ, о томъ, что убійца старухи найденъ. Послѣ него является Порфирій. Онъ объясняетъ Раскольникову, что для него лучше самому сознаться въ своемъ преступленіи, такъ какъ то, что онъ его совершилъ, вполнѣ очевидно.—

Раскольниковъ спѣшитъ къ Свидригайлову. Онъ находитъ послѣдняго въ какомъ-то трактирѣ и изъ его пьянаго разсказа о Марьѣ Петровнѣ и о Дунѣ ясно можетъ заключить, что Свидригайловъ имѣетъ какіе-то виды на послѣднюю. Разставаясь съ Свидригайловымъ, Раскольниковъ не замѣчаетъ Дуни, которая идетъ навстрѣчу послѣднему. Дуня со Свидригайловымъ приходятъ на квартиру Сони, но, не заставъ ее дома, остаются въ комнатѣ Свидригайлова. Онъ объясняетъ ей дѣло Раскольникова, говоря что его участь зависитъ отъ нея. Когда, затѣмъ, Дуня проситъ вы-

пустить ее, Свидригайловъ запираетъ на ключъ двери. Дуня стрѣляетъ въ него изъ револьвера. Наконецъ, узнавъ, что Дуня никогда не можетъ полюбить его, Свидригайловъ выпускаетъ ее. Вечеръ онъ проводитъ по разнымъ трактирамъ; затѣмъ онъ заходитъ къ Сонѣ и даетъ ей 3 тысячи, говоря, что уѣзжаетъ въ Америку. Послѣ этого онъ ночуетъ въ трактирѣ на Петербургской сторонѣ и затѣмъ застрѣливается на улицѣ.

Въ тотъ же день Раскольниковъ заходитъ проститься съ матерью, сказавъ что уѣзжаетъ, видится съ Дуней,а затѣмъ идетъ къ Сонѣ. Отъ нея онъ направляется на Сѣнную площадь и тамъ на колѣняхъ цѣлуетъ землю, какъ наказывала ему Соня уже при ихъ первомъ объясненіи. Оттуда онъ идетъ въ полицейскую контору и тутъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сознается въ убійствѣ старухи.

Раскольникова, въ виду нѣкоторыхъ благопріятныхъ для него обстоятельствъ, приговариваютъ къ 8 годамъ каторги. Мать его заболѣваетъ и вскорѣ затѣмъ умираетъ. Дуня выходитъ за Разумихина, съ перваго свиданія полюбившаго ее. Соня идетъ съ Раскольниковымъ. Въ Сибири онъ относится къ ней сначала какъ-то холодно, затѣмъ этотъ холодъ прорывается, онъ сближается съ ней, и тутъ начинается его возрожденіе къ новой жизни.

Обратимся къ герою романа—*Раскольникову*. Прослѣдимъ вкратцѣ всѣ перемѣны его душевнаго настроенія до и послѣ совершеннаго имъ преступленія.

Мы знакомимся съ нимъ въ тотъ моментъ, когда онъ выходитъ изъ своей комнаты стараясь незамѣтно проскользнуть мимо квартиры хозяйки, которой онъ долженъ. Ему становится стыдно того трусливаго ощущенія, которое охватываетъ его каждый разъ,

когда ему приходится пробираться подобнымъ образомъ по лѣстницѣ.

Раскольниковъ идетъ къ старухѣ-процентщицѣ— той, которую онъ впослѣдствіи убиваетъ. Онъ хочетъ заложить у нея серебряные часы и въ то же время поближе ознакомиться съ обстановкой, въ которой ему придется дѣйствовать. На улицѣ видъ его вызываетъ въ иныхъ состраданіе, въ иныхъ насмѣшку, но онъ не обращаетъ на это вниманія: онъ презираетъ всѣхъ этихъ людей, готовыхъ на каждомъ шагу давить своего ближняго. Это чувство озлобленности и презрѣнія къ людямъ накопляется въ немъ постепенно. Оно становится еще сильнѣе подъ вліяніемъ того омерзѣнія, которое вызываетъ въ немъ старуха-процентщица, жадная, готовая высосать послѣдніе соки изъ голодающаго бѣдняка, а затѣмъ встрѣчи съ Мармеладовымъ.

Послѣдняго раздавила бѣдность, та самая бѣдность, которая такъ гнететъ и его — Раскольникова. Однако Соня, дочь Мармеладова, нашла возможность хоть нѣсколько помочь этому; она, слабая дѣвушка, нашла въ себѣ достаточно силы, чтобъ окунуться въ грязь, лишь бы хоть чѣмъ-нибудь помочь семьѣ. Неужели же онъ, Раскольниковъ, сильный человѣкъ, мужчина, не найдетъ въ себѣ достаточно силы? Вѣдь у него есть сестра, которую онъ сильно любитъ, и старая мать, высылающая ему гроши изъ своей грошевой пенсіи...

На слѣдующій день Раскольниковъ получаетъ письмо отъ матери. Она говоритъ о тѣхъ надеждахъ, которыя онѣ съ дочерью возлагаютъ на него—Раскольникова, разсказываетъ о томъ, какимъ оскорбленіямъ должна была подвергнуться его сестра Дуня, и, наконецъ, сообщаетъ проэктъ ея брака съ г. Лу-

жинымъ.—Раскольниковъ понимаетъ, что этотъ бракъ заключается только для него, да объ этомъ упоминается вскользь и въ самомъ письмѣ. Онъ твердо рѣшаетъ, что этому браку не бывать. Съ другой стороны, ему страстно хотѣлось бы обезпечить свою старую мать и сестру. Ему, бѣдному студенту, однако, нѣтъ выбора.—Онъ все болѣе и болѣе убѣждается, что помочь тутъ можетъ только преступленіе. Къ тому же, у него создалась своя теорія, которую онъ могъ бы приложить въ данномъ случаѣ. Да и старуха для него не болѣе, какъ отвратительное насѣкомое—„вошь“, убивъ которую, онъ скорѣе сдѣлаетъ доброе дѣло, чѣмъ совершить преступленіе. Всѣ эти доводы приводятъ его, подъ конецъ, къ неизбѣжному слѣдствію—онъ убиваетъ старуху.

Посмотримъ въ чемъ-же состояла его теорія. Люди, по его мнѣнію, раздѣляются на два разряда. Люди перваго разряда живутъ главнымъ образомъ для того, чтобы служить „матеріаломъ“ для людей необыкновенныхъ, они ограниченны и консервативны. Другой разрядъ составляютъ люди, преступающіе законъ, не желающіе идти по принятымъ, избитымъ дорогамъ; они создаютъ новое и двигаютъ впередъ человѣчество. Обыкновенно второй разрядъ господствуетъ надъ первымъ, такъ какъ люди глупы и власть среди нихъ принадлежитъ тому, кто ее просто посмѣетъ взять.

До этой теоріи Раскольниковъ дошелъ, лежа въ своей убогой комнатѣ въ темные зимніе вечера и думая. О томъ, что эти вопросы занимали его, свидѣтельствуетъ и его статья о преступленіяхъ, въ которой онъ говоритъ, что необыкновенный человѣкъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть черезъ иныя препятствія.

Итакъ, люди дѣлятся на 2 разряда. Въ умѣ Раскольникова возникаетъ вопросъ: къ которому разряду принадлежитъ онъ? хватаетъ ли у него смѣлости и силы, сможетъ ли онъ переступить? — И онъ производитъ опытъ. Въ качествѣ цѣли, съ которой онъ собирается совершить преступленіе, онъ выставляетъ желаніе помочь матеріальному положенію, какъ своему, такъ и сестры и матери. Это, однако, была цѣль побочная, случайная; главное--ему требовалось приложить къ дѣлу свою теорію. Это видно и изъ того, что онъ не воспользовался ничѣмъ изъ того, что взялъ у старухи. „Не деньги, главное, нужны мнѣ были", говоритъ онъ Сонѣ;" не столько деньги нужны были, какъ другое.

Я все это теперь знаю... Мнѣ надо было узнать, вошь-ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я переступить, или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять, или нѣтъ? Тварь ли дрожащая, или право имѣю?"...

Въ другомъ мѣстѣ онъ думаетъ такъ: „старуха вздоръ, старуха пожалуй что и ошибка, не въ ней дѣло! Старуха была только болѣзнь.... Я переступить скорѣй хотѣлъ.... Я не человѣка убилъ, я принципъ убилъ"! —

Послѣ совершенія преступленія для Раскольникова начинается рядъ мученій доводящихъ его до того, что онъ сознается въ своемъ проступкѣ. Опасеніе быть открытымъ заставляетъ его постоянно принимать мѣры, дрожать. Онъ чувствуетъ себя какъ-бы связаннымъ въ обществѣ сестры и матери, которыхъ онъ любитъ. Онъ знаетъ, что и онѣ чувствуютъ эту принужденность которая проглядываетъ во всемъ во время ихъ свиданій съ нимъ, и это заставляетъ его еще сильнѣе мучиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его неодолимо тянетъ разсказать кому-либо о своемъ преступленіи, и онъ чуть не пробалтывается Заметову, а затѣмъ Разумихину.

Подъ вліяніемъ того-же чувства идетъ онъ безъ особенной надобности къ судебному слѣдователю. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ, отправляется къ Сонѣ, такой же „переступившей“, какъ и онъ самъ. Онъ разсказываетъ ей все; однако, онъ не согласенъ признать себя преступникомъ. Онъ убѣдился только въ томъ, что не имѣетъ достаточно силы, чтобы „преступить“, что онъ просто „тварь дрожащая“ и что пролилъ кровь безъ всякой пользы. Онъ чувствуетъ, что совершилъ насиліе надъ своей нравственной природой и что въ этомъ заключается вся его вина. „Развѣ я старушонку убилъ?“ говоритъ онъ Сонѣ,—„я себя убилъ, а не старушонку. Такъ-таки разомъ и ухлопалъ себя навѣки“!...

„Что вы, что вы надъ собой сдѣлали!“ съ воплемъ бросается къ нему послѣ его признанія Соня—„нѣтъ, нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь на цѣломъ свѣтѣ“! —

Въ этихъ словахъ Раскольникова и Сони выраженъ весь смыслъ романа.—

Подъ вліяніемъ Сони, а также собственныхъ душевныхъ страданій, Раскольниковъ наконецъ сознается въ своемъ преступленіи. Къ тому же, онъ узнаетъ отъ Порфирія, что его подозрѣваютъ и что для него выгоднѣе всего сознаться самому. Онъ, однако, все еще не считаетъ себя виновнымъ, въ немъ нѣтъ раскаянія. Съ такимъ настроеніемъ уѣзжаетъ онъ и въ Сибирь, куда слѣдуетъ за нимъ и Соня. И тутъ, только черезъ нѣкоторое время, начинаетъ онъ подъ вліяніемъ ея возрождаться къ новой жизни...

Кто же такой Раскольниковъ?— „Раскольниковъ—это властный, требовательный человѣкъ, который воображаетъ, что онъ имѣетъ какое-то особенное, исключительное право на жизнь, что онъ одинъ можетъ возстать на общество, „преступить“ можетъ всѣ его уза-

коненія, нравы, вѣрованія, во имя своей личной воли, во имя требованій своей личной мысли". (Е. Соловьевъ Какъ представитель извѣстнаго теченія, онъ можетъ быть названъ видоизмѣненіемъ основного типа нигилиста, наиболѣе ярко обрисованнаго Тургеневымъ въ лицѣ Базарова. Онъ, однако, сильно отличается отъ послѣдняго. Между тѣмъ какъ въ лицѣ Базарова мы видимъ представителя извѣстнаго теченія, проповѣдника новыхъ идей, Раскольниковъ является передъ нами, просто какъ человѣкъ. Въ немъ гораздо болѣе индивидуальнаго, личнаго элемента, чѣмъ въ Базаровѣ. Онъ человѣкъ недюжинный, глубокій. Разъ вступивъ на путь отрицанія, онъ упорно и послѣдовательно идетъ по этому пути. Какъ натура глубокая, онъ не можетъ остановиться на какой-либо точкѣ при своей нравственной логикѣ и доходитъ до крайнихъ предѣловъ. — Хотя Раскольниковъ иногда и говоритъ объ общемъ благѣ, о благѣ человѣчества, все же, всѣ его разсужденія и поступки сводятся окончательно къ нему самому. Къ соціалистамъ онъ относится съ усмѣшкой. Презрительный взглядъ на людей, въ связи съ сознаніемъ своей силы, своего превосходства, приводятъ его къ извѣстной уже намъ теоріи. Взгляды, которые высказываетъ Раскольниковъ въ этой теоріи, имѣютъ много общаго съ мыслями философа Ницше. Человѣкъ, „смѣющій преступить", напоминаетъ намъ „сверхъ-человѣка" Ницше. Недаромъ Ницше высоко цѣнилъ Достоевскаго и считалъ его однимъ изъ своихъ учителей. —

На протяженіи всего романа Раскольникову постоянно противополагается его товарищъ по университету—*Разумихинъ*. Это типъ прямодушнаго добряка, трудящагося и не унывающаго въ случаѣ бѣды. Онъ способенъ выдержать жизнь бѣднаго студента, кото-

рая оказалась не по плечу Раскольникову. Онъ болѣе спокойная и сдержанная натура, чѣмъ послѣдній, въ немъ нѣтъ той порывистой страстности, способности увлечься такъ глубоко. Въ общемъ, это лицо вполнѣ живое.—Правдоподобности и выдержанности фигуры Разумихина мѣшаетъ только то, что авторъ заставляетъ его высказывать свои взгляды, являющіеся отпоромъ противъ взглядовъ Раскольникова. Эти взгляды какъ-то не сходятся съ основными чертами характера Разумихина. Онъ говоритъ, что „мы чуть ли не 200 лѣтъ отъ дѣла отучены... что всѣ мы привыкли на помочахъ ходить", заявляетъ Раскольникову, что „всѣ вы до единаго болтунишки и фанфаронишки... заведется у васъ страданьице — вы съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ, носитесь! Даже и тутъ воруете чужихъ авторовъ—ни признака жизни въ васъ самостоятельной!" и т. д. Всѣ подобныя разсужденія его сильно отдаютъ славянофильствомъ. —

Переходимъ къ семейству Мармеладовыхъ. Бѣдность довела *Мармеладова* до крайняго пьянства. Казалось, онъ потерялъ всякій образъ человѣческій, но между тѣмъ мы видимъ въ немъ много истинно-человѣческихъ чувствъ. Разсказъ его о томъ, какъ дочь его Соня „ушла въ шесть и пришла въ девять", вся его пьяная исповѣдь вызываетъ въ читателѣ самыя разнообразныя чувства, надъ которыми все же преобладаетъ чувство глубокаго состраданія къ этому несчастному. —

Соня Мармеладова — лицо глубоко-идеальное. Это чистая, великодушная дѣвушка, рѣшившаяся пожертвовать собой для того, чтобы помочь своему семейству. Несмотря на этотъ подвигъ самоотреченія, совершенный ею, она считаетъ себя глубоко-падшей, достойной развѣ презрѣнія. Только въ глубинѣ ея души живетъ,

вѣроятно, надежда на то, что ее проститъ Богъ. Впрочемъ, можетъ быть, она даже не „дерзаетъ“ надѣяться на это. Она всей своей жизнью проводитъ идею Достоевскаго объ очищающаемъ значеніи страданія.

Раскольниковъ понялъ, насколько выше въ нравственномъ отношеніи стояла Соня надъ окружающей ее средой, почувствовалъ, что только она способна понять его и это заставило его признаться ей первой въ совершенномъ преступленіи. Соня, повторяемъ, фигура идеальная и поэтому нѣсколько нежизненная, блѣдная.

Противоположность въ этомъ отношеніи предъставляетъ *Катерина Ивановна*. Она вся—сама жизнь съ ея страданіями, ужасами и постоянной, ежеминутной борьбой. Въ этой женщинѣ заключенъ громадный запасъ энергіи, не позволяющей ей складывать оружіе, заставляющей ее бороться до послѣдняго издыханія. А между тѣмъ припомнимъ обстановку, въ которой приходилось ей жить и вести борьбу—безвыходная бѣдность, пьяный мужъ, уносящій изъ дому послѣдніе гроши, голодныя дѣти, жалкое хозяйство, доходящее наконецъ до нищеты... — Всѣмъ этимъ вполнѣ объясняется та отчаянная ожесточенность, которая порой проявляется въ Катеринѣ Ивановнѣ.

Вся исторія семьи Мермеладовыхъ принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ, написаннымъ Достоевскимъ. Это разсказъ, выхваченный изъ жизни, полная потрясающей тишины картина паденія и нищеты.

Какъ то отдѣльно отъ всего дѣйствія романа стоитъ фигура *Свидригайлова*. Въ ней многое остается необъясненнымъ, загадочнымъ. Свидригайловъ—человѣкъ способный на всякую гадость, но, между тѣмъ, мы видимъ въ немъ и хорошія движенія души — такъ, онъ вдругъ обезпечиваетъ послѣ смерти Катерины Ива-

новны ея семейство. Неясны его отношенія къ сестрѣ Раскольникова. Очевидно, онъ питалъ къ ней глубокую и постоянную страсть. Сцена его свиданія съ ней заставляетъ думать, что въ немъ говорило не одно животное вожделѣніе, но нѣчто иное. Неясенъ также душевный процессъ, который довелъ его до самоубійства. — При всей недостаточности и туманности обрисовки, Свидригайловъ производитъ впечатлѣніе чего-то цѣльнаго, какой-то силы. Онъ даже симпатиченъ, несмотря на свои дурныя стороны.

Подлецъ, несимпатичный, отталкивающій — это господинъ *Лужинъ*, женихъ Дуни. Онъ пробилъ себѣ дорогу своими трудами и гордится этимъ, постоянно упоминая, что „ученъ на мѣдные гроши“. Свои крайне-эгоистичные, порой подлые поступки онъ прикрываетъ строгой маской внѣшней, полной достоинства, пристойности. Онъ самъ считаетъ себя строго-нравственнымъ человѣкомъ, хотя и не брезгуетъ открыто дѣйствовать самыми низкими средствами. Въ общемъ, этотъ человѣкъ производитъ на читателя отталкивающее впечатлѣніе, то самое впечатлѣніе, которое произвелъ онъ на тотчасъ разгадавшаго его Раскольникова.

Порфирій Петровичъ нарисованъ мастерски. Но все же, это идеальный типъ слѣдователя, глубокаго психолога, способнаго читать въ душѣ человѣка. Онъ искусно доводитъ Раскольникова до того, что послѣдній своими неумѣлыми стараніями отвлечь отъ себя подозрѣніе, раскрываетъ передъ нимъ всѣ свои карты. Затѣмъ онъ объявляетъ, что не намѣренъ воспользоваться достигнутымъ успѣхомъ, и совѣтуетъ своей жертвѣ явиться съ повинной, говоря, что это несравненно выгоднѣй для послѣдней. Все это онъ дѣлаетъ вполнѣ искренно.

Сестра и мать Раскольникова очерчены слабо. Изъ нихъ удачнѣе и ближе къ жизни вышла мать.

Не будемъ вдаваться въ характеристики множества остальныхъ дѣйствующихъ лицъ—Лебезятникова, Заметова, поручика Пороха, жены Свидригайлова, старухи-процентщицы, Лизы и т. д. Всѣ они являются побочными фигурами, не принимающими близкаго участія въ дѣйствіи романа, и очерчены случайными, бѣглыми штрихами.

Основная идея романа высказана уже въ его названіи—всякое преступленіе влечетъ за собой наказаніе. Мало того—это наказаніе необходимо, чтобъ загладить совершенный проступокъ, искупить вину; оно способно возродить человѣка, вернуть его къ жизни, или даже указать новую, истинную дорогу, указать истинный смыслъ жизни. Идея необходимости страданія для нравственнаго возвышенія и очищенія—это одна изъ излюбленныхъ идей Достоевскаго. Психологическій анализъ доведенъ въ романѣ до возможной глубины; авторъ заглядываетъ въ самые отдаленные уголки души своего героя. „Преступленіе и наказаніе“ занимаетъ первое мѣсто среди цѣлаго ряда произведенній Достоевскаго, отличающихся глубиной психологическаго анализа („Идіотъ“, „Бѣсы“. и „Братья Карамазовы“ и др.) и, вообще, является лучшимъ психологическимъ романомъ въ русской литературѣ.

Въ художественномъ отношеніи романъ „Прест. и наказ.“ стоитъ приблизительно на той же высотѣ, какъ и большинство произведеній Достоевскаго, т. е. въ немъ имѣются тѣ же недостатки — однообразіе и небрежность языка, растянутость, нагроможденіе эпизодовъ и т. д. Однако, несмотря на все это, читая романъ, нельзя отъ него оторваться.

„Идіотъ“

Изъ произведеній Достоевскаго однимъ изъ самыхъ выдающихся по глубинѣ психологическаго анализа является романъ „Идіотъ“. Въ немъ, какъ можно судить по одному изъ писемъ Достоевскаго, онъ хотѣлъ изобразить „положительно прекраснаго человѣка“.

Основной фигурой этого романа является „идіотъ“— молодой *князь Мышкинъ*, послѣдній изъ потомковъ обѣднѣвшей княжеской фамиліи. Въ дѣтствѣ онъ страдалъ какой-то особенной болѣзнью и былъ посланъ въ Швейцарію, гдѣ его лѣчилъ какой-то профессоръ; онъ же занимался также и его образованіемъ.— „Идіотъ“ выросъ уединенно, вдали отъ города. Своими поступками онъ настолько отличается отъ окружающей среды, что немудрено, если какой-нибудь представитель свѣтскаго общества дѣйствительно видѣлъ въ немъ слабоумнаго, идіота.—Отличительными чертами его являются—прямодушіе, простота и состраданіе къ людямъ—эти черты выступаютъ въ немъ уже съ первыхъ страницъ романа, въ той сценѣ, гдѣ онъ разсказываетъ камердинеру о Швейцаріи и излагаетъ свой взглядъ на смертную казнь. „Идіотъ“ не можетъ равнодушно видѣть человѣческаго страданія. Чувство жалости, которое онъ чувствуетъ къ Настасьѣ Филипповнѣ, онъ принимаетъ за любовь къ ней. Это, впрочемъ, сознаетъ онъ отчасти самъ: „Я люблю ее не любовью, а жалостью“, говоритъ онъ.

Чувство жалости, принимаемое имъ за любовь, заставляетъ его сдѣлать предложеніе ей, лишь только улучшилось его собственное матеріальное положеніе; ему хочется вырвать ее изъ этой полной униженій жизни.

То же чувство состраданія побуждаетъ его, въ бытность въ Швейцаріи, заступиться за Мари. Въ данномъ случаѣ онъ, очевидно, принимаетъ это чувство за нѣчто близкое къ любви—вѣдь приводитъ же онъ эту исторію, уступая просьбамъ петербургскихъ барышень разсказать исторію своей любви.

Въ эпизодѣ съ Мари высказалась также близость „идіота“ къ дѣтямъ и его безграничная любовь къ нимъ. Онъ могъ убѣдить ихъ, доказать имъ, что бѣдная Мари не какая-то преступница, въ которую нужно кидать грязью, а просто несчастная, только потому, что самъ, въ сущности, былъ большое дитя.—Вслѣдствіе болѣзни, дѣтство его продолжалось дольше, чѣмъ обыкновенно и, казалось, изъ этой поры онъ сохранилъ дѣтски-чистый складъ души. Довольно мѣтко выразилась про него Аглая: по ея словамъ, хотя умъ „идіота“ и боленъ, но за то его „главный умъ“ лучше, чѣмъ у окружающихъ. Вѣдь существуетъ, по ея словамъ, два ума—„главный“ и „не главный; „не главный“—это тотъ умъ, которымъ жила сама Аглая, которымъ живетъ большая часть общества—этимъ-то умомъ и не отличается „идіотъ“. Зато у него сильнѣй „главный умъ“, чѣмъ и обусловливаются тѣ глубокія человѣческія чувства, которыя такъ рѣзко отличаютъ „идіота“ отъ окружающихъ его людей.

При всей своей дѣтской наивности, „идіотъ“ высказываетъ мысли замѣчательной глубины и способенъ къ поразительнымъ психологическимъ выводамъ. Всѣмъ этимъ онъ опять же обязанъ простотѣ и непосредственности своей натуры, сильной „главнымъ умомъ“

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько удалось Достоевскому созданіе типа безусловно прекраснаго человѣка, мы должны сказать только, что

фигура Мышкина вышла правдивой и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразной.

Настасью Филипповну причисляютъ обыкновенно къ „*хищнымъ*“ типамъ Достоевскаго, но, въ сущности, она очень несчастное созданіе. Въ Мышкинѣ она увидѣла перваго человѣка, понявшаго ее. Несмотря на ея поведеніе у Гани, не говорившее въ ея пользу, онъ сразу угадалъ, что она не такая, какой теперь „представляется“. Это поразило ее; она сразу увѣровала въ „идіота“, а затѣмъ и полюбила.

Она понимаетъ, однако, что онъ дѣлаетъ ей предложеніе только изъ чувства состраданія къ ней; ей не хочется жертвы, ей не хочется связать его. Эти чувства съ одной стороны, а съ другой стороны, ревность къ Аглаѣ—все это служитъ причиной тѣхъ многочисленныхъ колебаній въ ея отношеніяхъ къ князю, которыя заканчиваются ея бѣгствомъ къ Рогожину и затѣмъ смертью, послужившей въ то же время поводомъ къ окончательному и безнадежному разстройству умственныхъ способностей бѣднаго „идіота“.

„Бѣсы“.

Въ романѣ „Бѣсы“ Достоевскій рисуетъ намъ представителейдвухъпоколѣній—поколѣнія, предшествовавшаго ему, и поколѣнія современной ему интеллигентной молодежи, отмѣчая и тутъ и тамъ только отрицательныя стороны. Представитель стараго поколѣнія—Степанъ Трофимовичъ Верховенскій. Онъ живетъ въ качествѣ приживальщика у богатой генеральши Ставрогиной, учителемъ сына которой онъ состоялъ раньше. Въ качествѣ человѣка, пострадавшаго за свои либеральныя

убѣжденія, онъ увѣренъ, что за нимъ вѣчно слѣдятъ. Онъ считаетъ себя немалой величиной, забытой и неоцѣненной. Когда затѣмъ о немъ вспоминаютъ въ какомъ то изданіи, онъ снова рѣшается примкнуть къ движенію. Когда же эта попытка кончается неудачей, онъ беретъ странническую суму и отправляется, куда глаза глядятъ Тутъ сталкивается онъ съ книгоношей и хватается за мысль распространять среди народа Евангельское ученіе. „Въ устномъ изложеніи, говоритъ онъ, можно исправить ошибки этой замѣчательной книги“...

Во всѣхъ его поступкахъ мы видимъ одно только позированіе, расчитанность на эффектъ; его либеральные взляды какъ-то не вяжутся съ его поступками. Такъ, извѣстіе о предстоящей крестьянской реформѣ было встрѣчено имъ съ осторгомъ; однако, при какихъ-то недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ одной изъ ближайшихъ деревень, Степанъ Трофимовичъ настаиваетъ на необходимости послать туда большее количество солдатъ, предлагаетъ тотчасъ послать по этому поводу просьбу куда слѣдуетъ и т. д. Въ сущности, онъ довольно жалкій человѣкъ. —

„Степанъ Трофимовичъ, подъ конецъ, самъ себя вѣрно опредѣляетъ, говоря, на основаніи Апокалипсиса, что нужно быть или холоднымъ, или горячимъ а не только теплымъ. Онъ понимаетъ, что онъ былъ только тепелъ, что онъ былъ „середка на половинкѣ“, а потому и вышло отъ него такъ немного проку. Такіе люди дѣйствительно были—это праздные идеалисты сороковыхъ годовъ“. (Ор. Миллеръ). —

Въ художественномъ отношеніи фигура Степана Трофимовича является лучшей фигурой романа. —

Въ лицѣ представителей молодого поколѣнія Достоевскій лишній разъ изобразилъ интеллигентовъ, оторвавшихся отъ народа. Сынъ Степана Трофимовича

Петръ Степановичъ Верховенскій — вотъ главное лицо, на которомъ онъ показываетъ, до чего, по его мнѣнію, можетъ довести эта оторванность отъ народа и увлеченіе не имѣющей съ нимъ органической связи теоріей нигилизма. Молодымъ Верховенскимъ, впрочемъ, руководитъ не столько теорія, сколько его безграничное властолюбіе. Онъ не останавливается ни передъ чѣмъ. Онъ съумѣлъ такъ подчинить себѣ, такъ крѣпко опутать сѣтью всю „пятерку“, что члены послѣдней уже не видятъ возможности вырваться изъ этой сѣти и волей-неволей принимаютъ участіе въ убійствѣ Шатова. —

Шатовъ—это человѣкъ совершенно отличный отъ Петра Степановича. Какъ и послѣдній, онъ побывалъ заграницей, но вернулся оттуда съ убѣжденіемъ, что нельзя помочь народу, удалившись отъ него. Онъ понимаетъ, что онъ долженъ служить народу, а не народъ матеріаломъ для его операцій. Онъ презираетъ Верховенскаго и дѣятелей его кружка и не боится открыто высказать это презрѣніе. —

Наряду съ такими явленіями, какъ Петръ Степановичъ Верховенскій, Достоевскій изобразилъ и представителей реакціи въ лицѣ *Гоганова и фонъ-Лебке*. Первый изъ нихъ—это представитель дворянства, хотя какъ-бы и примирившагося съ крестьянской реформой, но въ сущности стремящагося возвратить свои утраченныя права. —

Лебке—представитель оффиціальной бюрократической реакціи. Она своими неумѣлыми поступками, по мнѣнію Петра Верховенскаго, скорѣй прокладываетъ дорогу освободительному движенію, чѣмъ задерживаетъ его. —

Появленіе романа „Бѣсы“ было встрѣчено большинствомъ критиковъ враждебно. Въ немъ видѣли

какое-то разоблаченіе Нечаевской исторіи; автору ставили въ вину, что онъ изобразилъ представителей движенія въ видѣ какихъ-то чудовищъ. Посмотримъ, что говоритъ по этому поводу самъ Достоевскій: „Въ моемъ романѣ „Бѣсы“, замѣчаетъ онъ въ „Дневникѣ писателя“, я пытался изобразить тѣ многоразличные и разнообразные мотивы, по которымъ даже чистѣйшіе сердцемъ и простодушнѣйшіе люди могутъ быть привлечены къ совершенію чудовищнаго злодѣйства“...

„Подростокъ“.

Въ романѣ „Подростокъ“ Достоевскій снова знакомитъ насъ съ забитымъ, униженнымъ человѣкомъ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ типомъ униженнаго человѣка, котораго одинъ критикъ мѣтко назвалъ „идейнымъ человѣкомъ“. „Идейнымъ человѣкомъ“ является Раскольниковъ въ „Прест. и наказаніе“; другого идейнаго человѣка мы видимъ въ Аркадіи Долгоруковомъ въ „Подросткѣ“. Всѣ униженные и оскорбленные люди, страдающіе отъ обстоятельствъ и отъ окружающей ихъ среды, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, смотря по тому, какъ отзываются они на униженія. Люди, принадлежащіе къ первой группѣ,—это тѣ, которые доходятъ до какой-то обезличенности, до отрицанія своего достоинства; они сносятъ всѣ униженія съ безотвѣтностью, какъ нѣчто должное. У людей второй группы униженія вызываютъ ожесточенность и злобу, глухое недовольство собой; все это они обыкновенно прячутъ глубоко въ себѣ и только порой эти чувства прорываются наружу, по большей части въ какой-нибудь дикой, уродливой формѣ.—Люди послѣдней группы, не будучи въ состояніи примириться

со своимъ положеніемъ и не находя удовлетворенія въ своей озлобленности, начинаютъ задаваться вопросами о томъ, какъ выйти изъ своего положенія, чѣмъ помочь.—На этой почвѣ и вырабатываются „идейные люди“, т. е. люди, додумавшіеся до какой-нибудь отвлеченной идеи, въ которой они и находятъ сравнительное удовлетвореніе. —

Такимъ „идейнымъ человѣкомъ“ и является „подростокъ“—*Аркадій Макаровичъ Долгорукій.* Онъ незаконнорожденный сынъ помѣщика Версилова и его дворовой. Съ дѣтства онъ не зналъ ни отца, ни матери; сначала онъ жилъ гдѣ-то въ деревнѣ, а затѣмъ, когда ему минуло 7 лѣтъ, былъ отданъ въ пансіонъ къ какому-то невѣжественному французу, г-ну Тушару. Такъ какъ пансіонъ послѣдняго былъ аристократическій, то за Долгорукаго, какъ за стоящаго слишкомъ низко по знатности и даже компрометирующаго заведеніе, Тушаръ потребовалъ прибавки къ нормальной платѣ. Получивъ отказъ на это требованіе, онъ рѣзко измѣняетъ свое отношеніе къ мальчику: онъ грубо сажаетъ его отдѣльно отъ остальныхъ учениковъ, заявивъ, что онъ „не смѣетъ сидѣть съ благородными дѣтьми“, такъ какъ онъ „подлаго происхожденія и все равно, что лакей“; онъ начинаетъ бить мальчика и всячески вымещать на немъ свою злобу. Желая обезоружить и смягчить его, мальчикъ, несмотря на насмѣшки товарищей, бросается цѣловать его руки, плачетъ и т. д.— Тушаръ дѣйствительно начинаетъ обращаться съ нимъ лучше; мальчикъ же старается ему еще больше угождать.—Вотъ какъ говоритъ онъ самъ о своемъ душевномъ состояніи въ этотъ періодъ: „... Была ли во мнѣ злоба? Не знаю, можетъ быть и была. Странно, во мнѣ всегда была и, можетъ быть, съ самаго перваго дѣтства, такая черта: какъ уже мнѣ сдѣлали зло, уни-

зили окончательно, оскорбили глубоко, до послѣднихъ предѣловъ, то всегда тутъ же являлось у меня неутолимое желаніе пассивно подчиниться оскорбленію и даже пойти впередъ желаніямъ обидчика.—„На-те, вы унизили меня, такъ я еще пуще самъ унижусь, вотъ смотрите, любуйтесь“!... Тушаръ билъ меня и хотѣлъ показать, что я лакей, а не сенаторскій сынъ, и вотъ я сейчасъ же вошелъ въ роль лакея.... Я знаю, что товарищи смѣются и презираютъ меня за это, отлично знаю, но мнѣ это-то и любо. „Коли хотѣлъ, чтобы я былъ лакей, ну, такъ вотъ, я и лакей! хамъ, такъ хамъ и есть“. Пассивную ненависть и подпольную злобу въ этомъ родѣ я могъ продолжать годами“... Онъ уходитъ весь въ себя, тая глубоко эту подпольную злобу. Онъ чувствуетъ себя лучше всего одинъ, когда онъ можетъ мечтать, „пересоздавать жизнь на новый ладъ“. Изъ этихъ мечтаній, вначалѣ смутныхъ, понемногу выводится у него логическое обобщеніе, послѣдствіемъ котораго и является его „идея“. Эта идея была—сдѣлаться Ротшильдомъ. —

Посмотримъ, какъ сложилась она въ его головѣ. Въ своихъ неясныхъ мечтахъ подростокъ представлялъ себѣ то, что недоставало ему въ окружающей жизни. Постоянно унижаемый, не чувствующій за собой никакой силы, никакого значенія, онъ понятно мечталъ о силѣ и значеніи. Приглядываясь, далѣе, къ окружающей жизни, особенно, къ жизни окружающей его среды, онъ замѣчалъ, какую важную роль играютъ въ этой жизни деньги — „гдѣ деньги, тамъ и сила“, — сдѣлалъ онъ выводъ изъ своихъ наблюденій.

„Деньги—это единственный путь, который приводитъ на первое мѣсто даже самое ничтожество... Я, напримѣръ, знаю по зеркалу, что моя наружность мнѣ вредитъ, потому что лицо мое ординарно. Но будь я

богатъ, какъ Ротшильдъ, кто будетъ справлятся съ моимъ лицомъ, и не тысячи ли женщинъ, только свистни, налетятъ ко мнѣ со своими красотами? Я даже увѣренъ, что онѣ сами совершенно искренно станутъ считать меня подъ конецъ красавцемъ". — Очень интересно посмотрѣть, какъ думаетъ пользоваться капиталомъ подростокъ. Онъ не намѣренъ, накопивши богатство, развернуться во всю, пожить всласть, наверстать т. обр. потерянное время и вознаградить себя реально за лишенія—нѣтъ, съ него будетъ достаточно, сознанія своей силы. Еслибъ онъ обладалъ силой, то онъ добровольно занялъ бы послѣднее мѣсто.

„Будь я Ротшильдомъ, я ходилъ бы въ старенькомъ пальто и съ зонтикомъ. Какое мнѣ дѣло, что меня толкаютъ на улицѣ, что я принужденъ перебѣгать въ припрыжку по грязи, чтобы меня не раздавили извощики. Сознаніе, что это я, самъ Ротшильдъ, даже веселило бы меня въ эту минуту. Я знаю, это у меня можетъ быть обѣдъ, какъ ни у кого, и первый въ свѣтѣ поваръ; съ меня довольно, что я это знаю. Я съѣмъ кусочекъ хлѣба и ветчины и буду сытъ моимъ сознаніемъ"... Мысль накопить себѣ богатство, именно, „накопить", наконецъ занимаетъ его цѣликомъ; обдумавъ всѣ пути, онъ приходитъ къ выводу, что необходимыми условіями для достиженія благопріятныхъ результатовъ, являются „упорность и непрерывность". Онъ начинаетъ дѣлать опыты. Сперва онъ пріучаетъ себя къ голоданію. Опытъ проходитъ удовлетворительно, и онъ въ восхищеніи. Затѣмъ онъ начинаетъ урѣзывать половину изъ своихъ карманныхъ денегъ—въ результатѣ получается черезъ два года семьдесятъ рублей. — Казалось, эти первые опыты должны были предвѣщать полную удачу; но на дѣлѣ вышло иначе. Явились факты, которые отодвинули

исполненіе идеи. Первымъ изъ нихъ былъ эпизодъ съ Римочой. Къ Николаю Семеновичу, у котораго жилъ въ Москвѣ Долгорукій, подкинули ребенка. Его рѣшили отправить въ воспитательный домъ, но Аркадій Макаровичъ воспротивился. Онъ оставляетъ ребенка у себя, платитъ кормилицѣ и, вообще, всячески заботится о немъ; на это уходитъ половина его капитала.— Римочка скоро умерла, но уже этотъ случай показалъ насколько непослѣдовательно выполнялъ свой планъ подростокъ. Еще сильнѣй стала замѣтна эта непослѣдовательность по его пріѣздѣ въ Петербургъ: онъ начинаетъ кутить, заводитъ лихача и т. д.—идея уходитъ на задній планъ. „Почему не повеселиться, почему не развлечься? Жизнь долга, а идея всегда остается при мнѣ, измѣнить ей я не могу, значитъ и безпокоиться не о чемъ, еще успѣю и для нея поработать“ — разсуждаетъ онъ. Онъ все откладываетъ ея осуществленіе, и идея такъ и остается неисполненной.

Отличительной чертой подростка является эгоизмъ. Какъ большинство забитыхъ людей, онъ уходитъ въ себя; весь кругъ интересующихъ его вопросовъ касается его самого, его собственное „я“ на первомъ планѣ. Чувство эгоизма заставляетъ его постоянно огорчать свою любимую мать, оно-же заставляетъ его кичиться своей незаконорожденностью. Узнавъ, что сестра его Лиза находится въ связи съ княземъ Сокольскимъ, онъ первымъ дѣломъ задаетъ себѣ вопросъ—какъ могла она его обмануть; о томъ, насколько несчастна, быть можетъ, она сама, онъ и не думаетъ. Чувство эгоизма заставляетъ его, наконецъ, сохранить и документъ Катерины Николаевны.—Вполнѣ ясно выражается подростокъ у Дергачева. „Пока у меня есть два рубля, я хочу жить одинъ, ни отъ кого не зависѣть и ничего не дѣлать даже для того великаго

будущаго человѣчества, работать на которое приглашали господина Крафта. Личная свобода, т. е. моя собственная-съ, на первомъ планѣ, а дальше знать ничего не хочу... Что мнѣ за дѣло до того, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ съ этимъ нашимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это по вашему кодексу ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига нѣтъ-съ; если такъ, то я самымъ превѣжливымъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть бы всѣ провалились!“...

Другая черта его характера—слабохарактерность, неустойчивость. Онъ не въ состояніи послѣдовательно проводить свою идею; столичная жизнь съ ея соблазнами такъ на него дѣйствуетъ, что онъ начинаетъ откладывать исполненіе идеи и совсѣмъ о ней забываетъ.

Подростокъ постоянно чувствуетъ потребность въ человѣкѣ, который проявлялъ бы „душевное благообразіе“. Близко къ этому исканію стоитъ и его любовь къ отцу и страстное желаніе разгадать его.

Характеръ *Версилова*—отца подростка — довольно туманный; онъ какой-то проповѣдникъ, „желаній пророкъ“, какъ мѣтко характеризуетъ его Крафтъ. Онъ мечтаетъ о всеобщемъ счастьѣ, но не дѣлаетъ ни шагу для этого счастья и прожилъ за свою жизнь уже три состоянія. На протяженіи всей жизни онъ совершаетъ рядъ какихъ-то странныхъ поступковъ, то хорошихъ, то дурныхъ.

„Душевное благообразіе“ подростокъ находитъ только въ *Макарѣ Ивановичѣ*. Это вышедшій изъ народа старикъ, типъ богомола-странника съ болѣе широкимъ взглядомъ на жизнь. Его „благообразіе“ носитъ характеръ нѣсколько „не отъ міра сего“.

„Братья Карамазовы“.

Послѣднимъ произведеніемъ Достоевскаго былъ романъ „Братья Карамазовы“.

Начнемъ съ младшаго изъ братьевъ—*Алеши*. Бросивъ гимназію, онъ пріѣзжаетъ въ родной городъ, „чтобы отыскать могилу матери“. Тутъ онъ попадаетъ къ старцу Зосимѣ, живущему въ сосѣднемъ монастырѣ. Онъ становится ученикомъ и послѣдователемъ старца, и изъ него получается „ранній человѣколюбецъ“, какъ называетъ его Достоевскій.

Алеша добръ и кротокъ, онъ любитъ людей и прощаетъ имъ все; онъ вѣритъ въ существованіе въ мірѣ всепрощающаго начала. Съ перваго взгляда онъ кажется какимъ-то идеалистомъ-мистикомъ; однако, по словамъ автора, Алеша въ высшей степени реалистъ. Между прочимъ, требованіе чувства реальности выказалось въ ожиданіи непремѣннаго чуда послѣ смерти старца.

Религіозность Алеши носитъ чисто-случайный характеръ; она развилась въ немъ только оттого, что случай столкнулъ его со старцемъ Зосимой. Алеша могъ увлечься съ такимъ же успѣхомъ атеизмомъ, соціализмомъ или какимъ-нибудь другимъ ученіемъ. Послѣ смерти старца, не дождавшись чуда, онъ уходитъ изъ монастыря. Его встрѣчаетъ Ракитинъ и заводитъ къ Грушенькѣ. Послѣдняя поитъ его виномъ, садится къ нему на колѣни, но ей становится совѣстно своего намѣренія соблазнить его, когда она узнаетъ, что только что умеръ его учитель. Между тѣмъ, въ Алешѣ уже собирается проснуться Карамазовъ, и только этотъ порывъ Грушеньки приводитъ его въ себя.

Главнымъ представителемъ Карамазовщины является старшій изъ братьевъ *Митя*. Это увлекающійся, не-

обузданный, грубый и сладострастный человѣкъ. Онъ, однако, всегда сознаетъ низость своихъ поступковъ, не старается раскрасить ихъ передъ своей совѣстью; онъ даже склоненъ къ самобичеванію.—Подъ вліяніемъ Алеши онъ начинаетъ вѣровать въ благое начало, частицу котораго онъ чувствуетъ въ себѣ. Когда ему выпадаетъ на долю каторга, то эта вѣра служитъ ему утѣшеніемъ; она же побуждаетъ его отказаться отъ предложенія Ивана бѣжать. Митя предпочитаетъ идти на каторгу, чтобъ очистить тамъ страданіемъ свою душу. Это рѣшеніе въ немъ подкрѣпляетъ еще воспоминаніе о томъ восторженномъ душевномъ состояніи, которое пережилъ онъ послѣ того, какъ отдалъ Екатеринѣ Ивановнѣ свои послѣдніе 5000 рублей.

Другой представитель Карамазовщины—это *старикъ Карамазовъ*. Въ немъ уже нѣтъ никакой вѣры въ какой-нибудь „начало“, его не сдерживаютъ никакія соображенія нравственнаго характера. Онъ почти не способенъ любить кого-нибудь. Онъ любитъ по своему одного Алешу—послѣдній одинъ прощаетъ его, съ нимъ онъ чувствуетъ себя человѣкомъ и, дѣйствительно, самъ становится лучше, человѣчнѣе.

Карамазовъ сладострастенъ и трусливъ. Онъ терпѣлъ прежде одни униженія, былъ шутомъ для другихъ, поэтому онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобъ дѣлать шутами другихъ, насмѣхаться надъ ними.

Третій изъ братьевъ—*Иванъ*. Онъ хорошо образованъ. Интересны его взгляды на человѣчество, которые онъ излагаетъ отчасти въ разсказѣ о Великомъ Инквизиторѣ, устами послѣдняго. Инквизиторъ разговариваетъ съ сошедшимъ на землю Христомъ и упрекаетъ послѣдняго въ томъ, что онъ далъ людямъ свободу совѣсти, свободу вѣрить и не вѣрить. Не такъ

нужно было сдѣлать по его мнѣнію—такъ нельзя было дать людямъ счастье. На нихъ нужно дѣйствовать силой, авторитетомъ. Онъ говоритъ Христу, что намѣренъ, дѣйствуя его именемъ, сдѣлать человѣчество покорнымъ и счастливымъ. Они, т. е. люди, будутъ сыты, но за то они не будутъ разсуждать; они будутъ во всемъ подчиняться избранной кучкѣ учителей, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Такимъ образомъ, онъ не видитъ возможности для человѣчества какого-либо иного счастья, кромѣ счастья сытаго стада. Иванъ не считаетъ нужнымъ даже сдѣлать всего того, что хочетъ сдѣлать Инквизиторъ—ему дѣла нѣтъ до людей, да и вообще онъ не можетъ понять любви къ ближнимъ. По его мнѣнію, можно любить только дальнихъ. Очевидно онъ любитъ человѣчество, какъ нѣчто цѣлое, отвлеченное, но не можетъ любить отдѣльнаго человѣка, имѣющаго свою опредѣленную физіономію.

Въ сущности, онъ глубоко страдаетъ, видя вокругъ себя страданіе и не находя возможности помочь ему. „Не для того же я страдаю,—говоритъ онъ—чтобы унавозить какую-то будующую гармонію. Да и положимъ, будетъ когда-нибудь эта гармонія, но вѣдь отъ этого тѣмъ, что страдали, не будетъ легче“...

Мы видимъ, что его отрицаніе доходитъ до изумительной тонкости; при этомъ, это отрицаніе не сухого эгоиста, а человѣка глубоко-страдающаго, ищущаго въ мірѣ справедливости и не находящаго ея.

Немаловажную роль въ романѣ играетъ побочный сынъ стараго Карамазова—*Смердяковъ*. Гонимый и унижаемый съ дѣтства, онъ вырастаетъ какимъ-то дикаремъ. Старикъ Карамазовъ, узнавъ его поближе и оцѣнивъ его честность и чистоплотность, доходящую до брезгливости, дѣлаетъ его своимъ поваромъ и лакеемъ.

Смердяковъ молчаливъ и сосредоточенъ; онъ, очевидно, много про себя думаетъ—во всякомъ случаѣ, онъ является какимъ-то самороднымъ философомъ-отрицателемъ.

Въ городъ пріѣзжаютъ его братья; они не обращаютъ на него вниманія, но зато онъ обращаетъ вниманіе на средняго изъ нихъ—Ивана. Онъ преклоняется передъ его ученостью; кромѣ того, проповѣдь Ивана — „все позволено“, — весь его отрицательный взглядъ, приходятся какъ разъ подъ настроеніе Смердякова. Онъ старается какъ можно чаще говорить съ Иваномъ объ интересующихъ его предметахъ, хотя и видитъ, что послѣдній относится къ нему съ презрѣніемъ. Въ угоду Ивану совершаетъ онъ и преступленіе; ему отдаетъ онъ и деньги. Встрѣтивъ со стороны Ивана, давшаго ему, такъ сказать, санкцію на это преступленіе, взамѣнъ одобренія одно презрѣніе, проклятія и даже побои, онъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Остановимся далѣе на фигурѣ старца *Зосимы*, учителя Алеши. По своимъ взглядамъ на человѣчество, онъ совершенно противоположенъ Ивану Карамазову; Засима любитъ восторженно людей и природу. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ людскія отношенія обусловливались одной любовью, чтобы люди были свободны.

Старецъ Зосима на своемъ вѣку уже столько перевидалъ людей, столько слышалъ различныхъ признаній, что по виду человѣка догадывается, что у него на душѣ; этимъ онъ часто приводитъ въ смущеніе приходящихъ къ нему исповѣдываться или просить совѣта.—Немудрено, что онъ такъ повліялъ на молодого Алешу. Послѣдній усвоилъ его ученіе, но не вполнѣ: онъ ждетъ отъ него чуда, вещественнаго доказательства его силы, между тѣмъ какъ старецъ

все значеніе человѣка видѣлъ въ его чисто-нравственной силѣ.—Зосима является представителемъ наиболѣе симпатичнаго для Достоевскаго взгляда на вопросы религіи. Онъ не придаетъ значенія грубой обрядности, чуждъ всякихъ суевѣрій и не вѣритъ, подобно своему противнику—отцу *Ѳерапонту*—въ матеріальный адъ съ кочергами и чертями. Послѣдній является представителемъ такого темнаго 'религіознаго взгляда. Этотъ полупомѣшанный монахъ—крайній мистикъ - реалистъ; его мистицизмъ держится на галлюцинаціяхъ, разговорахъ со Христомъ, чертяхъ, съ которыми онъ воюетъ и т. п. Онъ ненавидитъ Зосиму, какъ представителя совсѣмъ незнакомаго ему чисто-нравственнаго начала, и раздражается злорадной бранью, когда послѣ смерти Зосимы не совершается ожидаемаго чуда.

Одного пошиба съ нимъ *обдорскій монашекъ*, перебѣгающій отъ одного къ другому и разносящій толки объ ожидаемомъ чудѣ; онъ, собственно, не имѣетъ ничего своего, устойчиваго.

Какъ было незнакомо то чувство любви и состраданія, о которомъ говоритъ старецъ Зосима, отцу Ферапонту, такъ незнакомо было оно и *Ракитину*. Онъ воспитывался въ бурсѣ, или семинаріи, гдѣ какъ всякую премудрость, такъ и вѣру въ Бога и любовь къ людямъ вколачивали въ него розгами. Вполнѣ понятно, что послѣ бурсы въ немъ не могло остаться и слѣда отъ этихъ высокихъ чувствъ и что всякій разговоръ объ нихъ могъ вызывать въ немъ одну злобную насмѣшку. Вся дѣятельность Ракитина, всѣ его мысли устремлены на собственныя выгоды, на устройство своей карьеры. Онъ будетъ сегодня говорить одно, завтра другое—смотря по тому, что для него является болѣе выгоднымъ.

Обратимся къ двумъ главнымъ женскимъ персонажамъ романа — Катеринѣ Ивановнѣ и Грушенькѣ.—

Гордая, красивая *Катерина Ивановна* — невѣста Мити Карамазова—до знакомства съ нимъ относилась къ нему съ презрѣніемъ, не замѣчала его. Но вотъ ей пришлось сломить въ себѣ эту гордость—она идетъ къ нему за деньгами, чтобы спасти старика-отца. Противъ ожиданія, Карамазовъ отдаетъ ей свои 5 тысячъ и затѣмъ почтительно провожаетъ ее.—Катерина Ивановна уѣзжаетъ послѣ этого въ Москву, а оттуда, получивъ наслѣдство, высылаетъ Митѣ свой долгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она предлагаетъ ему жениться на ней. Карамазовъ пріѣзжаетъ въ Москву, а оттуда затѣмъ— въ родной городъ, куда за нимъ слѣдуетъ и Катерина Ивановна.—Она, очевидно, старается убѣдить себя въ томъ, что любитъ Дмитрія, на дѣлѣ же этого вовсѣ нѣтъ. Она просто рѣшаетъ пожертвовать собой для него и такимъ образомъ превзойти его своимъ великодушіемъ. Она не можетъ забыть того оскорбленія, которое онъ нанесъ ея самолюбію, и въ то же время сознаетъ, что должна быть благодарна ему. Исходъ изъ этого положенія остается одинъ—со своей стороны „придавить“ его своимъ великодушіемъ. Этимъ объясняются всѣ ея поступки. Это побудило ее дать ему и 3 тысячи для пересылки въ Москву—она почти навѣрное знала, что онъ оставитъ ихъ у себя.—

Въ то же время она увѣрена, что любитъ Митю. Только на судѣ, когда она видитъ, что Ивану грозитъ обвиненіе въ убійствѣ, становится для нея яснымъ, что любитъ она его, а въ Митѣ любила только свое собственное великодушіе.—

Другая изъ женскихъ фигуръ романа—красавица *Грушенька*. Дочь бѣдныхъ родителей, она была бро-

шена человѣкомъ, соблазнившимъ ее и затѣмъ выгнана изъ дому родителями. Она попадаетъ къ старику-купцу, у котораго и живетъ на содержаніи. Она любитъ послѣдняго, какъ своего благодѣтеля, спасшаго ее чуть ли не отъ голода; онъ ее не стѣсняетъ— она живетъ свободно. Изъ блѣдной дѣвушки Грушенька развивается въ пышную русскую красавицу... Она рѣшаетъ составить себѣ капиталъ, т. к. въ этомъ видитъ единственный способъ обезпечить себя.—

Для нея то и предназначаетъ старый Карамазовъ тѣ три тысячи, которыя проситъ у него Дмитрій. Узнавъ, что отецъ продаетъ Грушенькѣ его векселя, послѣдній идетъ къ ней съ самыми невыгодными для нея намѣреніями, но, вмѣсто того, чтобы исполнить ихъ, онъ самъ безъ памяти влюбляется въ Грушеньку.— Она между тѣмъ не выказываетъ особой склонности ни къ Митѣ, ни къ его отцу. Дѣло въ томъ, что она ждетъ еще своего давнишняго обидчика, чтобы показать ему себя и свое богатство и сказать „теперь уже поздно“—такъ она мечтаетъ. Она его даже какъ-будто еще любитъ—вѣдь летитъ же она, сломя голову, лишь только получаетъ извѣстіе объ его пріѣздѣ. Ихъ встрѣча, однако, сильно разочаровываетъ ее. Во-первыхъ, она видитъ его уже опустившимся, облысѣвшимъ; кромѣ того, онъ обращается съ ней довольно высокомѣрно и какъ-будто не чувствуетъ себя виноватымъ передъ ней—даже напротивъ, онъ говоритъ о томъ, что онъ намѣренъ все забыть и т. д. Во время этого свиданія пріѣзжаетъ Митя, и тутъ только она убѣждается, что любитъ послѣдняго. Затѣмъ происходитъ арестъ Мити. Въ силу своей любви Грушенька не можетъ повѣрить, что онъ—убійца, и вмѣстѣ съ Алешей является его ярымъ защитникомъ.—

Грушенька имѣетъ много общаго съ Настасьей Фи-

липповной, изъ романа „Идіотъ“—она такая же несчастная по своей судьбѣ и „хищная“ только въ силу обстоятельствъ женщина.

Ея любовь къ деньгамъ объясняется желаніемъ накопить капиталъ, который далъ бы ей возможность оградить себя отъ всякихъ униженій. Ея образъ дѣйствій съ Митей и другими можно объяснить ожесточенностью, желаніемъ выместить на нихъ чувства обиды и униженія. Видѣть въ ней только „хищницу“—это слишкомъ односторонне.

Рядомъ съ драмой Карамазовыхъ въ романѣ идетъ другая драма—Илюши и его отца. Этотъ вводный эпизодъ интересенъ по выведеннымъ въ немъ дѣтскимъ типамъ. *Илюша*—чуткій мальчикъ, безъ памяти любящій своего отца. Онъ не можетъ вынести насмѣшекъ шекъ своихъ школьныхъ товарищей, которыми они его преслѣдуютъ послѣ извѣстной сцены Дмитрія Карамазова съ его отцомъ; изъ-за этого онъ вступаетъ съ ними въ драки, нападаетъ на нихъ даже съ ножомъ въ рукахъ, только бы заставить ихъ не трогать „его дорогого папу“. Алешѣ, который старается защитить его отъ нападающихъ на него мальчиковъ, онъ прокусываетъ до кости палецъ за то, что онъ Карамазовъ, братъ того Карамазова, который обидѣлъ его отца.

Впечатлительный и чуткій мальчикъ, наконецъ, не выдерживаетъ—онъ заболѣваетъ. Алеша навѣщаетъ его вмѣстѣ съ его бывшими товарищами, которые относятся къ нему теперь уже иначе. Илюша очень радъ этому. Его безпокоитъ только одно—къ нему не ходитъ одинъ изъ старшихъ товарищей, котораго онъ любитъ больше всѣхъ—Коля Красоткинъ. Послѣдній отстранился отъ него съ тѣхъ поръ, какъ Илюша, по

совѣту Смердякова, далъ какой-то собакѣ кусокъ хлѣба съ булавкой.—Илюша безпокоится, его мучитъ мысль, что Красоткинъ сердитъ на него, презираетъ его.—За два дня до смерти Илюши появляется Красоткинъ съ Жучкой—собакой, надъ которой продѣлалъ свой экспериментъ Илюша. Онъ любитъ послѣдняго по-прежнему. Чтобы обрадовать его, онъ нашелъ Жучку и выдрессировалъ ее; послѣднее сдѣлалъ онъ, желая доставить больному Илюшѣ радость побольше. Но онъ приходитъ поздно, Илюша уже не можетъ выдержать этой радости; онъ быстро угасаетъ.—

Коля Красоткинъ увлекается соціализмомъ и матеріалистическими ученіями. Это юноша съ чуткой и сострадательной душой. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ даже выше Алеши.—

Отецъ Илюши—бѣдный отставной офицеръ. Онъ едва перебивается, чтобы накормить свою многочисленную семью. Отличительной чертой его является безграничная любовь къ своему *Илюшѣ*. Закончимъ на этомъ разборъ типовъ, выведенныхъ въ романѣ. Въ романѣ „Братья Карамазовы“ Достоевскій особенно ярко выразилъ свои мысли о народѣ и, въ особенности, о его религіи. Выразителемъ этой религіи народа является старецъ Зосима. Его религія зиждется на чисто-внутреннихъ переживаніяхъ—на чувствѣ любви, состраданія и смиренія; онъ чуждъ всякой обрядности. Въ лицѣ Зосимы онъ показалъ также, что нужно, по его мнѣнію, дѣлать русскому—отрѣшиться отъ своего личнаго „я“ и итти служить народу; вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно вести борьбу съ пробуждающейся въ человѣкѣ Карамазовщиной и стремиться все къ большему самосовершенствованію. Только то общество можетъ стать счастливымъ, въ которомъ господствуютъ начала, проповѣдываемыя Зосимой.—Вотъ, что хотѣлъ сказать Достоевскій въ романѣ „Братья Карамазовы“.—

Рѣчь при открытіи памятника Пушкину.

Остановимся еще на рѣчи Достоевскаго о Пушкинѣ. Въ ней онъ наиболѣе ясно высказалъ свой взглядъ на народъ. По этому взгляду Достоевскій довольно близко подходитъ къ славянофиламъ. Онъ утверждаетъ, что только русскій народъ способенъ возродить павшее въ мірѣ христіанство, стать во главѣ общечеловѣческаго объединенія. При реформѣ Петра, самъ онъ, равно какъ и народъ, принявшій эту реформу, ощущали, чутьемъ предугадывали, вѣроятно, что это сближеніе съ западомъ не исчерпывается чисто-утилитарными цѣлями, что за этимъ скрывается еще нѣчто болѣе важное.—Русскій народъ тотчасъ сроднился духовно съ западными народами– въ этомъ выразилась его способность къ братскому объединенію. Онъ слу-жилъ Западной Европѣ въ теченіи двухъ столѣтій. Въ ней—въ Европѣ—чувствуется уже духовное одряхлѣніе—въ рукахъ Россіи остается задача христіанскаго возрожденія человѣчества. Что русскій народъ способенъ выполнить эту задачу, становится понятнымъ, если разглядѣть ту нравственную силу, которая заключается въ немъ.—

Это подтверждаетъ, между прочимъ, и геній Пушкина; онъ является живымъ воплощеніемъ русскаго національнаго духа, и въ то же время въ немъ мы видимъ поразительную способность вѣрно постигать идеалы другихъ народовъ и художественно перерабатывать ихъ соотвѣтственно собственному міросозерцанію.—На созданные Пушкинымъ фигуры Алеко и Онѣгина Достоевскій указываетъ, какъ на русскаго „историческаго скитальца“, необходимо явившагося на почвѣ оторванности отъ народа.—Хотя большинство

русскихъ интеллигентныхъ людей живетъ тихо, лѣниво и неподвижно, все же существуютъ и „избранные“, которые „забезпокоились“; таковъ Алеко. Онъ еще не умѣетъ правильно выразить своихъ стремленій. Онъ ищетъ правды, не зная, гдѣ ее найти. Авторъ указываетъ ему на слѣдующій исходъ: „Смирись, гордый человѣкъ,—говоритъ онъ,—и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчинись себѣ, овладѣй собой—и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣнибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собой. Побѣдишь себя, усмиришь себя — и станешь свободенъ, какъ никогда, и начнешь великое дѣло и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его“.—Въ этихъ словахъ Достоевскій снова высказалъ одну изъ своихъ главныхъ мыслей о народѣ и интеллигенціи. Вся сила въ народѣ, къ нему долженъ обратиться интеллигентъ, такъ какъ причина страданій его и вина состоятъ именно въ оторванности отъ народа.—Какъ мы уже замѣтили, мысль или, вѣрнѣй, пророчество, что русскій народъ предназначенъ „сказать новое слово“, что онъ является „богоносцемъ“—это идея славянофильская. —

Вся рѣчь носитъ характеръ проповѣди, горячей, искренней, отчасти мистической; вотъ почему она, по словамъ одного критика, въ устахъ самого Достоевскаго производила болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ, производитъ при чтеніи. Въ ней много чувства, дѣйствующаго на слушателя и мало доводовъ, аргументовъ. —

Среди современнаго общества, критики, главнымъ образомъ, она вызвала множество толковъ. По замѣчанію одного критика, изъ всего, что было написано по поводу этой рѣчи, составилось бы объемистое собраніе статей. Для насъ она интересна т. обр. въ томъ отношеніи, что въ ней выражены полнѣе всего взгляды Достоевскаго на народъ и интеллигенцію. —

Особенности творчества Достоевскаго и его значеніе.

Сюжеты большинства произведеній Достоевскаго отличаются своеобразностью. Въ противоположность прочимъ писателямъ своего времени, онъ выводитъ на сцену множество дѣйствующихъ лицъ; интрига въ его романахъ бываетъ сложна и запутана. Онъ вводитъ читателя то въ свѣтскія гостиныя, то въ грязныя трущобы, развертывая передъ нимъ картины человѣческаго паденія, нищеты и разврата. Большинство сюжетовъ взято изъ жизни города, главнымъ образомъ, его бѣднаго населенія. Народомъ въ качествѣ матеріала для художественной обработки Достоевскій почти никогда не пользовался. Единственное произведеніе, въ которомъ выведены, такимъ образомъ, лица изъ народной среды—„Записки изъ Мертваго дома“—стоитъ особнякомъ, да и его нельзя считать чисто-народнымъ произведеніемъ.

Достоевскій если и понималъ народъ, то понималъ своеобразно. Его пониманіе народной души, по мнѣнію Михайловскаго, ограничивается двумя идеями: 1) народъ вѣритъ въ Царя и 2) народъ любитъ и хочетъ

страдать. Первая изъ нихъ представляетъ собой давно извѣстное общее мѣсто. Вторая оригинальна, но принадлежитъ скорѣй фантазіи самаго Достоевскаго, чѣмъ является плодомъ его наблюденій надъ русскимъ народомъ.

Несмотря на это нѣсколько одностороннее пониманіе народа, Достоевскій горячо любилъ его и видѣлъ въ немъ единственную надежду на обновленіе Россіи.

Главной особенностью творчества Достоевскаго является глубокій психологическій анализъ. Мастерски раскрывая душу самаго низко-падшаго на первый взглядъ человѣка, онъ находитъ въ ней остатки человѣческихъ чувствъ. Это исканіе проблесковъ человѣческаго достоинства, вмѣстѣ съ глубокимъ состраданіемъ къ униженному человѣку, крайне характерно для Достоевскаго, особенно въ первый періодъ его жизни и литературной дѣятельности. Вотъ, что говоритъ по этому поводу Добролюбовъ: „Въ произведеніяхъ Достоевскаго мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это былъ о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не въ правѣ быть человѣкомъ самимъ по себѣ... Въ забитомъ, потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ Достоевскій отыскиваетъ и показываетъ намъ живыя, никогда не заглушимыя стремленія и потребности человѣческой природы, вынимаетъ въ самой глубинѣ души спрятанный протестъ личности противъ внѣшняго насильственнаго давленія и представляетъ его на судъ и сочувствіе“... Эта черта, особенно замѣтная въ началѣ дѣятельности, наиболѣе ярко выразилась въ его болѣе раннихъ произведеніяхъ—въ романахъ „Бѣдные люди“ и „Униженные и оскорбленные“.—Постепенно, однако, это состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ замѣняется пропо-

вѣдью необходимости страданія и смиренія. Достоевскій начинаетъ даже какъ бы сочувствовать униженіямъ, ибо въ нихъ спасеніе.

Отыскивая лучшія чувства въ человѣкѣ, Достоевскій склоненъ въ то же время откапывать самыя темныя стороны, рисовать самыя мучительныя и тяжелыя сцены, подолгу останавливаясь на подробностяхъ, анализируя и подвергая читателя нервной пыткѣ.— Эту особенность психологическаго анализа Достоевскаго разсмотрѣлъ Михайловскій въ своей статьѣ „Жестокій талантъ“, гдѣ онъ на цѣломъ рядѣ типовъ Достоевскаго—„подпольномъ человѣкѣ“, Ѳомѣ Опискинѣ, Трусоцкомъ и др. доказываетъ, какъ велика была въ Достоевскомъ страсть откапывать самыя мерзкія стороны человѣка и описывать ихъ.

Добрая часть героевъ Достоевскаго—люди нервные или же душевно-больные. Психіатръ профессоръ юрьевскаго университета В. тоже удивляется той вѣрности, съ которой Достоевскій разбирается въ душѣ своихъ ненормальныхъ героевъ. Онъ считаетъ Достоевскаго замѣчательнымъ психопатологомъ, силой своего художественнаго инстинкта опередившимъ даже точную науку. Онъ приводитъ въ качествѣ примѣровъ слѣдующія, объясненныя Достоевскимъ, патологическія явленія: нравственное помѣшательство (— Раскольниковъ, Свидригайловъ, Иванъ Карамазовъ, Смердяковъ), галлюцинація — (Иванъ Карамазовъ), эпилептическая аура—(князь Мышкинъ), истерія — (Лиза Хохликова) и т. д.

По силѣ и глубинѣ анализа Достоевскій является однимъ изъ первыхъ писателей не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Онъ поднялъ на неизмѣримую высоту психологическій романъ.

Что касается Достоевскаго, какъ художника, то онъ

въ точномъ смыслѣ этого слова, никогда не былъ таковымъ. Во первыхъ, насъ поражаетъ въ произведеніяхъ Достоевскаго полное отсутствіе художественныхъ красотъ, которыми такъ блистаютъ произведенія прочихъ писателей сороковыхъ годовъ. Въ его произведеніяхъ вы не найдете яркихъ описаній природы, художественной обрисовки типовъ и т. п. Языкъ Достоевскаго блѣдный, нервный и отрывистый, герои его всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же слогомъ—это слогъ самаго автора. Эта недодѣланность въ языкѣ обусловливается, впрочемъ, отчасти той поспѣшностью, съ которой приходилось работать иногда Достоевскому—онъ былъ принужденъ даже прибѣгать порой къ стенографическому способу записи.—Все это касается чисто внѣшней стороны, что же касается внутренней, идейной стороны его творчества, то и тутъ онъ никогда не былъ чистымъ художникомъ. Онъ является то мыслителемъ, то публицистомъ. Мыслитель, иногда проповѣдникъ, проглядываетъ въ большинствѣ его произведеній; въ качествѣ публициста онъ выступаетъ главнымъ образомъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Московская Губернская
Центральная Библиотека

Содержаніе.

стр.

Біографія 7

Разборъ произведеній:

„Бѣдные люди“. 15

„Неточка Незванова“ 19

„Униженные и оскорбленные“. 23

„Записки изъ Мертваго Дома 30

„Преступленіе и наказаніе“ 35

„Идіотъ“ 60

„Бѣсы“ 62

„Подростокъ“ 65

„Братья Карамазовы“ 71

„Рѣчь при открытіи памятника Пушкину“ 80

Особенности творчества Достоевскаго и его значеніе . . . 82